

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
(ИНИОН РАН)

СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 9

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА

2022 – 3

Издается с 1972 года
Выходит 4 раза в год
индекс серии 9.2

МОСКВА 2022

DOI: 10.31249/rva/2022.03.00

*Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук*

Отдел Азии и Африки

Редакционная коллегия серии
«Востоковедение и африканистика»:

В.С. Мирзеханов – д-р ист. наук, ИНИОН РАН, главный редактор,
А.В. Гордон – д-р ист. наук, ИНИОН РАН, зам. главного редакто-
ра, *Д.В. Михель* – д-р филос. наук, ИНИОН РАН, ответственный
секретарь, *Д.М. Бондаренко* – д-р ист. наук, член-корреспондент
РАН, ИАФР РАН, *Т.К. Кораев* – канд. ист. наук, ИСАА МГУ,
М.С. Мейер – д-р ист. наук, ИСАА МГУ

Информационно-аналитический журнал «Социальные и гумани-
тарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Восто-
коведение и африканистика» // Information and analytical journal «Social
Sciences and Humanities: Domestic and Foreign Literature». Series 9:
«Oriental and African Studies». До 2021 г. выходил под названием: Рефе-
ративный журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и
зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика».
Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

ISSN 2219-8822

СОДЕРЖАНИЕ

Формации. Цивилизации. Глобализация

Гордон А.В. Цивилизационные проблемы мультикультурного парижского пригорода	5
---	---

Африка. Ближний и Средний Восток

Демидов К.Б. «Арабская весна» как один из фронтов глобальной информационной войны: предварительная постановка проблемы	32
Норик Б.В. О современном состоянии ирано-пакистанской границы	46

Центральная Азия и Закавказье

Кудаяров К.А. Аналитические центры Кыргызстана	62
Асатрян Г.Э. Клань «Талибана» и Афганистан	78

Южная, Юго-Восточная и Восточная Азия

Михель И.В. Эпидемии и история охраны здоровья в Индии	87
Самсонова В.Г. О некоторых аспектах иммиграционной политики Республики Корея	101
Филиппов Д.А. Формирование японской внешней политики при второй администрации Абэ (2012–2020)	115
Мозиас П.М. Трансформация банковского сектора и либерализация процентных ставок в Китае	124

CONTENTS

FORMATIONS. CIVILIZATIONS. GLOBALIZATION

Gordon A.V. Civilizational Problems of a Multi-Cultural Parisian Suburb	5
---	---

AFRICA. NEAR AND MIDDLE EAST

Demidov K.B. The Arab Spring as an Episode of Global Informational War: A Preliminary Study	32
Norik B.V. On Actual State of Iran and Pakistan Border	46

CENTRAL ASIA AND THE CAUCASUS

Kudayarov K.A. Analytical Centers of Kyrgyzstan	62
Asatryan G.E. Taliban Clans and Afghanistan	78

SOUTH, SOUTHEAST AND EAST ASIA

Mikhel I.V. Epidemics and the History of Health Care in India	87
Samsonova V.G. On Some Aspects of the Immigration Policy of the Republic of Korea	101
Filippov D.A. Foreign Policy Making in Japan Under the Second Abe Administration (2012–2020)	115
Mozias P.M. Structural Reforms in Banking and Liberalization of Interest Rates in China	124

ФОРМАЦИИ. ЦИВИЛИЗАЦИИ. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

ГОРДОН А.В.* ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МУЛЬТИ-
КУЛЬТУРНОГО ПАРИЖСКОГО ПРИГОРОДА

Аннотация. В статье анализируется интернет-сайт *Avis sur Aubervilliers (Мнения об Обервилье)*, где жители одного из парижских пригородов в своих постах оценивают ситуацию в городе с его многочисленным мигрантским населением. Анализ этих комментариев позволяет оспорить постулаты правых радикалов об угрозе французской идентичности и самому существованию Франции со стороны мигрантов и ислама, который исповедуют многие из них. Выясняется, что истоком предполагаемого *коммунитаризма* в пригородах является низкое качество жизни мигрантских общин, которое находит выражение в нецивилизованности поведения их представителей (бытовая нечистоплотность, элементарная невоспитанность, агрессивность молодежи). Подчеркивается, что очагами преступности становятся отдельные неблагоустроенные кварталы («гетто», «бидонвили»), притом что им противостоит благоустроенность других городских кварталов. Тем самым на локальном уровне обозначается разделение между центрами, встраивающимися в процессы глобальной модернизации, и депрессивно-традиционалистской периферией. Такое разделение опосредованно проявляется также в борьбе мнений на сайтах, где одни комментаторы предрекают городу вечные ужасы социального дна, а их оппоненты выражают уверенность в потенциале пре-

* Гордон Александр Владимирович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

успешия и поддерживают программу благоустройства избранного в 2020 г. муниципалитета.

Ключевые слова: Обервилье; глобализация; взаимодействие цивилизаций; иммиграция; «великое замещение»; коммюнитаризм; пригороды Парижа; мультикультурализм; джентрификация; Карин Франклет.

GORDON A.V. Civilizational Problems of a Multi-Cultural Parisian Suburb

Abstract. The article analyzes the content of the online forum “Avis sur Aubervilliers (Opinions about Aubervilliers)”, where residents of one of the Parisian suburbs assess the situation in the suburb, having a large migrant population. An analysis of these posts challenges the claims of right-wing radicals about the threat to French identity and to the very existence of France from migrants and Islam (which many of living in the suburb profess). It turns out that the source of the alleged “communitarianism” in the suburb is the low quality of life of migrant communities, which is expressed in the “uncivilized behavior” of migrants (uncleanliness, bad manners, aggressiveness of youth). It is emphasized that a few disadvantaged areas (“ghettos”, “bidonville”) become centers of crime, despite the fact that they are offset by the well-being of other city quarters. Thus, it is possible to indicate local divisions between the centers that are embedded in the processes of global modernization and the depressive-traditionalist “periphery”. That division is also indirectly manifested in the opinions clashes on websites, where some commenters predict eternal horrors of the social bottom to the suburb, while their opponents express confidence in the potential for prosperity and support for the improvement program of the suburb municipality, elected in 2020.

Keywords: Aubervilliers; globalization; contact of civilizations; immigration; communitarianism; Great replacement; Parisian suburbs; multiculturalism; gentrification; Karine Franclet.

Для цитирования: Гордон А.В. Цивилизационные проблемы мультикультурного парижского пригорода // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 19: Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 3. – С. 5–31. – DOI: 10.31249/rva/2022.03.01.

Накануне президентских выборов 2022 г. иммиграционная паника достигла во Франции пика. Широко муссируется угроза национальной идентичности: страна теряет свое лицо, французы экспатрируются, Франция стала чужой для коренных жителей [7]. Из конспирологии в высшую политику шагнуло «Великое замещение». Французский писатель Реми Камю предостерегает: мировые политические элиты посредством индустриализации и глобализации, распространяя материалистическую этику и бездуховность, лишают европейские народы их культурных корней (*Grande Déculturnation*), чтобы заменить афро-азиатскими мигрантами. Несмотря на расистские коннотации и скандальность личности автора, привлекавшегося к суду последовательно за пропаганду педофилии, антисемитизм и наконец – разжигание ненависти к мусульманам, новейшая версия мирового заговора становится все более влиятельной, поскольку резонирует с алармистскими настроениями значительной части французского общества¹, а благоприятную почву для последних десятилетиями создавали упаднические ощущения (*Деклинизм*), питаемые провалом либеральных реформ, экономической стагнацией, технологическим отставанием и, как следствие, – утратой реального статуса великой державы².

«Великое замещение» – это главное, провозглашает Камю. Другие вопросы президентской кампании, вроде пандемии или покупательной способности населения, менее важны [56]. Похоже, такой настрой разделяет «пандит³ французского телевидения» Эрик Земмур, объявивший новую *Реконкисту* во имя спасения культурно-цивилизационной идентичности Франции от ислама и учредивший одноименную партию *Reconquête* для борьбы за президентский пост⁴. Стараниями подобных спасителей тема имми-

¹ Согласно последним обследованиям, две трети французов (67%) «обеспокоены» угрозой «Великого замещения», а 61% верят в его возможность (Le Figaro. 21 oct. 2021).

² Не случайно опросы общественного мнения выявляют, что в социуме господствуют чувства опустошенности, подавленности, недоверия (*lassitude* – 41%, *morosité* – 34, *méfiance* – 28%).

³ Пандит – учитель (санскрит). Присвоение популярному телеведущему такого звания подчеркивает (с долей иронии) его интеллектуальный авторитет.

⁴ На тему «исламской угрозы» существует обширная, в том числе отечественная, литература [3; 4; 7; 9].

грации вышла на первый план в политической повестке дня, посетив остершие социальные и экономические проблемы.

Дрогнул традиционный правый центр, и его кандидат в президенты Валери Пекресс, которая, будучи министром образования при Н. Саркози, поддерживала мультикультуралистский курс на «разнообразии (*diversité*)» [68; 69], переметнулась к сторонникам республиканской унитарности. Усвоив дискурс Земмура, она обещает в случае победы на выборах санировать неконтролируемые территории (*non droit, non France*), где произрастают исламизм, терроризм, преступность, «вернув их Республике (*Reconquête républicaine*)» [55].

Как же обстоит дело на территориях, которые Пекресс, глава региона Иль-де-Франс, где сосредоточено большинство иммигрантского населения, объявляет неконтролируемыми? Обратимся к Обервилье, городу в северо-восточной части Большого Парижа, в его «Первой Короне», или «Малой Короне»¹, – мультиэтническому и поликонфессиональному пригороду со 100-тысячным населением, который популярное университетское издание провозгласило «территорией, захваченной исламизмом» [63]². Жюльен Дюран, автор главы об Обервилье в этом бестселлере, указывал на образование в городе коалиции исламистов с коммунистами. Первых в его трактовке представляет Ассоциация мусульман Обервилье, основанная в 2001 г. и официально существующая с тех пор организация, которую Дюран обвинил в проповеди *салафизма* заодно с идеологией «Братьев-мусульман». В руководстве муниципалитета, как доказывает Дюран, Ассоциация мусульман создала свою клиентуру из коммунистов, и она должна была прийти к власти в результате муниципальных выборов 2020 г. Однако названная «исламогошистской» коалиция, сорвав переизбрание члена ФКП М. Деркауи и расколов тем самым левоориентированный электорат, способствовала избранию в мэры – впервые за всю историю муниципальных выборов в Обервилье – Карин Франклет (из центристского Союза демократов и независимых), объединившей правый электорат.

¹ «Малая Корона», или «Первая Корона» включает департаменты От-де-Сен, Сена-Сен-Дени, в который входит Обервилье, и Валь-де-Марн.

² Теме ислама в пригородах и конкретно в департаменте Сен-Дени посвящены также социологические эссе Ж. Кепеля [см.: 45].

В политическом отношении город остается левоориентированным, о чем свидетельствуют региональные выборы 2021 г. За победившую на выборах в региональный совет Иль-де-Франс с результатом второго тура 45,92% Валери Пекресс в Обервилье проголосовало только 34,18%, значительно меньше, чем за представителя коалиции левых Жюльена Байю, который получил почти половину (48,63%) голосов городского электората. Между тем Франклет на происходивших одновременно департаментских выборах даже расширила свою поддержку в городе, победив кандидата левых 55:45 (соответственно 55,04% и 44,96% голосов) [18].

Основой ее поддержки сделалось, как я постараюсь показать дальше, то, что она выразила надежду значительной части политически активного населения в виде средних слоев на изменение положения в городе к лучшему, возможность его цивилизационного обустройства. Придя к власти под лозунгом «Обновим Обервилье», Франклет, став мэром, остается выразителем подобных настроений, символизируя своей деятельностью обновленческую программу городского благоустройства [42; 67].

Идеологемы, которыми увлечены глашатаи французской идентичности на политической сцене, рефлектируются в драматургии городской жизни весьма своеобразно. О реальных коллизиях Обервилье красноречиво свидетельствуют интернет-сайты, на которых жители высказывают в эмоциональной и откровенной форме мнения о городе и своей жизни в нем. Координаторы сайтов просят структурировать свои комментарии по оси «плюсы – минусы» и выставлять оценки отдельным, обозначенным ими сторонам городской жизни, а также последней в целом.

Хотя мнения разделились по указанной оси самым противоположным образом, при таком раскладе вырисовывается нечто общее. Рассматривая коллизии городской повседневности, задумаешься о цивилизационно-мировоззренческом конфликте. Его сложно концептуализовать, однако, вероятно, можно считать разновидностью порожденного неравномерностью глобализационных процессов и окрашенного в этнокультурные тона разрыва между прогрессирующей и модернизирующейся Францией, с одной стороны, и ее депрессивно-традиционалистской частью – с другой [см.: 5].

Такой разрыв, проявляющийся своеобразным образом в сфере сознания микрокосма французского общества, выражающего себя на сайтах «Мнения об Обервилье», не проанализирован, насколько мне известно, в литературе о парижских пригородах. Определенно здесь нет традиционной политической геометрии «левые – правые», не чувствуется и классового водораздела. Хотя нынешняя борьба за французскую идентичность очень напоминает раскол времен Третьей республики на «дрейфусаров» и «антидрейфусаров», в *Avis sur Aubervilliers* не прослеживается противопоставления «коренных французов» «метекам»¹, по классическому выражению Ш. Морраса в адрес этнических, конфессиональных и культурных меньшинств страны, принадлежность которых к французской нации и гражданскую лояльность которых идеолог ультраправого национализма отрицал.

Объективная ситуация города с пауперизованной массой иммигрантского населения и маргинализованной ее частью становится предметом выяснения отношений между приверженцами двух мировоззренческих позиций. С одной стороны, «деклинисты», призывающие уезжать, буквально «бежать» из города из-за преобладания «нецивилизованного», «коммунотаристского» населения, с другой – «прогрессисты», которые, по выражению их оппонента, «одержимы (bouillonnent) идеей улучшить город» [40].

Конфликт настолько острый, что между сторонами разгорелась информационная война: «деклинисты» доказывают, что их оппоненты в своих комментариях о городской жизни приукрашивают ее в интересах риелторов и муниципальных властей, «прогрессисты» указывают на односторонность и преувеличения у тех, кто рисует положение в городе одним цветом, подмечают, что некоторые критические отзывы основаны не на личных впечатлениях, а на сводках Google или калькируют пропагандистские клише.

Намеки на «исламогошистскую» группировку можно вычитать в посте *Печального Альбера*: «Город грязный и коммунотаристский из-за клиентелизма в муниципальной политике. Моло-

¹ Характерно, что немало крайне отрицательных откликов о положении в Обервилье принадлежит горожанам мигрантского происхождения. Обычно это женщины, подвергшиеся ограблению. Обстоятельно-негативную оценку положения в городе находим в посте *Антанариво*. Судя по нику, выходца с Мадагаскара [16].

дежные ассоциации предпочитают индоктринировать, чем помочь молодежи найти занятие». Недоволен Альбер новым строительством и расширением сектора HLM¹, тогда как, по его мнению, нужно позаботиться о старом жилье, чтобы «люди жили в достойных условиях» [65].

Более основательно тему клиентелизма разрабатывает пользователь с ником *Фред*. В противоположность *Печальному Альберу* он дает положительную оценку ситуации в городе, указывая, однако, на минусы, и главный из них: «Недостаточно социальной диверсификации... Нужно немного подумать о средних классах, вместо того чтобы поддерживать свой электорат»².

Коммунисты, возглавлявшие городской муниципалитет за небольшим исключением с 1945 г., проводили отчетливо классовую политику и путем форсированного строительства стремились увеличить фонд льготного жилья в рамках программы HLM, чтобы сделать его доступным для бедноты. Этим воспользовались иммигранты, что и подлило масла в огонь, и, хотя следствием стала доступность Обервилье для малоимущих парижан-французов, недовольные истолковали политику коммунистов как поощрение иммигрантов. Отсюда намек *Печального Альбера* на проведение «коммунотаризма» в клиентелистских интересах коммунистического руководства муниципалитетом. Характерен и гнев комментатора с ником *Балу* о том, что городской бюджет используется «не для благополучия легальных жителей, а для незаконных мигрантов»³.

В интересах классовой политики происходило и перераспределение городских доходов. В Обервилье действовали высокие местные налоги, и притом что больше половины горожан вообще их не платили, вся тяжесть местных сборов ложилась на имущие слои, вызывая, естественно, их недовольство, что и выражалось в

¹ HLM – habitation à loyer modéré, «жилье за умеренную цену», арендуемое или покупаемое при частичном государственном субсидировании.

² Avis posté le 08-06-2020 à 13:36 Par Fred // Avis sur AUBERVILLIERS : la ville idéale? – URL: https://www.ville-ideale.fr/aubervilliers_93001?page=14#commentaires (дата обращения: 15.03.2022).

³ Balou 04.01.2020 // Avis sur Aubervilliers (93), la meilleure ville? – URL: <https://www.bien-dans-ma-ville.fr/aubervilliers-93001/avis.html?page=2#commentaires> (дата обращения: 15.03.2022).

острой критике «клиентелизма» коммунистического руководства города.

Кроме того, форсирование нового жилищного строительства в ущерб поддержанию старого фонда привело к деградации последнего, и жалоб по поводу состояния сектора HLM встречается немало. Еще одним следствием сделались упреки по поводу городского благоустройства, в ухудшении которого отчасти справедливо обвинили муниципалитет. Коммунистическое наследие активно осуждается в разных аспектах, и часть авторов негативных оценок даже возлагают надежды в связи с этим на произошедшую с приходом Франклет смену муниципального руководства. «Обервилье – город катастрофический с точки зрения урбанизации, – утверждает старожил города с ником *Альбертивиллар*¹ (l'Albertivillarien). – Здесь царит ставка обложения социального жилья выше средней, сохраняющееся наследие политики коммунистической мэрии. Несколько кварталов-гетто оставлены без контроля (de non droit laissés à l'abandon)... Большая часть города в антисанитарных условиях (insalubre), и жилой фонд постоянно разрушается. За 30 лет ничего не изменилось, спешу увидеть, как новый мэр из правых выправит положение в городе» [13].

Однако для принципиальных «деклинистов» ничего измениться не может, и надо бежать из охваченного «коммюотаризмом» города. В ярко полемическом стиле высказывает эту мысль девушка с характерным ником *Покинуть Обервилье*. Ее надежды на выгодное инвестирование не оправдались: «Никогда не слушайте риелторов!!! Я совершила ошибку, приобретя жилье в Обервилье!! Мне продавали Обервилье как город, в который нужно инвестировать, Олимпийские-2024, вторая линия метро...» Достается местной администрации. Санинспекция плохо работает, полиции не видно. Новый мэр Карин Франклет напрасно внушает надежду на благоустройство города. Город остается грязным из-за некультурности жителей, харкающих, бросающих окурки, объедки, бутылки; «запах мочи повсюду». И не приобретайте жилье с окнами на улицу: клаксоны всю ночь.

Другая большая тема – безопасность. Перечислив ужасы, кои претерпела за три месяца пребывания – несколько «агрессий»,

¹ От древнего названия города.

квартирная кража, – она оплакивает женскую долю: «Для женщины ужасное испытание идти в одиночку по улице, вас ждут приставания и оскорбления. Даже не вздумайте в Обервилье надеть юбку, это рискованно и опасно».

Виной всему, считает девушка, «ультракоммюнитарный» состав населения, следствие чего «скверы, кишашие наркоманами, беспутной мигрантской молодежью и крысами». В общем, «если вам по душе страна третьего мира, добро пожаловать» в Обервилье. «Город колонизован и деградировал за 60 лет коммунизма». Так оценила несостоявшийся новосел Обервилье последствия послевоенного пребывания у власти в городе членов ФКП.

Заметим, при всей своей политической грамотности и хорошем кругозоре бойкая на язык девица ни словом не упомянула исламскую угрозу. Она рассуждает о культурно-цивилизационного аспекте глобализации в его конкретных проявлениях – невоспитанность городского населения в своей мигрантской массе, несовместимость ее культурного уровня с нормами цивилизованной городской жизни, выработанными во Франции (и Европе), хамское отношение к женщинам со стороны беспризорной мигрантской молодежи [59].

Отмечу, что и у других радикальных критиков термин «коммюнитаризм» не имеет отношения к исламизму или «исламо-гошизму». Это – неблагополучие в плане безопасности или санитарии из-за некультурности массы населения. Эти люди будто живут в позапрошлом веке, «в 1800-х годах», констатирует Дени [28].

Женская тема в обличении городской преступности заметно преобладает, хотя и подается порой курьезно: «Если вы молодая девушка, не выходите в одиночку после 20 часов», – предупреждает *Антонио*, призывающая «бежать без оглядки» из Обервилье [17]. Или с обличительным пафосом: «Публичное пространство приватизировано на 99% зонарами-мизогинами (sic!)», которые ни с кем не считаются, – утверждает автор памфлета о городе, опубликованного в виде комментария [40]. Но реальность того, что названо здесь «мизогинией» – агрессивный сексизм в поведении определенной части мужского населения, а именно – молодежи из мигрантских общин, – сомнений не вызывает.

«Из города нужно бежать, особенно если вы – женщина», – взывает пользовательница с ником *До свидания, город, я покидаю*

тебя без сожаления. За проблемой преступности она усматривает попустительство местных властей и полиции, а повод для ее поста – равнодушие окружающих. У нее по дороге на работу (в 7.30) вырвали сумку, и все проходили мимо¹.

Привлекает внимание самоидентификация «беглянки». Как и неудачливый инвестор в первом случае, она – представительница средних слоев, которые могут себе позволить покупку квартиры; и к тому же, скорее всего, она из служащих – из «честных тружеников (*honnête travailleurs*)», к которым и обращается с призывом уезжать из города и «не инвестировать здесь ни сантима» [20].

Лолот снимает квартиру-студию 30 м² в секторе HLM уже 27 лет и в общем удовлетворена городской жизнью, судя по продолжительности своего пребывания и сравнительно высокой оценке по существу обобщающей категории «практическая жизнь» (*vie pratique*) – 3 из 5, наряду с 4 в категории «спорт и досуг» (при единице за «безопасность» и нуле за «экологию»). Но пренебрежение своими обязанностями администрации HLM ее возмутило: она исправно платит за жилье, а у нее клопы в спальне и крыса на кухне. Вынужденная жаловаться на жилуправление муниципальным властям (знакомый по российской действительности поступок), она заявляет местной управляющей компании: «Стыдно!» [49].

Резкое падение культурного уровня (что выражается в чистоте улиц и «цивильности» населения) отмечают живущие в городе 45 лет старомодные обыватели, возмущившиеся замеченными неудобствами при прогулке с собачкой. Город превратился в «помойку (*un rebut*), его улицы заполонила «псевдоцивилизация», заявляют они. Трогательный рассказ об этой прогулке с предостережениями, что нужно глядеть под ноги, чтобы не попасть в яму, поскольку тротуары пришли в негодность, не слишком убеждают в катастрофическом состоянии города в 2018 г. [21]. Как и требование немедленного устройства специальных площадок и даже парка для выгула собак. Но отметим пробуждение сознания средних слоев из-за неблагоприятной динамики городской жизни, в том числе из-за невнимания местных властей к ее упорядоченности.

¹ Любопытно, что встречаются женские отклики прямо противоположного свойства: так, *Кайя* пишет, что торговцы помогли ей, когда у нее пытались вырвать сумку [41]. Возможно, в первом случае сказалась динамика спешащей толпы.

Неблагоприятная динамика ярко высвечивается ником *Безжать из города*: город «совершенно деградировал на протяжении 10 или 15 лет... Не знаю, что произошло, но из города вполне спокойного превратился в настоящий ад» [66]. Этот пост в разгар лета 2020 г. поддерживает пост *Альбервилли* через год: «В течение 20 лет город деградировал и стал непригодным для жизни (invivable)... Перекресток четырех дорог, когда-то процветавший, теперь грязный и не посещаемый. Наркоторговля и контрабандные сигареты сейчас в открытую, что делает город и квартал непригодными для обитания» [15].

Так по контрасту подтверждается наблюдение о сравнительном благополучии Обервилье при моем пребывании в городе осенью 2002 г. Впечатляет и сообщение о бывшем процветании квартала Карфур – Катр-Шемен (Перекресток четырех дорог), где я проживал, вынося аналогичные впечатления [1]. И заставляет задуматься: «Что же произошло?» Самое простое предположение: состав городского населения значительно изменился за счет новых мигрантов. В 2010–2016 гг. во Францию прибыло 710 тыс. официальных (regular) мигрантов, из них 360 тыс. из Марокко и 140 тыс. из Алжира [32]. И в это же время произошел скачок в численности населения Обервилье: в 2019 г. в городе проживали 88 948 человек, почти на 15% больше, чем в 2013 г. (в департаменте Сена-Сен-Дени, куда входит коммуна Обервилье, население за это время увеличилось на 6% (5,95), а по всей Франции – на два с небольшим (2,17%)).

Похоже, в качественном отношении этот прирост оказался крайне неблагоприятным для города. В комментариях пишут о молодых людях, приехавших во Францию без родителей. Как пишет один из комментаторов, совершенно чуждых французской культуре, «знающих не более трех слов по-французски»¹.

И на этом фоне – впечатляющий рост преступности: в сравнении с 2014 г. в 2018 г. акты насилия в Обервилье, по данным МВД, участились на треть; преступления, связанные с наркотиками, – почти наполовину (777); мошенничество (escroquérie) – в два с лишним раза, а больше всего фиксируется случаев воровства

¹ Stephstph 04.09.2019 // Avis sur Aubervilliers (93), la meilleure ville? – URL: <https://www.bien-dans-ma-ville.fr/aubervilliers-93001/avis.html?page=2#commentaires> (дата обращения: 04.03.2022).

(5226 случаев, рост на 18,9%). Однако наиболее угрожающий характер приобрели именно акты насилия (1387) [48]. Это преимущественно грабеж, или, по криминальной классификации, – «воровство с применением насилия». По оценке МВД за 2019 г. коммуна Обервилье по уровню насильственных преступлений заняла второе место в метрополии Франции [16].

В эти же годы преступность стала принимать специфически-этнический оттенок, жертвами грабительских нападений оказались в первую очередь китайцы, оптовый бизнес которых консолидировался к этому времени в Обервилье. Пик подобных нападений пришелся на 2016 г., когда при возвращении с работы был убит китаец-портной, а общим числом в том году «с января до августа против азиатов было совершено 105 нападений» [35].

Заметим, об этих подлинно бандитских преступлениях, к тому же заметно этнических по своей природе, наши свидетельницы, возмущенные «приставаниями» и обеспокоенные воровством, не упоминают. В общем, указанный призывающими бежать из Обервилье «коммюнитаризм» сводится к избыточности мигрантского населения города и его «нецивилизованности», выражающейся в нечистоплотности и молодежной девиантности. Раздражают также уозость «этнического бизнеса», непритязательность общепита, рассчитанного на примитивные вкусы бедноты, затрудненность парковки из-за обилия брошенных транспортных средств и забитости улиц и дворов иногородними авто, а также множество самодельных автосервисов («*mécanique sauvage*») [58].

Обервилье – одна из экономически развитых коммун «Малой Короны», и притом одна из беднейших. В результате деиндустриализации рубежа XX–XXI вв. экономика Обервилье, который со времен промышленной революции XIX в. сделался частью индустриального окружения («красного пояса») Парижа, понесла серьезный урон, и этот урон не мог восполнить третичный сектор при преобладании в нем мелких предприятий (до девяти занятых). Возникшие новые научно-технические производства и телекоммуникационные службы относятся к сектору высоких технологий и привлекают преимущественно (отсутствие ссылок в комментариях на указанных сайтах тому косвенное свидетельство) персонал из Парижа.

Не принесло улучшения ситуации внедрение китайского экспортно-оптового бизнеса. Муниципалитет надеялся на оживление экономической деятельности, привлечение инвестиций, увеличение налогов и сборов, но оборотной стороной сделалось обострение криминогенной ситуации, а образование крупного центра международного ритейла сказалось крайне негативным образом на городском благоустройстве, вызвав загруженность центральных улиц транзитным транспортом, запаркованность прилегающих территорий, наконец, создание обширной складской зоны, создающей, помимо прочего, угрозу пожаров¹.

Депрессивное состояние местного рынка рабочей силы породило рост бедности. Лишь в последние годы начал снижаться уровень безработицы – с 22% (среди молодежи выше 30%) [30] до 8%, почти достигнув к концу 2020 г. средних по Франции показателей (7,7%)². Уровень бедности в 2018 г. достиг 44%, намного выше среднего по департаменту (28,4) и региону Иль-де-Франс (15,6%) [24; 25].

«Между Парижем и Ла Курнёв нищета насилие и надежды» – заголовок репортажа об Обервилье в парижской «Ле Монд» [26]. Именно социально-экономические предпосылки городских проблем оказываются основной темой комментариев тех, кто не собирается покидать Обервилье.

«Много крайней бедности и нездорового жилья, одно порождает другое». Некоторые кварталы производят впечатление «бидонвилей» [11]. Так вскрывается очаговой характер городского неблагополучия: напоминающие «бидонвили» или «гетто» кварталы – средоточие нищеты, антисанитарии, преступности. В потенциал криминогенности попадают и маргинализованные категории населения: «Много безработных, которые занимаются воровством», нелегальные мигранты и их дети «тоже воруют» [64].

¹ См.: Chuang Ya-Han, Tremon A.-C. Problematizing Chinatowns : Conflicts and Narratives Surrounding Chinese Quarters in and out of Paris // Chinatowns Around the World : Gilded Ghetto, Ethnopolis, and Cultural Diaspora / ed. by B.P. Wong, T. Chee-Beng. – Leiden : Brill, 2013. – P. 187–214.

² Taux de chômage dans la zone d'emploi de Aubervilliers au quatrième trimestre 2020 (la moyenne est de 7,7% au quatrième trimestre 2020 en France métropolitaine). – URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Aubervilliers#Entreprises_et_commerces (дата обращения: 06.03.2022).

Признавая проблему преступности (*la délinquance*), «прогрессисты» призывают не преувеличивать ни ее масштабы, ни ее криминальность (*la criminalité*). Если почитать некоторые комментарии, замечает *Ju* (Жюльен?) *d'Auber*, скажешь, что Обервилье – «разбойничий притон, расположенный где-то в третьем мире». Действительно, «много мужчин слоняются без дела, но большинство из них не делают ничего плохого, они только курят и пьют в кафе» [39].

Аналогичное мнение высказывает Кенза: «Большинство хочет жить спокойно», бузят «деревенские идиоты», корчащие из себя мачо. Крикливые продавцы контрабандных сигарет, раздражающие благонравную публику, вместе со всей шумной и неприятной торговлей вразнос, тоже «не злодеи». И Обервилье – «совсем не Бронкс»¹. Так же как и во всех пригородах в Иль-де-Франс, преступность здесь носит «секторальный характер (*la délinquance en fonction des secteurs*)» [44]². Да и нельзя оценку города сводить к преступности. К тому же даже в этой области положение улучшается, замечает автор поста, проживающий в Обервилье пять лет [11].

На примере города вырисовывается огульность фигурирующих в СМИ, особенно в ходе политбоев за президентскую корону, оценок неконтролируемости парижских пригородов (зоны *Non Droit* и даже *Non France*). Показательно, что в качестве небезопасных территорий в различных постах горожан – независимо от общих оценок – называются один-два квартала, преимущественно Карфур – Катр-Шемен. Внимательный наблюдатель из старожилов даже возмутился, что ситуацию в городе оценивают по кварталу, ответственность за который Обервилье разделяет с соседним Пантенем [14].

Оценку криминальной локализованности подтверждает любопытный обзор 2015 г. независимого наблюдателя о положении в

¹ Город рядом с Нью-Йорком, средоточие бандитских группировок, состоящих из людей латиноамериканского (пуэрториканского и доминиканского) происхождения. Есть и местные средние классы. Уроженкой города, дочерью программиста пуэрториканского происхождения является Дженнифер Лопес.

² Kenza 24.11.2020 // Avis sur Aubervilliers (93), la meilleure ville? – URL: <https://www.bien-dans-ma-ville.fr/aubervilliers-93001/avis.html> (дата обращения: 15.03.2022).

ZUS (Zone Urbaine Sensible), которую французские СМИ уже тогда окрестили «неконтролируемой зоной». Обервилье по четырехуровневой классификации автора вместе с соседним Пантенем попал во вторую группу городов, где положение в отдельных кварталах придает всему городу «криминогенную репутацию». В Обервилье к такому в обзоре относится Ла Маладрери¹.

Кроме Катр-Шемен и, реже, – Маладрери в комментариях зоной небезопасности называют границу с Ла-Курнёв, который в обзоре городов ZUS отнесен к первому уровню «криминогенности». Неблагополучным кварталам в положительных отзывах противопоставляется список благополучных районов. Последних больше, однако контрастность социальной топографии города сама по себе значима. Современная картина города противоречива, и эта объективная противоречивость выразительно отражается в столкновении мнений его жителей.

Обстоятельный ответ призывающим покинуть Обервилье находим в отзыве пользователя с ником *Марк Лежандр*. Лейтмотив «Я инвестировал и не жалею об этом, полагая, что положение будет улучшаться. Проблема только в том, что происходит это будет не быстро. Надо иметь терпение». В качестве залога преобразования *Лежандр* указывает на появление центра «Шанель» и университетского кампуса «Кондорсе», а также зоны развития (*pole*) «Фор Обервилье»²; обращает внимание на обустройство промзоны вдоль канала Сен-Дени и обновление центрального проспекта Жореса.

Лежандр категорически отвергает нападки на мэра и действующий состав муниципалитета: «Этот новый муниципалитет, засучив рукава (*en prenant à bras le corps*), действительно взялся за

¹ [BruceNorris] 28 janvier 2015 à 21:13:54 // Les quartiers sensibles au 93. – URL: <https://www.jeuxvideo.com/forums/42-50-38312317-1-0-1-0-les-quartiers-sensibles-au-93.htm> (дата обращения: 16.03.2022).

² Проекты развития этой обширной территории, включая создание благоустроенного и озелененного жилого квартала для привлечения имущих парижан, обсуждались с 2010-х, однако реализация задерживалась из-за неблагоприятных оценок экологической ситуации. На территории форта со времен супругов Кюри (1930-е годы) проводились интенсивные исследования радиоактивности.

обновление, чего не было уже давно. Я не отношусь к UDI¹, но признаю, что деятельность, начатая г-жой Франклет... может изменить образ Обервилье» [46].

Аналогичный подход у пользователя с ником *Фабрис* (любопытно, что положительные мнения излагаются комментаторами, не прибегающими к «пропагандистским» призывам и нередко используемыми, по всей видимости, подлинными именами и даже фамилиями). Он тоже новосел (скорее, не владелец, а съемщик жилья), переехал из 18 округа Парижа (Шато-Руж), проживает в Обервилье уже шесть с половиной лет и «совсем не жалеет», считая свой переезд удачным выбором по соотношению «цена – качество жизни», а главным преимуществом для него остается связь с Парижем: «почти Париж» [33].

Несостоявшийся новосел с ником *Бежать из Обервилье* завершила свой отзыв приговором: «Город конченный. Здесь ничего не изменится, если не изменится состав населения». Ее оппоненты в один голос соглашались с необходимостью изменения состава населения, но не в этническом, а в социально-экономическом плане – за счет более обеспеченных и, соответственно, культурных категорий (этот процесс получил название «джентрификация»). И в отличие от «беглянки» находят перспективы, указывая на соотношение «цена – качество»: при относительной по сравнению с Парижем дешевизне жилья транспортную доступность столицы, с одной стороны, и наличие развитой инфраструктуры в самом Обервилье – с другой. Учитывают также новое строительство и произошедшие перемены при изменившемся муниципальном управлении.

«Нужно привлечь больше средних классов. В частности, за счет поглощения антисанитарного жилья (*par une résorption des logements insalubres notamment*)» [39], – замечает пользователь с ником *Жю д'Альбер*. «Город бедный, следовательно, нужно больше (социального. – А. Г.) смешения», – вторит комментатор с ником *Крикри*. Для этого есть возможности, поскольку относительной дешевизной город может привлечь «парижан, желающих

¹ Союз демократов и независимых (*Union des démocrates et indépendants*) – центристское политическое объединение, исповедующее принципы социал-либерализма и европейского федерализма. Франклет – член этого объединения.

приобрести что-нибудь побольше двадцатиметровки¹ (c'est un marché de report évident pour les Parisiens qui cherchent à acheter plus grand que 20 m²)» [27]. «Цена недвижимости может заинтересовать тех, кто желает обрести доступ к подходящему для жизни пространству, – витиевато выражает ту же мысль молодой человек с ником *Микмик 93*. – Город молодой. С большим потенциалом» [51].

«С прибытием новых жителей из средних классов статистические показатели города непременно будут улучшаться, это затронет уровень бедности и соотношение цивилизованной и нецивилизованной торговли (commerces de bouches / boutiques Lycamobile)» [14]. Но и в настоящий момент «для переселенцев из некоторых уголков 18, 19 и 20 округов² (Парижа. – А. Г.) лучшие кварталы Обервилье сулят довольно привлекательные условия повседневной жизни» [14], – уточняет *Альбертивиллар* (*Albertivillarien*) 76, судя по нику, абориген города средних лет.

Такую перспективу раскрывает личный опыт *Ореля*. По его словам, он долго раздумывал с переездом из южной части Парижа в Обервилье «из-за того, что слышал о городе». И все-таки решился, «не желая замуровывать себя в каменных джунглях и стремясь остаться поблизости от Парижа». И он выбрал именно злополучный Катр-Шемен. «Совершенно очевидно, что городу далеко до совершенства, особенно в квартале Катр-Шемен; однако, когда начинаешь знакомиться с кварталом и его жителями, скоро обнаруживаешь невероятный потенциал этого места» [19].

Katiach (Катиш?) тоже, помимо «дешевизны качественных апартаментов» и близости к Парижу, привлекла возможность выходов на природу. Переселившись несколько лет назад из Парижа к набережной канала Сен-Дени, она не жалеет. Огорчают избыток «коммунотарной торговли (кебаб, ликамобиль)» и отсутствие сы-

¹ Аренда жилья в Обервилье значительно дешевле среднефранцузской. По данным 2021 г., 1171 евро против 1241, цена кв. м – 4243 евро против 5088, но и зарплата ниже – 1850:2448 (*Vivre à Aubervilliers : les choses à savoir avant de s'y installer // Déménageurs et gros bras pour votre déménagement*. – URL: https://www.mydemenageur.com/blog/tout-savoir-avant-de-venir-vivre-a-aubervilliers/#Les_visites_guidees_dentreprises_et_dateliers (дата обращения: 16.03.2022)).

² Северо-восточная часть столицы, населенная в значительной степени мигрантской беднотой [10].

роварни и винных погребков. С удовлетворением отмечает открытие рыбного магазина и центра «Шанель» [43].

В отношении торговли для брезгующих непритязательной «этнической» гастрономией, как напоминают сведущие комментаторы, есть широкая сеть супермаркетов («Карфур», «Ашан», «Франприс», «Моноприс») и недорогие рынки в квартале Центр-Вилль и том же квартале Катр-Шемен. В сфере здравоохранения *Жю д'Обер*, рекомендуясь специалистом (*parole de professionnel*), дает высокую оценку медицинским центрам в кварталах Центр-Вилль и Катр-Шемен, а Ла Розере (*La Roseraie*) называет «великолепным госпиталем» [39]. Положительную оценку городскому здравоохранению, в частности Ла Розере, дают и критически настроенные комментаторы. Перечислив различные подразделения госпиталя, его пациентка подчеркивает: «Персонал госпиталя Ла Розере – очень приятные люди и хорошо справляются со своими обязанностями (*sont sympas et font du bon boulot*)» [50].

В отношении сферы образования оценки более нюансированные. «Я думаю, что задача здесь сложнее, чем в других местах», – указывает упоминавшийся выше *Жю д'Обер*, имея в виду, очевидно, избыточность мигрантско-пауперизованного населения. «Однако я вижу, – продолжает он, – людей увлеченных (*gens investis*) и особенно ребят, поступающих в высшие школы (типа *science po*) по окончании лицеев Обервилье» [39]. Об успешной сдаче экзаменов выпускниками из Обервилье 2021 г. есть и официальные свидетельства. Обращает на себя внимание в них, что большинство получивших диплом бакалавра – выпускники с арабскими и африканскими фамилиями, и их многие десятки [60].

«В отношении образования, – пишет *Дютон*, – мне кажется, лицей Ле Корбюзье может не краснеть за результаты, он получил отметку (*la note*) 17,2 классификации журнала *L'Etudiant* в 2020 и максимальную отметку 20/20 по трем критериям, включая его “способность добиваться прогресса учеников”».

Продолжая свой комментарий, *Дютон* предлагает обстоятельный обзор учреждений культуры: «Обервилье – один из пяти городов малой короны, в которых есть национальный драматический центр (Театр коммуны). В городе также есть *cinéma d'art et*

d'essai (Le Studio), региональная консерватория (CRR 93)¹, d'un centre d'expérimentations artistiques (les Laboratoires d'Aubervilliers), известный во всей Франции и частично в Европе... объект культурного наследия, конный театр Зингаро, с мировой известностью. Уже два года город обладает одной из самых больших библиотек – d'IdF – с обширным фондом документации в кампусе Кондорсе» [29].

Красной нитью в комментариях «прогрессистов» проходит тема обновления: «Обервилье на подъеме», «Обервилье на стройке» – характерный рефрен, напоминающий россиянам марши энтузиастов эпохи индустриализации. «Город меняется, я вижу это ежедневно, отправляясь из дома на машине или пешком, – пишет *Ленни* (Леонард?). – Обновление жилья, приход метро и т.д. Положение продолжает улучшаться, но потребуется время. Дел еще хватает. <...> Все заметнее присутствие полиции. Ее постоянно видно в Катр-Шемен, чего не было раньше. Читал в газетах, что мэрия утроила численность полиции, и это хорошо» [47].

Леони жалуется на возникающие из-за интенсивного строительства сложности. «Повсюду, повсюду строительные площадки. Все это полезные новостройки (метро, кампус, Олимпийские игры²), – замечает она, – но неудобства уже пять лет»³. Написано в 2020 г., и это означает, что интенсивное строительство ведется в городе с 2015 г.

Еще один «женский взгляд» от *Сабрины*: «Как и во всех пригородах, безопасность зависит от квартала». Не советует посещать часть *Фор д'Обервилье*, граничащую с Ла Курнёв⁴, и квартал

¹ Le conservatoire à rayonnement régional de musique, de théâtre et de danse d'Aubervilliers-La Courneuve. Основана в 1974 г., подготовила 1400 специалистов.

² Продолжение 12-й линии через центр города, включая уже действующую станцию Фрон Популер (Народного фронта) и проектируемые к открытию в 2022 г. Эмэ Сезэр и Мэрия Обервилье, а также создание кампуса Кондорсе на окраине Обервилье и строительство спортивных сооружений к Парижской Олимпиаде 2024 г.

³ Avis posté le 29-12-2020 à 13:34 Par Léonie // Avis sur AUBERVILLIERS : la ville idéale? – URL: https://www.ville-ideale.fr/aubervilliers_93001?page=7#commentaires (дата обращения: 12.03.2022).

⁴ Это большой лесопарк, по некоторым оценкам сравнимый с Булонским лесом, – одно из любимых мест гуляния жителей Обервилье.

Маладрери. Те напоминают гетто, «особенно вечером» (не побоялась зайти). Зато набережные, квартал Фирмен Гемье и Квартал мэрии для нее «самые симпатичные уголки города». Заключение разборчивой девушки: «Город преображается, это видно: краны повсюду, строится новое жилье, новое метро, чаще попадаются мусоровозы, заметнее, чем прежде, полиция, больше велосипедных дорожек» [61].

Еще один взгляд – от комментатора, судя по нику, мигрантского происхождения. *Хамза* – уроженец Обервилье и свидетельствует, что город за последние годы стал лучше и вместе с новым строительством положение улучшилось даже с точки зрения безопасности. Вместе с тем он считает, что нужны дополнительные усилия в «некоторых кварталах». «Остается много работы, – заключает *Хамза*, – но когда она будет сделана, город станет более привлекательным (agréable)» [36].

Джентрификация, «социальное смешение», считает *Хамза*, будет этому способствовать. «Джентрификация усиливается», – свидетельствует *НИГ*, девушка, критически оценивающая ситуацию в городе, натерпевшаяся, по ее словам, от приставаний и воровства в квартале Катр-Шемен и перебравшаяся из-за этого в Квартал мэрии. Замечательно, что она приводит доказательства начавшегося процесса. Вместе с джентрификацией растет стоимость аренды жилья, что она констатирует с сожалением, и диверсифицируется торговля (вместо монополии «ликамобиль, люля-кебаб и подпольные бары»), что она приветствует. «Чем больше будет джентрификации, тем лучше будет этому городу!» [52].

Особые надежды в отношении реализации потенциала города возлагаются на нового мэра. Трогательно выражает эти надежды *Фатима*: «Я живу здесь три года и никогда не имела забот, хотя правда, что нужно многое улучшить. Скрещиваю пальцы за нового мэра» [34]. «Новая муниципальная команда взялась изменить положение вещей», – пишет *Крис*, указывая на хронические беды Обервилье [23]. «Большие усилия мэрии в борьбе с хронической нецивилизованностью (les incivilité permanentes)» при неблагоприятной общей оценке положения в городе признает *Луиза* [50].

Задача джентрификации тоже препоручается мэрии. «Необходимо больше смешения социальных слоев (des catégories sociales), и это сделает город более симпатичным. Может быть,

новая мэрия возьмется за решение этой проблемы», – подсказывает *Joyeuses fêtes* [38]. Чтобы «привлечь больше средних классов и восстановить баланс населения», нужна «политическая воля города (*une politique volontaire*)», – убежден *Безымянный (Noname)* [53].

Программу действий в краткосрочной перспективе намечает для городских властей *Новосел (Nouvel habitant)*, купивший апартаменты на улице Барбюса и довольный приобретением: «Это правда, город совершенно преобразуется, хотя несколько медленно... Нужно остановиться с расширением фонда дешевого жилья (HLM), думаю, что новый муниципалитет это вполне понимает... Нужен настоящий городской рынок (*une vraie halle de marché*) с местными производителями, как в Сен-Кане!» [54].

В позитивном контексте приверженцы обновления Обервилье рассматривают тему мультикультурности. «Этот город – космонавт¹. В нем великолепная смесь культур, и, став участником нескольких ассоциаций², я ощутил это вполне»³, – еще в 2018 г. написал *Сивсив 75*. «Его многообразие (*diversité*) – это его богатство», – соглашается *Фило* [57]. «Думаю, что мультикультурная сторона Обервилье может стать шансом, – прогнозирует *Лежандр*, – так как в долгосрочной перспективе со смещением населения (парижане и др.) установится благоприятное равновесие и город станет разновидностью Бруклина с его музыкантами, художниками, вегетарианскими барами» [46].

«Я спрашиваю себя, на каком основании столько комментаторов дают низкую оценку Обервилье в отношении культуры»⁴. Отметив наличие в городе прочной урбанистской базы и развитой сети учреждений культуры, в том числе первостепенного порядка, *Дютон* продолжал полемику: «Город мультикультурный и поликонфессиональный. Так в чем проблема? Его французские граждане мусульманского вероисповедания практикуют ислам в рес-

¹ Вероятно, следует читать – «космополит».

² Культурно-просветительские, в том числе этнокультурные, объединения.

³ *Siwsiw75* 23.02.2018 // Avis sur Aubervilliers (93), la meilleure ville? – URL: <https://www.bien-dans-ma-ville.fr/aubervilliers-93001/avis.html?page=2#commentaires> (дата обращения: 12.03.2022).

⁴ Имеется в виду графа «культура» в предлагаемом комментаторам опроснике.

публиканских нормах. А озабоченным культурой АОС¹ нужно знать, что с регулярными интервалами звучат колокола Нотр-Дам де Вертю² (орган которой историческое чудо)», – пишет Дютон.

Новые жители Обервилье, Дютон называет их «неоальбертивиларами (néo-Albertivillariens), «не должны изгнать старых, но должны составить вместе с ними богатую мозаику его разнообразия» [29]. Упор на сохранение культурного и социального многообразия отчетливо выражен в посте Себа: «Правда, что Обервилье – бедный город», но «не нужно изгонять всех этих людей». «Прибытие среднего класса» необходимо, но это не должно стать «нашествием (*pas une invasion svp*)». «Благотворное смешение сделает Обервилье привлекательным и популярным городом, где всем найдется место (*tout le monde a sa place*)» [62].

«Наверное, нужно успокоиться, – советует критически настроенным комментаторам *Альбертивилар 76*. – Большой Париж – это город-мир, а не нечто воображаемое, подобно Муленсару³» [14]. Мультикультурность Большого Парижа с его пригородами, именуемыми «коронами», действительно реальность. И не только критикам в Обервилье, как следует из анализа положения в городе, но и добросовестным приверженцам унитарной идентичности Франции, пожалуй, рано или поздно придется ее признать.

Список литературы

1. Гордон А.В. О культуре многообразия (заметки социолога, анализ историка) // Синергетика образования : межвузовский сб. – Москва ; Ростов-на-Дону : Южное отд. РАО, 2004. – Вып. 2. – С. 46–62.
2. Гордон А.В. Мультикультурность в парижском пригороде Обервилье // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 1. – С. 5–37.
3. Деминцева Е.Б. Быть «арабом» во Франции. – Москва : Новое литературное обозрение, 2008. – 192 с.
4. Долгов Б.В. Мусульманский ренессанс во Франции : итоги и перспективы // Актуальные проблемы Европы. – 2015. – № 4. – С. 112–140.

¹ Appellation d'origine contrôlée (гарантия происхождения продукта).

² Церковь Богородицы Милостивой – древнейший храм Обервилье, памятник культурного наследия.

³ Château de Moulinsart – идеальное местопребывание, созданное литературным творчеством.

5. Лапина Н.Ю. Не очень счастливая глобализация : французский опыт // Россия и современный мир. – 2020. – № 2. – С. 190–209.
6. Лапина Н.Ю. Общество утраченных иллюзий // Актуальные проблемы Европы. – 2021. – № 3. – С. 85–112.
7. Лапина Н.Ю. «Исламский фактор» и общественно-политическая дискуссия по вопросам иммиграции в современной Франции // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65, № 11. – С. 97–105.
8. Осипов Е.А. Французский мультикультурализм на примере деятельности Высшего совета по интеграции (1990–2012) // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2018. – Т. 9, вып. 8 (72). – URL: <http://history.jes.su/s207987840002458-2-1> (дата обращения: 07.01.2022).
9. Филиппова Е.И. Территории идентичности в современной Франции. – Москва : ФГНУ «Росинформагротех», 2010. – 300 с.
10. Шатило Д.П. Иммиграция как фактор социального расслоения в Париже : анализ территориальной дифференциации // Контурь глобальных трансформаций : политика, экономика, право. – 2020. – Т. 13, № 1. – С. 63–83.
11. Abdallah. Avis posté le 03-12-2020 à 08:10 Par Abdallah // Avis sur AUBERVILLIERS : la ville idéale? – URL: https://www.ville-ideale.fr/aubervilliers_93001?page=9#commentaires (дата обращения: 12.02.2022).
12. Alexandre-C. Avis posté le 07-06-2021 à 02:18 Par Alexandre-C // Avis sur AUBERVILLIERS : la ville idéale? – URL: https://www.ville-ideale.fr/aubervilliers_93001?page=3#commentaires (дата обращения: 12.02.2022).
13. L'Albertivillarien 17.09.2020 // Avis sur Aubervilliers (93), la meilleure ville? – URL: <https://www.bien-dans-ma-ville.fr/aubervilliers-93001/avis.html> (дата обращения: 12.02.2022).
14. Albertivillarien76. Avis posté le 19-03-2021 à 15:40 Par Albertivillarien76 // Avis sur AUBERVILLIERS : la ville idéale? – URL: https://www.ville-ideale.fr/aubervilliers_93001?page=5#commentaires (дата обращения: 12.02.2022).
15. Albervilli. Avis posté le 29-07-2021 à 18:34 Par Albervilli // Avis sur AUBERVILLIERS : la ville idéale? – URL: https://www.ville-ideale.fr/aubervilliers_93001?page=2#commentaires (дата обращения: 13.03.2022).
16. Antananarivo. Avis posté le 14-01-2021 à 16:10 Par antananarivo // Avis sur AUBERVILLIERS : la ville idéale? – URL: https://www.ville-ideale.fr/aubervilliers_93001?page=7#commentaires (дата обращения: 13.03.2022).
17. Antonio. Avis posté le 16-12-2020 à 15:10 Par Antonio // Avis sur AUBERVILLIERS : la ville idéale? – URL: https://www.ville-ideale.fr/aubervilliers_93001?page=9#commentaires (дата обращения: 13.03.2022).
18. Aubervilliers : résultats des élections 2021 // Le Monde. – URL: <https://www.lemonde.fr/resultats-elections/aubervilliers-93001/> (дата обращения: 11.03.2022).
19. Aurel. Avis posté le 13-10-2021 à 09:00 Par aurel // Avis sur AUBERVILLIERS : la ville idéale? – URL: https://www.ville-ideale.fr/aubervilliers_93001 (дата обращения: 11.03.2022).

20. Aurevoirvillejetequitteetsansregrets. 16.06.2020 // Les témoignages des internautes sur Aubervilliers (93300). – URL: <https://www.linternaute.com/ville/aubervilliers/ville-93001/temoignages> (дата обращения: 11.03.2022).
21. Balou. 29.12.2018 // Les témoignages des internautes sur Aubervilliers (93001) – URL: <https://www.linternaute.com/ville/aubervilliers/ville-93001/temoignages> (дата обращения: 11.03.2022).
22. Bobo93. Avis posté le 12-02-2021 à 08:35 Par Bobo93 // Avis sur AUBERVILLIERS : la ville idéale? – URL: https://www.ville-ideale.fr/aubervilliers_93001?page=5#commentaires (дата обращения: 11.03.2022).
23. Chrys. Avis posté le 18-12-2020 à 07:26 Par Chrys // Avis sur AUBERVILLIERS : la ville idéale? – URL: https://www.ville-ideale.fr/aubervilliers_93001?page=8#commentaires (дата обращения: 14.03.2022).
24. Comparateur de territoire. Région d'Île-de-France (11) // Insee. – URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/1405599?geo=REG-11> (дата обращения: 14.03.2022).
25. Comparateur de territoire. Commune d'Aubervilliers (93001). – URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/1405599?geo=COM-93001> (дата обращения: 14.03.2022).
26. Couvelaire L. Entre Paris et La Courneuve, la misère, la violence et les espoirs // Le Monde. – 2021. – 20 Octobre. – URL: https://www.lemonde.fr/fragments-de-france/article/2021/10/20/de-paris-a-la-courneuve-trois-kilometres-ou-tout-finit-et-tout-commence_6099050_6095744.html.
27. Cricri. Avis posté le 04-12-2020 à 14:46 Par Cricri // Avis sur AUBERVILLIERS : la ville idéale? – URL: https://www.ville-ideale.fr/aubervilliers_93001?page=9#commentaires (дата обращения: 14.03.2022).
28. Denis. Avis posté le 16-03-2021 à 22:35 Par denis // Avis sur AUBERVILLIERS : la ville idéale? – URL: https://www.ville-ideale.fr/aubervilliers_93001?page=5#commentaires (дата обращения: 14.03.2022).
29. Duton. Avis posté le 28-12-2020 à 22:15 Par Duton // Avis sur AUBERVILLIERS : la ville idéale? – URL: https://www.ville-ideale.fr/aubervilliers_93001?page=8#commentaires (дата обращения: 15.03.2022).
30. Emploi et chômage à Aubervilliers // JDN. – URL: <https://www.journaldunet.com/management/ville/aubervilliers/ville-93001/emploi> (дата обращения: 16.03.2022).
31. En qu (o)j les Français ont-ils confiance aujourd'hui? Le Baromètre de la confiance politique. – Paris: Sciences Po/CEVIPOF, 2021. – Vague 12. – URL: [https://www.sciencespo.fr/cevipof/sites/sciencespo.fr/cevipof/files/OpinionWay%20pour%20le%20CEVIPOF-Barome%CC%80tre%20de%20la%20confiance%20en%20politique%20-%20vague%20-%20Rapport%20international%20\(1\).pdf](https://www.sciencespo.fr/cevipof/sites/sciencespo.fr/cevipof/files/OpinionWay%20pour%20le%20CEVIPOF-Barome%CC%80tre%20de%20la%20confiance%20en%20politique%20-%20vague%20-%20Rapport%20international%20(1).pdf) (дата обращения: 16.03.2022).
32. Europe's Growing Muslim Population // Pew Research Centre. – 2017. – November 29. – URL: <https://www.pewforum.org/2017/11/29/europes-growing-muslim-population/> (дата обращения: 14.03.2022).
33. Fabrice. Avis posté le 08-02-2021 à 12:21 Par Fabrice // Avis sur AUBERVILLIERS : la ville idéale? – URL: https://www.ville-ideale.fr/aubervilliers_93001?page=5#commentaires (дата обращения: 14.03.2022).

***Цивилизационные проблемы мультикультурного
парижского пригорода***

34. Fatima. Avis posté le 10-12-2020 à 15:54 Par Fatima // Avis sur AUBERVILLIERS : la ville idéale? – URL: https://www.ville-ideale.fr/aubervilliers_93001?page=9#commentaires (дата обращения: 14.03.2022).
35. Guignet E. En quête d'égalité et de sécurité // Ville d'Aubervilliers. – URL: <https://www.aubervilliers.fr/En-quete-d-egalite-et-de-securite> (дата обращения: 18.03.2022).
36. Hamza. Avis posté le 20-01-2021 à 10:36 Par Hamza // Avis sur AUBERVILLIERS : la ville idéale? – URL: https://www.ville-ideale.fr/aubervilliers_93001?page=6#commentaires (дата обращения: 18.03.2022).
37. Ivyw. Avis posté le 25-01-2021 à 22:42 Par ivyw // Avis sur AUBERVILLIERS : la ville idéale? – URL: https://www.ville-ideale.fr/aubervilliers_93001?page=6#commentaires (дата обращения: 18.03.2022).
38. Joyeuses fêtes. Avis posté le 28-12-2020 à 20:30 Par Joyeuses fêtes // Avis sur AUBERVILLIERS : la ville idéale? – URL: https://www.ville-ideale.fr/aubervilliers_93001?page=8#commentaires (дата обращения: 08.03.2022).
39. Ju d'Auber. Avis posté le 29-11-2020 à 08:26 Par Ju d'Auber // Avis sur AUBERVILLIERS : la ville idéale? – URL: https://www.ville-ideale.fr/aubervilliers_93001?page=9#commentaires (дата обращения: 12.03.2022).
40. JUGuibert. Avis posté le 12-01-2021 à 01:13 Par JUGuibert // Avis sur AUBERVILLIERS : la ville idéale? – URL: https://www.ville-ideale.fr/aubervilliers_93001?page=7#commentaires (дата обращения: 12.03.2022).
41. Kaija. Avis posté le 27-12-2020 à 16:25 Par Kaija // Avis sur AUBERVILLIERS : la ville idéale? – URL: https://www.ville-ideale.fr/aubervilliers_93001?page=8#commentaires (дата обращения: 15.03.2022).
42. Lemancel A.L. Karine Franclét – D'action et de terrain // Le journal du Grand Paris. – 2021. – 4 février. – URL: <https://www.lejournaldugrandparis.fr/karine-franclét-daction-et-de-terrain/> (дата обращения: 15.03.2022).
43. Katiach. Avis posté le 22-04-2021 à 11:37 Par Katiach // Avis sur AUBERVILLIERS : la ville idéale? – URL: https://www.ville-ideale.fr/aubervilliers_93001?page=3#commentaires (дата обращения: 15.03.2022).
44. KENZA 24.11.2020 // Avis sur Aubervilliers (93), la meilleure ville? – URL: <https://www.bien-dans-ma-ville.fr/aubervilliers-93001/avis.html> (дата обращения: 15.03.2022).
45. Kepel G. Quatre-vingt-treize. – Paris : Gallimard, 2012. – 312 p.
46. Legendre M. Avis posté le 28-03-2021 à 09:38 Par Marc Legendre // Avis sur AUBERVILLIERS : la ville idéale? – URL: https://www.ville-ideale.fr/aubervilliers_93001?page=4#commentaires (дата обращения: 25.03.2022).
47. Lenny. Avis posté le 13-10-2021 à 14:15 Par Lenny // Avis sur AUBERVILLIERS : la ville idéale? – URL: https://www.ville-ideale.fr/aubervilliers_93001 (дата обращения: 25.03.2022).
48. Lieures A. Municipales à Aubervilliers : comment améliorer la sécurité des femmes? // Le Parisien. – 2019. – 1 décembre. – URL: <https://www.leparisien.fr/seine-saint-denis-93/municipales-a-aubervilliers-ameliorer-la-securite-des-femmes->

- est-devenu-un-enjeu-local-01-12-2019-8206983.php (дата обращения: 12.03.2022).
49. Lolotte 16.10.2021 // Avis sur Aubervilliers (93), la meilleure ville? – URL: <https://www.bien-dans-ma-ville.fr/aubervilliers-93001/avis.html> (дата обращения: 15.03.2022).
50. Louisa. Avis posté le 21-03-2021 à 13:56 Par Louisa // Avis sur AUBERVILLIERS : la ville idéale? – URL: https://www.ville-ideale.fr/aubervilliers_93001?page=4#commentaires (дата обращения: 15.03.2022).
51. Mikmik93. Avis posté le 1-2021 à 11:30 Par Mikmik93 // Avis sur AUBERVILLIERS : la ville idéale? – URL: https://www.ville-ideale.fr/aubervilliers_93001?page=6#commentaires (дата обращения: 12.03.2022).
52. NIG. Avis posté le 27-06-2021 à 18:51 Par NIG // Avis sur AUBERVILLIERS : la ville idéale? – URL: https://www.ville-ideale.fr/aubervilliers_93001?page=2#commentaires (дата обращения: 15.03.2022).
53. Noname. Avis posté le 23-01-2021 à 11:32 Par Noname // Avis sur AUBERVILLIERS : la ville idéale? – URL: https://www.ville-ideale.fr/aubervilliers_93001?page=6#commentaires (дата обращения: 16.03.2022).
54. Nouvel habitant. Avis posté le 08-08-2021 à 08:49 Par un Nouvel habitant // Avis sur AUBERVILLIERS : la ville idéale? – URL: https://www.ville-ideale.fr/aubervilliers_93001?page=2#commentaires (дата обращения: 15.03.2022).
55. Norimitsu O. In a France Fearful of Immigrants, Another Candidate Tacks Hard Right // The New York Times. – 2021. – December 18. – URL: <https://www.nytimes.com/2021/12/18/world/europe/france-valerie-pecesse-republicans.html> (дата обращения: 15.03.2022).
56. Norimitsu O. In France, a Racist Conspiracy Theory Edges Into the Mainstream // The New York Times. – 2022. – February 15. – URL: <https://www.nytimes.com/2022/02/15/world/europe/france-elections-pecesse-great-replacement.html> (дата обращения: 15.03.2022).
57. Philo. Avis posté le 12-06-2021 à 21:00 Par Philo // Avis sur AUBERVILLIERS : la ville idéale? – URL: https://www.ville-ideale.fr/aubervilliers_93001?page=3#commentaires (дата обращения: 15.03.2022).
58. Pierrot93. Avis posté le 29-06-2021 à 13:24 Par Pierrot93 // Avis sur AUBERVILLIERS : la ville idéale? – URL: https://www.ville-ideale.fr/aubervilliers_93001?page=2#commentaires (дата обращения: 15.03.2022).
59. Quitteraubervilliers. Avis posté le 22-09-2021 à 21:08 Par Quitteraubervilliers // Avis sur AUBERVILLIERS : la ville idéale? – URL: https://www.ville-ideale.fr/aubervilliers_93001#commentaires (дата обращения: 15.03.2022).
60. Résultats du brevet 2021 à Aubervilliers (93300) [PUBLIÉ] // Lintern@ute. – URL: <https://resultat-brevet.linternaute.com/aubervilliers/ville-93001> (дата обращения: 12.03.2022).
61. Sabrina. Avis posté le 26-03-2021 à 13:48 Par sabrina // Avis sur AUBERVILLIERS : la ville idéale? – URL: https://www.ville-ideale.fr/aubervilliers_93001?page=4#commentaires (дата обращения: 15.03.2022).

*Цивилизационные проблемы мультикультурного
парижского пригорода*

62. Seb. Avis posté le 16-01-2021 à 11:50 Par Seb // Avis sur AUBERVILLIERS : la ville idéale? – URL: https://www.ville-ideale.fr/aubervilliers_93001?page=6#commentaires (дата обращения: 12.03.2022).
63. Les territoires conquis de l'islamisme / dir. B. Rougier. – Paris : Presses universitaires de France, 2020. – 360 p.
64. Tha. Avis posté le 13-01-2022 à 10:19 Par Tha // Avis sur AUBERVILLIERS : la ville idéale? – URL: https://www.ville-ideale.fr/aubervilliers_93001 (дата обращения: 15.03.2022).
65. TristeAlbert 05.03.2020 // Avis sur Aubervilliers (93), la meilleure ville? – URL: <https://www.bien-dans-ma-ville.fr/aubervilliers-93001/avis.html?page=2#commentaires> (дата обращения: 05.03.2022).
66. Villeafuir 17.06.2020 // Les témoignages des internautes sur Aubervilliers (93300). – URL: <https://www.linternaute.com/ville/aubervilliers/ville-93001/temoignages> (дата обращения: 11.03.2022).
67. Vœux 2022 de Karine Franclet aux Albertivillariens. – URL: <https://www.aubervilliers.fr/Voeux-2022-de-Karine-Franclet-aux-Albertivillariens> (дата обращения: 12.03.2022).
68. Weil P. La République et sa diversité. Migrations, intégration, discrimination. – Paris : Seuil, 2005. – 120 p.
69. Wieviorka M. La Diversité : Rapport à la Ministre de l'Enseignement Supérieur et de la Recherche. – Paris : Laffont, 2008. – 229 p.

АФРИКА. БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК

ДЕМИДОВ К.Б.* «АРАБСКАЯ ВЕСНА» КАК ОДИН ИЗ ФРОНТОВ ГЛОБАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. «Арабская весна», не достигшая ни одной из заявленных целей – кроме замены одних авторитарных правителей на других – и оставившая после себя лишь разрушения и хаос, была не чем иным, как эпизодом глобальной информационной войны, в задачи которой входит тотальное переформатирование мирового политического и экономического порядка. Одним из главных видов оружия данной войны было суждено стать массмедиа, особенно спутниковому телевидению и Интернету: при помощи первого создавалась картина происходящего и внушалось должное отношение к событиям, при помощи второго решались тактические задачи вовлечения в протесты как можно большего числа людей. Онлайн-активность, в ходе которой создаются фиктивные сообщества, отделяющие индивида от реальности и наделяющие его новой идентичностью, отнюдь не является продолжением / расширением нормальной публичной активности; обладая колоссальным разрушительным потенциалом, она способствует, в частности, поляризации общества. Так, в ходе «Арабской весны» она позволила первоначально (и кратковременно) выдвинуть на первый план либеральную часть общества, скрывая реальную силу – исламистов и салафитов, которые, благодаря своим полуподпольным структурам, смогли воспользоваться плодами достигнутых либералами «побед».

* Демидов Константин Борисович – ведущий редактор отдела Азии и Африки ИНИОН РАН.

Ключевые слова: «арабская весна»; Ближний Восток; информационная война; фикция; неолиберализм; ислам; салафизм.

DEMIDOV K.B. The Arab Spring as an Episode of Global Informational War: A Preliminary Study

Abstract. The Arab Spring, which did not achieve any of the stated goals, except for the replacement of some authoritarian rulers with others, and left behind only destruction and chaos, was nothing more than an episode of the global information war, the tasks of which include the total reformatting of the world political and economic order. One of the main weapons of this war was destined to become the mass media, especially satellite television and the Internet: with the help of the first, a picture of what was happening was created and a proper attitude to the events was inspired, with the help of the second, the tactical tasks of involving as many people as possible in the protests were solved. Online activity, due to its ability to create fictitious communities, separating the individual from reality and endowing him with a new identity, is by no means a continuation / extension of normal public activity; possessing colossal destructive potential, it contributes to the polarization of society. Thus, during the Arab Spring, it contributed to the initial (and short-term) promotion of the liberal part of society, hiding the real power – the Islamists and Salafis, who, thanks to their semi-underground structures, were able to take advantage of the fruits of the “victories” achieved by the liberals.

Keywords: Arab Spring; Middle East; informational war; fictionality; neoliberalism; Islam; Salafism.

Для цитирования: Демидов К.Б. «Арабская весна» как один из фронтов глобальной информационной войны: предварительная постановка проблемы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 3. – С. 32–45. – DOI: 10.31249/RVA/2022.03.02.

Влияние информационно-коммуникативных технологий на события «арабской весны» уже привлекало внимание исследователей [5; 6; 14]. В предлагаемой ниже статье рассматриваются те аспекты феномена подобного влияния, которые обычно упускают из виду, а именно – тот общий контекст, который обусловил самую возможность этого феномена.

Это представляется тем более насущным, что в западных работах, претендующих на некую нормативность (стоит упомянуть хотя бы издание *Foreign Affairs*), умело и систематически маскируется реальное влияние Запада на события «арабской весны»; так, принято вуалировать целенаправленное и многостороннее информационное воздействие Запада – в данном случае – на арабские страны, чтобы вызвать в последних необходимые Западу изменения.

«Арабская весна» не перестает вызывать удивление как один из потрясающих образцов того, как буквально на пустом месте¹ – без каких-либо военных или экономических потрясений – удалось привести в движение огромные массы населения и тем самым нанести колоссальный ущерб странам Ближнего Востока и Северной Африки; в отдельных случаях (Ливия) разрушения носили поистине цивилизационный характер – правда, данные «достижения» были осуществлены уже путем непосредственного вмешательства Запада.

Обновленные горизонты возможностей мирового развития (Интернет, цифровые валюты и т.д.) самым непосредственным образом касаются возникновения международных конфликтов, их течения и улаживания – так, информация / дезинформация, похоже, превращается в наиболее ходовое оружие войн XXI в.

Важно понять, что вовсе не новые технологии следует рассматривать как главную причину потрясений; именно такой акцент делают, как правило, на Западе, чтобы затем эффективно опровергнуть самую возможность западного воздействия (данный прием называется «straw manning»). Основную ответственность следует возлагать отнюдь не на сами технологии, хотя степень их революционного воздействия на общественную ткань еще только предстоит изучить²; речь идет об их целенаправленном и долго-

¹ В своих выводах автор оставляет без внимания значительное ухудшение материального положения масс населения в годы, предшествовавшие «арабской весне», в частности сыгравшее роль детонатора протестных настроений повышение цен на продукты питания в Египте, равно как и культурно-исторические факторы радикализации идейных течений в исламе, приведшие к консолидации феномена «политического ислама». – *Прим. ред.*

² Среди критиков концепции всевластия Интернета в истории «арабской весны» следует упомянуть В.В. Желтова и М.В. Желтова [2], хотя и они признают, что Интернет способствует появлению обновленной политической активности.

летнем использовании с целью создания нужного умонастроения у весьма значительных и, как правило, влиятельных слоев населения.

Именно на информационном поле инициаторы конфликтов стремятся добиться успеха – ведь главное на сегодняшний день, похоже, заключается в том, насколько удалось 1) внести хаос в «воображаемое» противника (прежде всего, разрушив его идеалы – чтобы навязать ему иную систему ценностей, а затем, если потребуется, уничтожить и инфраструктуру) и 2) «продать» конфликт внутренней аудитории, чтобы таким образом укрепить собственную власть. Таким образом, центр тяжести военной, по сути дела, активности нового типа все более переносится в область чистой фикции.

Об этом всевластии фикции – необходимости, прежде всего, создать требуемую картинку (на экранах и в умах) – наглядно свидетельствует накал идеологического противостояния, преследующего цель продвинуть собственную версию мироустройства и внушить ее максимально большему числу потребителей информации. Как показывает, например, П. Флешли [10], именно с помощью Интернета становится возможным создание новых и многочисленных площадок, где инициируется обсуждение продвигаемой Западом проблематики¹; смещение акцентов позволяет вызвать у аудитории нужные аффекты и тем самым сделать ее управляемой.

Примечательно, что данное могущество информационной составляющей пока еще остается почти не осознанным. Как показали события «арабской весны», действия властей по противодействию проводимой посредством Интернета мобилизации часто носили настолько топорный характер, что лишь способствовали выходу людей на улицы – например, в ответ на банальное отключение Интернета и арест блогеров; это приводило лишь к дополнительной политизации групп, склонных к пассивности [3, с. 62]; лишь там, где властями была проявлена известная изощренность (например, в Сирии), государственный переворот не состоялся.

Хрестоматийным примером применения информационного оружия можно считать создание ИГИЛ, предложившего свою версию ислама весьма внушительному числу мусульман. Данное про-

¹ Виртуозная обработка аудитории базируется в том числе на разработках знаменитого Тэвистокского института.

чение ислама было навязано как нормативное. О том, что информационные войны приобрели поистине глобальный характер, свидетельствует движение Фалуньгун; с его помощью китайцам пытались внушить представление о превосходстве над другими народами¹ [1; 4].

Для того чтобы подготовить общественное мнение, был разработан огромный и весьма изощренный арсенал средств. Блестящим образом это было продемонстрировано в ходе «арабской весны», когда массам населения удалось навязать стремление к политической активности при помощи такой грубой идеологической поделки, как идеологическая конструкция Greater Middle East², созданная с целью внушить обитателям Ближнего Востока надежды на восстановление былого величия их цивилизации (хотя его разработчики и пропагандисты, в частности госсекретарь К. Райс, никогда не скрывали, что его воплощение возможно лишь путем применения политической технологии «creative destruction»).

В настоящее время те «блестящие перспективы», которые Запад пропагандировал в арабских странах, представляются абсолютно смехотворными – они оказались опровергнуты исторической реальностью. Однако в 2011 г. на рядового араба вполне могли произвести колоссальное впечатление фиктивные горизонты, нарисованные западными «spin doctors», очень хорошо разбирающимися в психологии, свойственной именно ему, данному арабу. Предложение стать частью великого исторического проекта, принять участие в переустройстве региона, получить доступ к рычагам управления (благодаря внедрению основ западной демократии), привести свою страну к экономическому процветанию и т.д. – все это не могло не затронуть струны, весьма чувствительные для очень многих людей на Ближнем Востоке.

¹ Наследовавшее устойчивые традиции гетеродоксальности и оккультности в китайской культуре движение Фалуньгун отражало настроения растерянности и тревоги, возникшие среди масс городского населения при окончании правления Мао Цзэдуна и переходе к рыночным реформам. В качестве способов духовного обновления и средств релаксации использовались медитация, методика дыхательных упражнений, система гимнастики *цигун*. – *Прим. ред.*

² Проект был разработан в 2004 г. Carnegie Endowment for International Peace.

К этому сводятся, например, оценки и обещания главы НАТО А.Ф. Расмуссена, опубликованные 31 мая 2011 г. в «Нью-Йорк Таймс» [21]. Теперь, когда стала очевидной абсурдность данных инициатив, с трудом удастся поверить, что кто-то мог рассматривать их серьезно; однако в то время беспрецедентное вмешательство НАТО в ливийский конфликт, сопровождавшееся обещаниями сделать Северную Африку и Ближний Восток регионами, где царят стабильность, свобода и экономическое процветание (именно так преподносилась предложенная Баракком Обамой Программа поддержки демократических реформ и экономического развития), вполне могло представляться началом новой эры, наступлением «эона мира и справедливости».

Теперь не так просто понять, как воспринимался мир в то время; например, такой информированный политический комментатор, как Ч. Краутхаммер, автор колонки в «Вашингтон Пост», осуждая Обаму за недостаточную активность на Ближнем Востоке – и, следовательно, сдачу американской руководящей роли в мире – указывает, что США в военном отношении нет равных – ведь Китай пока не может бросить Америке вызов, а Россия «пытается подняться, находясь на таком низком военном уровне, что в глобальном смысле едва ли является какой-либо существенной величиной» [16]. Примечательно, что именно Ч. Краутхаммер одним из первых, начал использовать термин «арабская весна» [15].

Для так называемой арабской улицы – массы простых арабов, отнюдь не всегда радикально настроенных, однако весьма склонных к резкой перемене настроений, подобные заявления звучали вполне однозначно – Америку, конечно, можно и должно ненавидеть, однако она остается неоспоримой величиной, мощной силой, которая пришла в регион, по всей видимости, всерьез и надолго; при этом высока доля вероятности, что она сможет подтянуть страны региона до приемлемого уровня, покончив с политической неопределенностью и экономическим хаосом. Следует также иметь в виду, что самый характер «арабской улицы» к XXI в. успел сильно измениться. Чтобы вывести массы на улицы, одних лозунгов и призывов теперь не хватает – необходима атмосфера «хепенинга» и карнавала; отсюда – опора на такие проекты и идеи, которые могут вызвать у «арабской улицы» необходимое ощущение чего-то фантастически прекрасного, свершающегося

прямо теперь, – небывалых возможностей и блистательных перспектив. Подчеркивая это, спутниковые каналы и Интернет не уставали играть на самых низменных струнах: не секрет, что экономическая и социальная фрустрация представителей арабской молодежи не позволяет им обзаводиться семьей, так что часто события «арабской весны» сопровождались массовыми изнасилованиями. Все это разворачивалось на фоне кардинальных перемен в самом устройении арабского политического универсума, а именно – крушения всех прежних авторитетов [22; 23].

В XX в. главенствующие формы социальности были сформированы в ходе борьбы за национальную независимость; так, авторитарные режимы были необходимы для сохранения последней. Чтобы вывести людей на улицы, были использованы массмедиа, прежде всего спутниковые СМИ – главный двигатель протестов – и социальные сети, послужившие оперативным каналом мобилизации. Так, резкое повышение онлайн-активности в Интернете, как правило, предшествовало всем ключевым событиям. Главной целью было довести людей до желанной точки кипения. После того как это произошло, задействовались такие известные еще с «гитлеровских» времен приемы, как массовые ритмические движения (кстати, следует упомянуть, что в украинской версии событий, аналогичных «арабской весне», данную роль сыграли пресловутые «скачки»), «речевки», «кричалки», ритуализованные телодвижения¹ и т.д. – при помощи навязывания необходимых аффективных состояний людям надо было позволить ощутить себя частью некой фикции, претворяющейся – как им казалось – в действительность прямо на их глазах.

Толпы разобщенных индивидов, на какое-то время ощутивших себя частью единой социальной силы, были призваны, кроме всего прочего, замаскировать реальный «мотор» перемен – религиозные структуры. Так это было, например, в Египте, где могло показаться, что народный карнавал буквально снес режим Мубарака, тогда как подлинная движущая сила – «Братья-мусульмане» – довольно долго оставалась в тени. До определенного времени не обнаруживать религиозный характер движения – один из новых

¹ При разработке этой «доктрины» были использованы труды выдающихся антропологов, например В. Тернера. Об этом см.: [12].

стратегических приемов, используемых с целью, с одной стороны, привлечения возможно большего числа сторонников, а с другой – морального обезоруживания властных структур.

Достижения современной психологии пришлось здесь весьма ко двору¹; власти, с готовностью применяющие силу против «боевиков», оказываются совершенно недееспособными, когда речь идет о массах социально, культурно и этнически разъединенных индивидов. Ставка на религиозные силы вполне себя оправдала. Дело в том, что по мере угасания прогрессистских чаяний именно религия становится тем организующим центром, который способен привести в движение народные массы.

Переживаемый арабским миром исторический момент этому очень и очень способствует. По мнению А. Лоранса, арабская религиозность в XX в. приобрела столь выраженный политизированный характер в силу того, что понадобился некий авторитетный дискурс, который мог бы противостоять прогрессистским – и обанкротившимся – режимам. Так, исламизм возник как попытка преодолеть монополию авторитарных режимов на выражение общественного мнения, а салафизм был не чем иным, как калькой с западного протестантизма². Подразумеваемая чистота ислама первых веков должна была сплотить массы в поиске правильного общественного устройства. Именно религиозные центры в настоящее время играют роль не столь заметных, но могущественных организующих точек³ – протесты теперь, как правило, и зарождаются в религиозных центрах; так, в Сирии таким центром кристаллизации протестующих стала мечеть в Дераа.

В данном контексте становится понятным стремление западных медиа придать освещению конфликтов религиозный характер – упоминание проблематики Крестовых походов вполне могло быть своего рода «запалом», о котором скоро забудут – по-

¹ Среди работ, затрагивающих данную проблему, следует упомянуть [7].

² Как отмечает А. Лоранс, «арабы позаимствовали протестантскую модель, призывающую... вернуться к первоначальной практике, чтобы обрести буквальный смысл текстов» [17, р. 32]. Выделенная французским арабистом идеология отнюдь не уникальна, «обращение к истокам» – типологическая черта обновленческих движений в религиозном мире. – *Прим. ред.*

³ Данная проблематика нашла отражение в: [21].

сле того как конфликты в целевом регионе / государстве разгорятся не на шутку.

Важным фактором стала и разобщенность арабского мира. Отдельные арабские страны, например Катар, де факто являющийся британским протекторатом, сыграли весьма значительную и зловещую роль в «арабской весне», распространяя умело подобранную информацию. Катарский спутниковый канал «Аль-Джазира» был замечен в подогревании страстей; наряду с той открытой поддержкой выступлений, которую продемонстрировало правительство страны, это резко ухудшило общественное отношение к Катару в регионе [18; 25; 26].

Однако для части арабского социума до определенного времени все это выглядело совершенно противоположным образом; Катар вполне мог восприниматься как блестящий образчик вестернизации. Так, получившие квазизападное образование молодые люди, открывшие для себя социальные сети, оказались мишенью для умело проведенной интернет-кампании. О том, какая – скрупулезно психологически выверенная – механика (а именно, воздействие на многосторонние эмоциональные, культурные и психологические стороны мотивации) была задействована для того, чтобы взорвать ситуацию, можно узнать из работы А. Насеф [19].

На Западе хорошо понимали, какой потенциал возмущения накопился в арабских странах, – именно в этом регионе болезненный разрыв между ожиданиями и реальностью всегда ощущался особенно остро. Надежды на общеарабское единство и возрождение всемирного значения обновленной арабской государственности входили в противоречие с грубой реальностью, в которой удел большинства был незавиден. Умело подброшенная дезинформация (обещание обретения могущества) ложилась здесь на более чем подготовленную почву.

Как демонстрирует И. Халил [13], крах неолиберальных реформ на Ближнем Востоке, оставивший после себя лишь экономическую разруху и массы безработных, вызвал намного более страшные последствия, нежели в Латинской Америке. Данный провал было необходимо каким-то образом прикрыть – начались лихорадочные поиски некой «спасительной иллюзии». Это представлялось тем более неотложной задачей, что легитимность вла-

стей базировалась прежде всего на социальных и экономических успехах.

О том, на какое место в международном разделении труда население ближневосточных стран сможет реально претендовать, авторы это «спасительной иллюзии» скромно умолчали – зачем же разочаровывать бедных людей мыслями о том, что по большому счету они ничего в своей жизни поменять не смогут, поскольку международная экономическая система уже сложилась и без ее разрушения – или же радикальных научных и технологических прорывов – конкретная страна новых экономических предпочтений для себя добиться не в состоянии. Однако если населению это не было вполне ясно, то правители понимали сущность проблемы весьма хорошо: для них единственным выходом было создание нового информационного повода, новой проблематики, новой иллюзии – и таковой могла быть только террористическая активность.

Изохрененная обработка Западом арабских автократов не позволила последним вовремя понять, какая судьба уготована им самим. Таким образом, смещение ненавистных правителей оказалось умело созданной иллюзией, которая не только не могла решить накопившиеся проблемы, но и в изобилии создавала новые. Это было осознано и в самих арабских странах; так, в июле 2016 г. телеканал «Аль-Джазира» выпустил сюжет с недвусмысленным названием «The Terrible Illusion of the Arab Spring» [20].

Как показало развитие событий, первоначальное воодушевление после смещения авторитарного – и многим надоевшего – правителя сменяют разочарование и хаос (не в последнюю очередь в результате политического вакуума, так как приемлемой для разнородных сил кандидатуры на роль вождя нации в переходный период, как правило, не находится). Силы оппозиции часто оказываются не в состоянии создать единый фронт, выработать общую платформу. При отсутствии политических институтов – и соответствующей политической культуры и традиции – взрывной рост политической активности приводит лишь к тому, что, образно говоря, все пытаются перекричать оппонентов; ни к каким внятным результатам, конечно же, это привести не может. В условиях исламских стран это усугубляется колоссальным – и все растущим – разрывом между секулярной и исламистской точками зрения на

происходящие события; к этому добавляется обострение расхождений между суннитской и шиитской версиями исламской традиции. В результате свойственная данным обществам ментальность «все или ничего» делает компромисс чем-то нереальным, а обострение всех общественных противоречий – политических, социальных и религиозных – еще глубже погружает эти общества в хаос.

Не только арабы стали жертвой неверных представлений и дезинформации; как оказалось, ложное восприятие своей роли как единственной сверхдержавы сыграло с США дурную шутку, поскольку довольно скоро выяснилось, что невозможно контролировать все вызванные «арабской весной» процессы, которые пошли в самых неожиданных направлениях. Так, довольно скоро выяснилось, что протестующие внутри США стали эффективно использовать опыт «арабской весны». Важно учитывать и то, что как феномен «арабской весны», так другие подобные феномены самым непосредственным образом связаны с теми особенностями распространения и восприятия информации, которые возникли сравнительно недавно.

Представляется, что Западу удалось навязать арабским странам совершенно чуждые им и нереализуемые модели развития благодаря вновь возникшей культуре фиктивности – того стирания граней между реальностью и выдумкой, которое в значительной мере связано с возникновением компьютерных и информационных технологий. Часто данное явление носит откровенно деструктивный характер.

Один из наиболее показательных примеров – такой феномен, как «Slash fiction», возникший как одна из отраслей «фанфикшн» в США в 1970-е годы, а в Китае в последнее время превратившийся в чрезвычайно прибыльное предприятие, имеющее к тому же подрывной культурный и политический подтекст¹. Следует подчеркнуть тот полубредовый «флер», который в высшей степени присущ этому явлению; тем не менее это не помешало ему стать весьма реальным экономическим и культурным фактором.

¹ Данное явление пока еще не получило должную оценку, но его деструктивный потенциал не следует недооценивать. Об этом см.: [24].

В то же время фиктивность имеет и огромный творческий потенциал. Глобализация лишь усиливает ее воздействие, что позволяет говорить о появлении культурных, политических и экономических феноменов, не имеющих прецедента в истории [8; 11]. «Арабская весна» – лишь один из образцов совокупного воздействия данных феноменов. Примечательно распространение явлений искусственного характера – в смысле максимальной оторванности от материального субстрата – и тем не менее играющих весьма существенную роль. Показательный тому пример – современные валюты, которые обеспечиваются уже не реальным драгоценным металлом, и даже не «всей совокупной – в том числе и военной – мощью» (часто – вполне фиктивной) того или иного государства, а способностью навязать («продать») данную валюту остальным игрокам – последнее становится возможным благодаря «мягкой силе» и откровенному блефу.

Процесс «фиктивизации» всего и вся усугубляется распространением упрощенного мировосприятия, навязываемого современными СМИ и закрепляемого в том числе и медикаментозным путем – не секрет, что, например, в США большая часть населения принимает лекарства от повышенной возбудимости, а другая – от депрессии; именно таким образом осуществляется своего рода стигматизация и «химически» закрепляется место индивида в общественной структуре.

«Арабская весна» имеет ко всему этому самое непосредственное отношение – избрание образа действий в немалой степени было обусловлено повышенной восприимчивостью к фикции как «новому слову»; именно так и воспринимали в данном регионе сначала социализм / марксизм, а затем – неолиберализм. Характерное для последнего всевластие банковского сектора и биржевых спекулянтов, имеющих дело не с реальными вещами, а со знаками (также не что иное, как проявление «фиктивизации»), поначалу никого не смущало, ведь именно на Ближнем Востоке в Средние века и была изобретена банковская система как таковая.

В новых условиях существенно повышается общественная роль профессий, так или иначе связанных с культурой слова. Однако именно на Ближнем Востоке издавна словесность играла исключительную роль. Таким образом, «арабская весна» – с тем значением, которое приобрели социальные сети – здесь пришлось

особенно ко двору, тем более что в обстановке тотальной «пост-правды», продвигаемой по всему миру Западом, массовые заблуждения на некоторое время стали «новой нормой» [9].

Список литературы

1. Васильев М.В. «Управляемый хаос» как технология неоколониального передела мира // Концепт. – 2016. – Т. 15. – С. 2161–2165.
2. Желтов В.В., Желтов М.В. Интернет, протестные движения и арабская весна // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2014. – № 1 (24). – С. 189–204.
3. Исаев Л.М., Шишкина А.М. Египетская смута XXI века. – Москва : Либроком, 2012. – 250 с.
4. Фалуныгун – культ ненависти : сб. материалов / сост. Т.А. Квитковская. – Москва ; Таруса : Общественный комитет по правам человека, 2008. – 50 с.
5. Ayish M. New Media in the Arab Spring Demystified. A Study of Satellite Television and Social Networks' Role in Arab Political Transitions // The Arab World: The Role of Media in the Arab World's Transformation Process / ed. C. Schmidt. – Berlin : Vistas, 2012. – P. 97–116.
6. Badr H. Limitations of the Social Media Euphoria in Communication Studies // Egypt/Arab World. – 2015. – N 12. – P. 177–193. – URL: <https://journals.openedition.org/ema/3451> (дата обращения: 06.03.2022).
7. Batstone J. The Use of Strategic Nonviolent Action in the Arab Spring // Peace Review : A Journal of Social Justice. – 2014. – Vol. 26, N 1. – P. 28–37. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/10402659.2014.876308> (дата обращения: 08.03.2022).
8. Currie G. The Nature of Fiction. – Cambridge : Cambridge University Press, 1990. – 236 p.
9. Duffy B. The Perils of Perception. Why We are Wrong About Nearly Everything. – London : Atlantic Books, 2019. – 304 p.
10. Flichy P. Internet et le débat démocratique // Reseaux. – 2008. – N 4 (150). – P. 159–185. – URL: <https://www.cairn.info/revue-reseaux1-2008-4-page-159.htm> (дата обращения: 08.03.2022).
11. Fontaine M., Rahman Sh. Fiction, Creation and Fictionality : An Overview // Methodos : Savoirs et textes. – 2010. – N 10. – URL: <https://journals.openedition.org/methodos/2343> (дата обращения: 09.03.2022).
12. Hurd M. Introduction : Social Movements : Ritual, Space and Media // Culture Unbound : Journal of Current Cultural Research. – 2014. – Vol. 6, N 2. – P. 287–303. – URL: <https://cultureunbound.ep.liu.se/article/view/2086> (дата обращения: 12.03.2022).
13. Khalil Y. Neoliberalism and the Failure of Arab Spring // New Politics. – 2015. – Vol. 15, N 3. – URL: https://newpol.org/issue_post/neoliberalism-and-failure-arab-spring/ (дата обращения: 11.03.2022).

«Арабская весна» как один из фронтов глобальной информационной войны: предварительная постановка проблемы

14. Khondker H.H. Role of the New Media in the Arab Spring // Globalizations. – 2011. – Vol. 8, N 5. – P. 675–679. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/14747731.2011.621287?journalCode=rglo20> (дата обращения: 12.03.2022).
15. Krauthammer Ch. The Arab Spring of 2005 // The Seattle Times. – 2005. – March 21. – URL: <https://www.seattletimes.com/opinion/the-arab-spring-of-2005/> (дата обращения: 05.03.2022).
16. Krauthammer Ch. The Obama Doctrine : Leading from Behind // The Washington Post. – 2011. – April 28. – URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/the-obama-doctrine-leading-from-behind/2011/04/28/AFBCy18E_story.html (дата обращения: 05.03.2022).
17. Laurens H. Arabes : Aux sources de la tragedie d'aujourd'hui // Le point. – 2016. – N 2229. – P. 30–36.
18. Müller R., Verhoeven H. Overcoming Smallness : Qatar, the United Arab Emirates and strategic realignment in the Gulf // International politics. – 2020. – Vol. 57. – P. 1–20. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1057/s41311-019-00180-0> (дата обращения: 14.03.2022).
19. Nasef A. Blood for My Country // Asaad A. Voices of Arab Spring : Personal Stories from Arab Revolutions. – New York : Columbia University Press, 2015 – P. 153–155.
20. Q&A : The Terrible Illusion of the Arab Spring // Aljazeera. – 2016. – January 28. – URL: <https://www.aljazeera.com/news/2016/1/28/qa-the-terrible-illusion-of-the-arab-spring> (дата обращения: 08.03.2022).
21. Rasmussen A.F. NATO and the Arab Spring // The New York Times. – 2011. – May 31. – URL: <https://www.nytimes.com/2011/06/01/opinion/01iht-edrasmussen01.html> (дата обращения: 22.03.2022).
22. Sanburn J. Square Roots : How Public Spaces Helped Mold the Arab Spring // Time. – 2011. – May 17. – URL: <http://content.time.com/time/world/article/0,8599,2071404,00.html> (дата обращения: 18.03.2022).
23. Tasnim H. Arab Spring 2011 : The Role of Public Spaces and Digital Spaces. – URL: <https://cupdf.com/document/arab-spring-2011-the-role-of-public-spaces-and-digital-spaces.html> (дата обращения: 18.03.2022).
24. Tian X. Slashing Three Kingdoms : A Case Study in Fan Production on the Chinese Web // Modern Chinese Literature and Culture. – 2015. – Vol. 27, N 1. – P. 224–277. – URL: <https://www.jstor.org/stable/24886590> (дата обращения: 17.03.2022).
25. Ulrichsen K.C. Small States with a Big Role : Qatar and the United Arab Emirates in the Wake of Arab Spring. – URL: <https://dro.dur.ac.uk/10011/1/10011.pdf?DDD35> (дата обращения: 22.03.2022).
26. Ulrichsen K.C. Qatar and the Arab Spring. – Oxford : Oxford University Press, 2014. – 379 p.

НОРИК Б.В.* О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ ИРАНО-ПАКИСТАНСКОЙ ГРАНИЦЫ

Аннотация. Исламская Республика Иран обладает достаточно протяженными сухопутными и морскими границами, а также принадлежит к числу стран, граничащих с наибольшим количеством государств. Значительная часть границ ИРИ проходит в турбулентных регионах, что требует повышенного внимания к созданию эффективной системы безопасности в приграничных районах. Среди наиболее напряженных участков следует выделить границу ИРИ с Исламской Республикой Пакистан, протяженность которой превышает 900 км. Сложность ситуации в этом районе обусловлена во многом тем, что пакистанская сторона до недавнего времени не уделяла должного внимания обустройству и охране своей границы с Ираном, как одной из самых безопасных в стратегическом отношении. Это обстоятельство способствовало повышению уровня террористической угрозы на востоке и юго-востоке ИРИ, а также превратило данный регион в один из надежных каналов переправки наркотиков вглубь страны. Однако недавно Пакистан начал уделять более пристальное внимание техническому оснащению своей границы с Ираном, что позволяет прогнозировать повышение уровня безопасности на юго-востоке ИРИ в краткосрочной перспективе.

Ключевые слова: Исламская Республика Иран; Исламская Республика Пакистан, ирано-пакистанская граница, Систан и Белуджистан.

NORIK B.V. On Actual State of Iran and Pakistan Border.

* Норик Борис Вячеславович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра сравнительного изучения цивилизаций Института научной информации по общественным наукам РАН.

Abstract. Islamic Republic of Iran has a sufficiently long boundary line and ranks among countries having the greatest number of border countries. Substantial part of Iran's boundary line passes through turbulent regions and this fact demands higher attention to creating an effective security system in border limits. Among the most sensitive segments of that line the Iran – Pakistan border with its length of more than 900 km should be mentioned. Complexity of situation in the region is in many respects caused by the fact that Pakistani side until recently didn't pay enough attention to technical equipping and protecting of its boundary with Iran considering the latter to be one of the most secure ones from the strategic point of view. This fact caused increase of terror threat in the east and south-east of Iran and made this part of the country one of the most reliable channels for delivering drugs to the interior regions. However recently Pakistan began to pay more due attention to technical equipping of its boundary with Iran and this fact allows to make some optimistic forecast for increasing the level of security in the south-east of Iran.

Keywords: Islamic Republic of Iran; Islamic Republic of Pakistan; Iran – Pakistan border; Sistan and Baluchestan.

Для цитирования: Норик Б.В. О современном состоянии ирано-пакистанской границы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 3. – С. 46– 61. DOI: 10.31249/rva/2022.03.03

Исламская Республика Иран граничит с 15 странами: общая протяженность ее границ составляет 8755 км. К числу наиболее напряженных участков относится граница ИРИ с Исламской Республикой Пакистан, протяженность которой примерно равна 950 км¹. Напряженность эта обусловлена целым рядом причин, главной из которых служит искусственный характер упомянутой границы, не учитывающей этнокультурной и религиозной ситуации в регионе, а также маргинальность юго-восточных районов

¹ В исследовательской литературе и СМИ наблюдается значительный разницей в цифрах: ок. 900 км [9, с. 340], 909 км [46, р. 16], 921 км (649 – сухопутные, 172 – водные) [1, с. 6], 924,8 км (613,4 – сухопутные, 311,4 – водные) [29, с. 117], 959 км [26], 978 км [15], 980 км [34, с. 188]. Однако недавний и нынешний командующие пограничными войсками К. Резайи и А-А. Гударзи во время пресс-конференций и в интервью называют цифры между 950 и 960 км.

ИРИ. В Иране граница проходит в пределах остана Систан и Белуджистан (шахрестаны Захедан, Мир Джаве, Хаш, Гольшан, Сараван, Раск и Дашгйари), а в Пакистане – в пределах аялята Белуджистан (области Чаги, Вашик, Панджгур, Кич и Гвадар). Костяк населения этих приграничных районов составляют связанные семейно-клановыми отношениями, а также общими культурой и религией белуджи-сунниты, что резко снижает барьерную и фильтрующую функции ирано-пакистанской границы для ИРИ, повышая число незаконных пересечений и масштабы контрабанды. Между тем в стратегическом отношении ирано-пакистанская граница считается наиболее безопасной для обеих стран, что породило определенную беспечность пакистанской стороны в отношении охраны своей западной границы [1, с. 6; 9, с. 341; 15, с. 1179; 30; 34, с. 194; 40].

Победа исламской революции в Иране и вторжение советских войск в Афганистан отразились на ситуации в Пакистане, способствовав активизации проникновения в местную религиозную среду идей ваххабизма и, как следствие, – повышению уровня религиозного насилия, наращиванию присутствия в стране иностранных военных – в первую очередь США, – а также увеличению объемов производства и контрабанды гашиша из Афганистана. Упомянутые факторы породили целый ряд угроз национальной безопасности ИРИ. Так, популяризация идеологии религиозного насилия способствует распространению шиитофобии, снижению уровня социально-политической активности и ослаблению духа патриотизма, создает идеологическую базу для оправдания преступной деятельности и формирования вооруженных группировок религиозного характера, а также провоцирует разжигание религиозно-национального противостояния в регионе и усиление раскола между народом и властью. Размещение до 2012 г. американских военных на аэродромах и военных базах в провинции Белуджистан упрощало реализацию вероятного превентивного нападения на приграничные города ИРИ и подготовку диверсионных групп для работы в Иране, переправку шпионов в приграничные области и вербовку местных жителей для ведения разведывательной и диверсионной деятельности, позволяло эффективнее воздействовать на национальные и религиозные чувства жителей приграничных районов с целью восстановления их против центрального прави-

тельства, облегчало слежение за военной активностью ИРИ, а также информационную поддержку контрабанды наркотиков. Последняя, как и прочие виды контрабанды, позволяет использовать полученные доходы для финансирования антиправительственных групп, ведет к разрушению социально-культурных устоев, способствует размыванию политических границ, неприятию законной деятельности, повышению уровня преступности, увеличению расходов государственных средств на борьбу с контрабандой, усилению коррупции и создает дисбаланс в экономике юго-восточного региона ИРИ, резко снижая его инвестиционную привлекательность [9, с. 342–346; 34, с. 186].

В настоящее время официально военных баз США на территории Пакистана нет, а создаваемая, по информации ряда СМИ, американская база в районе пакистанского города Параченар, примерно в 8 км от афганской границы, находится слишком далеко от пределов ИРИ. Между тем существует проект создания китайской военно-морской базы в районе пакистанского порта Дживани, находящегося в 26 км по морю от иранского города Пасабандар, в котором располагается военно-морская база ИРИ. По мнению иранского эксперта Хосам ад-Дина Ходжжат-заде, Иран отреагирует на появление китайской базы в Дживани достаточно спокойно, поскольку поддерживает торговые отношения с Китаем, к тому же обладающим правом вето в СБ ООН, которое может быть использовано в пользу ИРИ. Ирану даже может оказаться на руку частичная эвакуация местных жителей из ряда приграничных районов в связи с созданием базы. Однако выгодным для Ирана военное присутствие Китая в данном районе будет только при условии сотрудничества трех стран в снижении террористической угрозы, исходящей с территории Пакистана, что едва ли реализуемо, исходя из целей Китая в регионе и на международной арене [2; 44].

Таким образом, на сегодняшний день главным вызовом национальной безопасности ИРИ на юго-востоке страны остаются огромные объемы контрабанды¹ (в первую очередь нарко-

¹ Контрабанда имеет столь широкий размах, что таможенные пункты в Сараване и Ираншахре занимаются главным образом регистрацией конфискованной незаконной продукции [34, с. 195].

тиков¹), а также деятельность бандитских и террористических группировок, активно присутствующих в малонаселенных не контролируемых военными приграничных районах Пакистана. И ситуация на ирано-пакистанской границе в значительной мере способствует реализации этих угроз². Граница между ИРИ и Пакистаном в ее нынешней конфигурации после двухлетних переговоров была утверждена двусторонним договором, подписанным в Тегеране 6 февраля 1958 г. (ратифицирован Меджлисом 17 июля 1958 г.), и представляет собой модифицированный вариант линии, выработанной еще в XIX в. Морская граница между Ираном и Пакистаном была определена тегеранским соглашением от 16 января 1997 г. (ратифицировано Меджлисом 17 мая 1998 г.) и находится в Гвадарском заливе, восточное побережье которого относится к территории Пакистана, а западное – к территории Ирана. Пределы залива ограничены на востоке мысом Дживани, а на западе – мысом Пасабандар (Фасте). На побережье залива отсутствуют крупные населенные пункты: на пакистанской стороне находится г. Дживани, а на иранской – деревни Гаватер и Пасабандар. У Ирана и Пакистана нет разногласий по поводу сухопутной гра-

¹ По словам тогдашнего командующего пограничными войсками ИРИ Хосейна Зульфехари, с конца марта по конец декабря 2013 г. имело место более 300 пограничных конфликтов, большая часть из которых была связана с контрабандой наркотиков на востоке страны. Для переправки через границу серьезных партий наркотиков используются преимущественно ослы, из которых, как правило, формируют наркокараваны, включающие до 150 и более животных, а одним из основных путей доставки наркотиков во внутренние области Ирана служит дорога Кухак – Сараван, проходящая по южным склонам горной цепи Сийахан [1, с. 15–17; 3; 16].

² При этом следует иметь в виду, что Пакистан – ядерная держава, и это дает ему в руки дополнительный козырь для давления на ИРИ по спорным вопросам, тем более что Пакистан превосходит ИРИ как по численности армии, так и по военной мощи: на 2021 г. Пакистан занимал 6-е место в мировом рейтинге по численности армии – 654 000 человек (Иран – 7-е место, с 610 000 человек), а по военной мощи находился на 10-м месте (Иран – на 14-м). Кроме того, существует потенциальная вероятность похищения оружейного плутония и портативных ядерных зарядов фундаменталистскими группировками и использования их для совершения террористических актов на территории ИРИ. И наконец, ядерные испытания, проводимые Пакистаном в аймах Белуджистан недалеко от границы с Ираном, серьезно влияют на экологическую ситуацию в провинции Систан и Белуджистан [15, с. 1183–1184; 33; 45].

ницы, но споры о морской в Гвадарском заливе продолжаются до сих пор [12; 13; 15, с. 1182; 32, с. 66–67; 46, р. 15–16].

На ирано-пакистанской границе установлено 256 пограничных знаков. Первый пограничный знак находится в районе горы Малек Сийах Кух (высота 1605 м, над уровнем моря – 1642 м), расположенной в 42 км к северу от Захедана между деревнями Лар-е Паййин, Каркарук и Хормак рядом с трассой Багче (Машхад) – Чабахар (учетный номер 95) на участке Захедан – Заболь¹. Эта гора, будучи точкой пересечения границ Ирана, Афганистана и Пакистана, является общей для дехестана Хормак шахрестана Захедан в ИРИ, вулусвали Чахарборджак вেলাята Нимруз в Афганистане и бахша Чаги айальята Белуджистан в Пакистане. Недалеко от Лар-е Паййин, в 20 км к северо-востоку от Захедана, вблизи пакистанской границы находится Ларский вулканический комплекс, считающийся самым высоким в данном регионе (2347 м). Здесь имеются месторождения меди и молибдена, расположенные недалеко от крупных пакистанских медных месторождений Саиндак и Реко Дик [1, с. 6–7, 12; 9, с. 340–341; 10, с. 2; 20].

От Малек Сийах Кух до пограничного знака № 72 (около 100 км) пограничная линия тянется на юго-восток по горам, причем наиболее крутые склоны находятся на стороне Ирана (на самой горе Малек Сийах Кух перспектива лучше просматривается с иранской стороны). На этом участке высоты примерно одинаковы, но по мере приближения к Мир Джаве общая высота снижается. В этом районе, несмотря на ровную геометрическую форму линии границы, масштабные наступательные действия с использованием военной техники затруднены в силу характера расположения высот и высокого процента уклона, однако действия небольшими военными подразделениями возможны. Участок Мир Джаве – Джалк, протяженностью около 235 км, более низкий: средняя высота здесь находится в пределах 500 м (территория между пограничными знаками № 72 и 77 представляет собой открытую равнину). Около 93 км этого участка до пограничного знака № 117 проходит по руслу р. Тальхаб (Тахлаб). На данном участке самым близким

¹ Горная цепь Малек Сийах Кух начинается в 35 км от Захедана (при движении на север) после КПП Куле Санги и тянется с восточной стороны дороги на 10 км [8, с. 591].

населенным пунктом к границе является г. Мир Джаве¹, оборона которого требует особого внимания. С иранской стороны высоты просматриваются лучше, хотя и здесь имеются слепые зоны (в том числе для радаров). После Джалка в южном и юго-восточном направлении простираются горы, которые не просматриваются из-за высокого градуса уклона: здесь много расщелин и перевалов, создающих условия для укрытия и неожиданного нападения противника небольшими отрядами, в связи с чем на данных участках необходимо концентрировать армейские подразделения и пограничные отряды, а также устанавливать оборудование для слежения. Подобная ситуация наблюдается и в Сараване. Севернее Эсфандака пограничная линия сворачивает на восток и идет по горной цепи Сийахан, а затем поворачивает на юг, проходя через районы с небольшими высотами. В районе Кухака на протяжении 11 км (или, по другим данным, – 8 км) граница проходит по руслу р. Машекиль. Здесь, в районе Бампошта, по обеим сторонам – плоскогорье, что открывает возможности для проникновения значительной массы войск и бронетехники с обеих сторон. Однако в данном случае Иран более уязвим, поскольку этот район вдается в территорию Пакистана. В равнинной части Бампошта до Хидуча имеется хорошая возможность для установки систем ПРО и радаров. От Хаша до Саравана хорошо просматривается территория Пакистана: ввиду умеренного уклона восточных и юго-восточных склонов горной цепи Сийахан там уместно расположить РЛС раннего предупреждения, а также комплексы электронного и оптического контроля, что позволит охватить мертвые зоны, поскольку не все участки границы на юго-востоке страны находятся в зоне действия РЛС слежения за воздушной обстановкой. В этом же районе име-

¹ Город Мир Джаве находится в 2 км от границы, а КПП – примерно в 15 км к юго-востоку от города. С пакистанской стороны в 5 км от границы находится г. Тафтан (путешественники шутят, что поездка из Мир Джаве в Тафтан – это не только перемещение в пространстве, но и во времени – ты словно возвращаешься на 50 лет назад). Далее в этом районе населенные пункты отсутствуют, поэтому на данной территории располагаются лагеря террористических группировок [41]. Самыми близкими к границе городами на всем ее протяжении являются Мир Джаве (2 км), Пишин (8 км), Джалк (12 км), Захедан (28 км), Мохаммади (41 км), Сараван (45 км), Раск (46 км), Негур (52 км), Сиркан (54 км), Хидуч (70 км), Сарбаз (75 км), Суран (77 км), Хаш (78 км), Гошт (86 км), Заболи (90 км), Нукабад (91 км) [9, с. 341].

ются благоприятные условия для размещения командного пограничного пункта, что повысит качество управления информацией. Кроме того, хорошая видимость позволяет держать здесь значительный военный контингент при условии хорошей поддержки с запада. Сочетание всех этих факторов позволит при попытке проникновения брать войска потенциального противника или террористические группировки в клещи, полностью нейтрализуя их действия в районе Джалка [1, с. 7–14; 37, с. 788–789].

Пройдя на юг несколько десятков километров, граница поворачивает на запад, а потом – на юго-запад. От этого поворота до Пишина высоты небольшие и рельеф вполне проходим для гусеничной техники, поэтому в данном районе необходимы постоянное военное присутствие и средства контроля. Далее граница идет по Мекранским горам и руслу р. Наханг (около 152 км¹), которая затем уходит на территорию Пакистана, откуда впадает в Гвадарский залив. Мекранские горы служат хорошим естественным препятствием, однако их главный недостаток – прерывистость составляющих их хребтов, протяженность которых колеблется от нескольких сотен метров до нескольких десятков километров. Начиная от пограничного знака № 196, на протяжении ок. 60 км вплоть до ущелья Хафт Сар, пограничная линия тянется по труднопроходимым горам, а между погранзаставами Дарре-йе дурр и Ридик имеется 16-километровый равнинный участок. После погранзаставы Ридик до пограничного знака № 229 следует участок холмистой местности протяженностью около 50 км. Последний отрезок границы длиной 40 км, идущий строго в южном направлении (от Римдана и равнины Баху Калат), проходит по низменности, а недалеко от Гвадарского залива – по болотистой местности. Самая южная точка, обозначенная пограничным знаком № 256, находится в районе Гвадарского залива в 10 км к востоку от порта Гвадар [1, с. 9–10; 9, с. 340–341; 14, с. 31, 40; 37, с. 789].

Ирано-пакистанская граница находится в ведении пограничного управления остана Систан и Белуджистан (на февраль 2022 г. начальник – генерал Мохаммад Моллашахи) и охраняется пятью пограничными полками: Захеданским, Мир Джаве, Сараванским, Джакигурским и Негурским. Кроме того, в несении пограничной

¹ По другим данным – 123 км [17].

службы, а также строительстве пограничной инфраструктуры участвуют военные округа Коде сухопутных войск КСИР (на февраль 2022 г. командующий – генерал Мохаммад Карами). Надо сказать, что серьезные мероприятия по усилению ирано-пакистанской границы начались достаточно недавно¹. Так, например, довольно долгое время район Джакигур (шахрестан Раск) не охранялся с обеих сторон границы, поэтому здесь было раздолье для контрабандистов и террористов. Когда в районе появились иранские пограничники, им приходилось жить в палатках, но к 2016 г. ситуация существенно изменилась: были возведены казармы и прочая инфраструктура, из-за отсутствия электричества для обеспечения работы электронно-оптического оборудования установлены солнечные батареи и дизель-генераторы, хотя около 80 км упомянутого района не имело дорог, поэтому иногда к месту боевого дежурства пограничникам приходилось добираться пешком (притом что летом температура воздуха может превышать 50°C) [19; 35; 36, с. 137]. В настоящий момент практически вся линия границы с иранской стороны оборудована теми или иными видами инженерных заграждений: ограждения из колючей проволоки, стены из бетонных плит с колючей проволокой, траншеи и насыпи. Участки сезонных рек² перегорожены бетонным основанием высотой 2–3 м, на котором установлено ограждение из колючей проволоки. Благодаря высоте оснований, а также сквозным отверстиям в них эти заграждения способны пропускать водные потоки и выступают препятствием, главным образом, для транспортных средств и людей. В настоящий момент все приграничные дороги, число которых за последнее время заметно выросло, снабжены ограждением из колючей проволоки. В пустынных районах, где отсутствует пакистанская пограничная стража, выкопано около 100 км траншей, в которых на определенном расстоянии имеются

¹ Оснащение границы традиционно создает серьезную нагрузку на бюджет страны. Так, например, сданная в эксплуатацию в начале декабря 2014 г. погранзастава им. шахида Маджда (пограничный район Джакигур, пограничный знак № 235) площадью 1400 м² была возведена за 1,5 года и потребовала 9,5 млрд риалов [38].

² Все пограничные с Пакистаном реки относятся к категории сезонных, поэтому большую часть года не представляют собой серьезных препятствий [1, с. 10].

перемычки, позволяющие перейти на другую сторону. В наиболее чувствительных районах защита «многоуровневая» – колючая проволока, насыпи и траншеи, ширина и глубина которых равна около 4 м. В траншеях может быть уложена колючая проволока. Кроме того, используются радары, оптические приборы и БПЛА. Серьезное внимание уделяется модернизации и дооборудованию недействующего аэропорта г. Сараван, с тем чтобы помимо гражданских функций он смог выполнять роль военного аэродрома. Вместе с тем при возведении заграждений не всегда принимаются во внимание климатические и географические особенности местности¹, что приводит к размыванию траншей селевыми потоками, зарастанию их сорняками и заиливанию (например, в районе Римдана) или заносу песком. Селевые потоки нередко подмывают основания наблюдательных башен и опор освещения, разрушают приграничные дороги. Частые ветры способствуют скапливанию песка возле бетонных ограждений, иногда существенно понижая их высоту. Колючая проволока не всегда выполняет заградительную функцию, в то же время затрудняя преследование нарушителей [21; 25; 27; 31; 36, с. 148; 37, с. 789].

Помимо этого, несмотря на значительные успехи в укреплении рубежей ИРИ, сохраняется целый ряд проблем, препятствующих нормальному функционированию границы: нехватка людей, незнание пограничниками местности², нехватка транспорта для доставки нарушителей границы, недостаточные зарплаты и льготы для пограничников³, плохие бытовые условия, повторяемость мест засад, нехватка радаров и приборов ночного видения, дефицит и низкое качество средств передвижения, отсутствие транспорта

¹ Существенным фактором служит опустынивание, порождающее зыбучие пески, которые затрудняют или полностью исключают какие-либо военные манипуляции (минирование, создание препятствий в виде колючей проволоки и пр.). Затяжные ветры и песчаные бури осложняют военные операции, снижая видимость, а также ослабляя эффективность оборудования и различных видов вооружений [1, с. 14].

² С целью компенсации этого недостатка для несения пограничной службы, а также разведывательной деятельности активно привлекаются местные жители [25; 36, с. 148; 37, с. 789].

³ По состоянию на апрель 2020 г. пограничники получали от 5,5 до 6 млн туманов в месяц, в то время как в 2016 г. эта цифра составляла менее 1 млн туманов [25; 39].

прикрытия, техническое превосходство средств передвижения контрабандистов, недостаточное количество погранзастав и, соответственно, большая удаленность их друг от друга, отсутствие серьезных наказаний за незаконное пересечение границы и пособничество нарушителям¹, недостаточная законодательная защита пограничников, ограниченный оперативный простор для пограничников внутренних войск, двойственность в управлении границей (внутренние войска и КСИР), отсутствие должного взаимодействия между разведывательными и оперативными структурами, недостаточно ответственное отношение пакистанских пограничников [36, с. 141–142].

Наиболее сложными и опасными участками границы следует признать районы Мир Джаве, Сараван и Джакигур², где фиксируется наибольшее число нападений на пограничные заставы и посты [22; 24]. Так, например, 26 апреля 2017 г. боевики «Джейш аз-золъм» в районе пограничного знака № 100 (пограничный полк Мир Джаве, рота Чаханду) совершили нападение на иранский пограничный пост: из 12 пограничников девять были убиты, двое ранены (один из них впоследствии скончался), рядовой Саид Барати взят в плен (освобожден через 476 дней) [5; 39]³. Нападениям подвергаются и пакистанские пограничники. Так, 9 и 20 мая, 15 июля и 22 ноября 2021 г. в районе Панджгур, граничащем с районом Кухак шахрестана Сараван, на пакистанский пограничный патруль было совершено нападение террористов: в результате первых двух нападений погибли 13 военнослужащих, в результате третьего нападения погибли трое и восемь военнослужащих получили серьезные ранения, а в результате последнего погиб один военнослужащий. Вероятно, в ответ на первые два нападения паки-

¹ Безработица и бедность вынуждают жителей приграничных районов вставать на путь контрабанды и торговли людьми, а также выступать в роли проводников, поскольку оба вида деятельности приносят хороший доход. Это ведет к отказу местных жителей от сотрудничества, а иногда даже к вооруженным столкновениям с пограничниками [36, с. 149–150].

² Зона ответственности Джакигурского пограничного полка заканчивается в районе пограничного знака № 237, после чего вплоть до пограничного знака № 256 следует район, охраняемый Негурским пограничным полком [19].

³ За весь период существования ИРИ погибли более 13 000 и ранены более 20 000 пограничников [6].

станские военные провели 11-дневную операцию по зачистке Панджгура, которая, судя по сообщениям СМИ, не увенчалась большим успехом: в ходе ее реализации были убиты четыре человека и несколько человек арестованы, однако из-за слабого информационного обеспечения их идентификация оказалась невозможной. Тем не менее долгое время Пакистан не занимался ни оснащением, ни должной охраной границы с ИРИ. Однако за последние полтора года – во многом под давлением ИРИ – Пакистан резко активизировал процесс возведения защитной стены на границе с Ираном. Договоренности об этом были достигнуты осенью 2020 г., и вот уже 4 июня 2021 г. министр внутренних дел Пакистана Шейх Рашид Ахмад отрапортовал о «закрытии» стеной 44% границы. 27 августа 2021 г. руководитель пресс-службы ВС Пакистана генерал Бабур Эфтехар сообщил о том, что 58% ирано-пакистанской границы получило ограждение и продолжается строительство десятков пограничных вышек. Завершение проекта планировалось до конца 2021 г., однако в начале 2022 г. Бабур Эфтехар отчитался о выполнении проекта только на 71%. Подобное замедление, скорее всего, объясняется перераспределением сил и средств на укрепление гораздо более значимой для Пакистана в стратегическом отношении границы с Афганистаном, возведение заграждений на которой было завершено на 94%. Тем не менее командующий пограничными войсками ИРИ генерал Ахмад-Али Годарзи во время своего визита в Пакистан в январе 2022 г. констатировал серьезное повышение уровня безопасности ирано-пакистанской границы, отметив намерения пакистанских военных продолжить ее укрепление через оснащение средствами электронного контроля [7; 11; 18; 23; 26; 28; 42].

Таким образом, в ближайшей перспективе можно ожидать усиления барьерной и фильтрующей функций ирано-пакистанской границы, что обещает заметно повысить уровень безопасности ИРИ в целом, а также создать благоприятные условия для развития юго-востока страны. В то же время создание полноценной эффективной системы обеспечения национальной безопасности в районе ирано-пакистанской границы следует отнести к долгосрочным проектам в силу наличия разногласий по морской границе в Гвадарском заливе, дисбаланса в степени обустройства и в уровне технической оснащенности границы со стороны Ирана и Пакиста-

на, а также низкой мотивации жителей приграничных территорий в содействии охране государственной границы.

Список литературы

1. Алинежад М., Абеди Й. Географический анализ пограничной полосы между Ираном и Пакистаном: оборона и безопасность (на основании данных GIS) = (تحليل جغرافیایی نوار مرزی ایران و پاکستان از منظر دفاع و امنیت (بر اساس داده های GIS)) // Мо-таллеат-е марзи. – 1393 (2014). – Т. 2, № 3. – С. 1–28. – Яз. фарси [здесь и далее. – Прим. ред.]
2. Америка строит военную базу на пакистано-афганской границе = / آمریکا در مرز / پاکستان و افغانستان پایگاه نظامی می سازد! – URL: <https://www.mehrnews.com/news/5219393> (дата обращения: 03.03.2022).
3. Большинство пограничных столкновений в Иране происходит с наркоконтрабандистами = بیشترین درگیریهای مرزی در ایران با قاچاقچیان مواد مخدر است = URL: <https://www.irna.ir/news/80984557> (дата обращения: 08.03.2022).
4. В остане Систан и Белуджистан задержано 24 автомобиля с контрабандным топливом = بیست و چهار دستگاه خودرو حامل سوخت قاچاق در سیستان و بلوچستان توقیف شد.. – URL: <https://khabarban.com/a/31900258> (дата обращения: 01.03.2022).
5. Гибель 10 пограничников полка Мир Джаве в столкновении с бандитами = شهادت 10 مرزبان هنگ مرزی میر جلوه در درگیری با اشراک = URL: <http://www.shahryarnews.ir/news/37721> (дата обращения: 01.03.2022).
6. Шехат 25 пограничников внутренних войск в текущем году = شهادت 25 نیرو 25 مرزبانی پلیس در سال جاری. – URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1399/08/25/2389062> (дата обращения: 01.03.2022).
7. Граница Ирана и Пакистана оборудована ограждением на 71 процент = حصارکشی 71 درصد مرز مشترک ایران و پاکستان. – <https://www.iribnews.ir/fa/news/3326446> (дата обращения: 11.03.2022).
8. Петрография, геология и диагенез магматического комплекса Малек Сийах Кух (к северу от Захедана) в контексте геолого-магматических характеристик региона = سنگشناسی، زمینشناسی و سنگزایی مجموعه آذرین ملک سیاه کوه (شمال زاهدان) با نگرشی = Regional Petrography, Geology and Diagenesis of the Malek Siah Kuh Complex (north of Zahedan) in the context of geological-magmatic characteristics of the region / Джаван Хошхолк М., Арийан М.-А., Размара М., Шейхи Каризаки Х. // Болуршенаси ва канишенаси-йе Иран. – 1399 (2020). – Т. 28, № 3. – С. 591–608.
9. Джандакийан А. Внешние источники угрозы и их влияние на безопасность приграничных городов на юго-востоке Ирана = منابع خارجی تهدید و تاثیرات آن بر امنیت در شهرهای مرزی جنوب شرقی ایران // Хамайеш-е мелли-йе шахрха-йе марзи ва амнийат: чалеша ва рахйафтха. Данешгах-е Систан ва Балучестан. – 1391 (2012). – 30 ва 31 фарвардин. – С. 337–349.
10. Душангани Дармийан Ф., Бумери М. Медно-молибденовая минерализация к северу от Захедана по данным геологии, петрографии и минералогии = بررسی کانی زایی مس و مولیبدن در شمال زاهدان با استفاده از شواهد زمینشناسی، سنگشناسی و کانیشناسی // Шешомин хамайеш-е Анджоман-е заминшенаси-йе эктесади-йе Иран. – 1393 (2014). – 23 шахривар мах. – С. 1–6.

11. Завершилась военная операция в районе Панджгур в пакистанской [провинции] Белуджистан = عملیات نظامی در منطقه پنجگور بلوچستان پاکستان پایان یافت – URL: <http://gaaznews.ir/articles/2023376489> (дата обращения: 08.03.2022).
12. Закон в связи с договором о границе между Ираном и Пакистаном = قانون مربوط به قرارداد مرزی ایران و پاکستان – URL: <https://rc.majlis.ir/fa/law/show/95065> (дата обращения: 08.03.2022).
13. Закон «Соглашение о делимитации морской границы между Исламской Республикой Иран и Исламской Республикой Пакистан» = قانون موافقت نامه تحدید حدود مرز دریایی بین جمهوری اسلامی ایران و جمهوری اسلامی پاکستان – URL: <https://rc.majlis.ir/fa/law/show/93095> (дата обращения: 09.03.2022).
14. Зангане Асади М-А., Резайи Арефи М., Нур-е Мохаммади А-М. Роль геоморфологических явлений в вопросах обороны и безопасности приграничных районов на юго-востоке страны (SWOT-анализ) = نقش پدیده های ژئومورفولوژی در مسائل دفاعی و امنیتی نواحی مرزی جنوب شرقی کشور با استفاده از مدل تحلیلی سوات // Жигумур-фулужи-йе карборди-йе Иран. – 1391 (2013). – Т. 1, № 1. – С. 27–43.
15. Заргяр А-А., Насери М., Дахмарде М. Анализ вызовов безопасности в приграничных районах Ирана и Пакистана = تجزیه و تحلیل چالشهای امنیتی در مناطق مرزی ایران و پاکستان // Хамайеш-е мелли-йе шахрха-йе марзи ва амнийат: чалешха ва рахайфтва. – 1391 (2013). – 30 ва 31 фарвардин. – С. 1175–1187.
16. Интересный репортаж о рейнджерах-пограничниках внутренних войск = گزارش خواندی از رنجرهای مرزی ناجا – <https://diyarmirza.ir/1394/11>.
17. Ирано-пакистанская граница = مرز ایران و پاکستان – URL: <http://marzha.blogfa.com/post/7> (дата обращения: 21.03.2022).
18. Контроль ирано-пакистанской границы с помощью интеллектуальных электронных устройств = اجرای پایش الکترونیکی و هوشمند در مرز ایران و پاکستان – URL: <https://www.isna.ir/news/1400102317166> (дата обращения: 21.03.2022).
19. Курбани М. Сутки на лобном месте бандитов и террористов = بیست و چهار ساعت حضور در قتلگاه اشرا و تروریستها – URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1394/10/19/962549> (дата обращения: 21.03.2022).
20. Малек Сийах – знакомимся ближе с захеданским вулканом = ملکسیاه کوه آتشفشانی زاهدان را بیشتر بشناسید – URL: <https://www.rokna.net/448383> (дата обращения: 21.03.2022).
21. На юге остана Систан и Белуджистан открыто 120 км дорог, построено 44 наблюдательных башни и создано пять пограничных рот = صد و بیست کیلومتر جاده، 44 برجک و 5 گروهان مرزی در جنوب سیستان و بلوچستان افتتاح شد – URL: <https://www.irma.ir/news/81412909> (дата обращения: 21.03.2022).
22. Нападение вооруженных людей на погранзаставу в остане Систан и Белуджистан = حمله افراد مسلح به پاسگاه مرزی در سیستان و بلوچستان – URL: <https://www.radiofarda.com/a/militants-border-attack-iran/29474026.html> (дата обращения: 20.03.2022).
23. Нападение на пакистанских военных в приграничном районе айялата Белуджистан = حمله به ارتش پاکستان در منطقه مرزی بلوچستان – URL: <https://www.irma.ir/news/84551471> (дата обращения: 21.03.2022).

24. Нападение членов террористической группировки Джейш аль-адль на погран-заставу Рашадат пограничного полка Джакигур = حمله عناصر گروهک تروریستی / جیش العدل به پساگاه رشادت هنگ مرزی جکیگور – URL: <https://www.yjc.news/fa/news/6657334> (дата обращения: 21.03.2022).
25. Несгибаемые = مردان پایداری – URL: <https://www.aparat.com/v/pHWFq> (дата обращения: 21.03.2022).
26. Ограждение на границе Ирана и Пакистана – препятствие на пути торговцев топливом и мигрантов = حصارکشی مرز ایران و پاکستان مانع گذاری بر سر راه سوختبران و مهاجرین – URL: <https://www.radiozamaneh.com/671802> (дата обращения: 21.03.2022).
27. Охрана 300 км границы в остане Систан и Белуджистан поручено КСИР = امنیت 300 کیلومتر از مرزهای سیستان و بلوچستان به سپاه واگذار شد – URL: <https://www.mashreghnews.ir/news/296646/> (дата обращения: 22.03.2022).
28. Пакистан оборудовал ограждением 58% своей границы с Ираном = پاکستان 58 در صد مرزهای خود با ایران حصارکشی کرد – URL: <https://tejaratnews.com> (дата обращения: 22.03.2022).
29. Пишгахифард З., Мир-заде Кухшахи М. О факторах, препятствующих оптимальному управлению границей ИРИ с Пакистаном = تبیین موانع مدیریت بهینه // مرزهای جمهوری اسلامی ایران و پاکستان // Рахборд-е дафаи. – 1390 (2012). – Т. 9, № 35 – С. 107–141.
30. Пограничная служба – джихад на пути Аллаха = مرزبانای جهاد در راه خداست – URL: <https://marznews.com> (дата обращения: 09.03.2022).
31. Пограничные укрепления, возведенные КСИР. Пакистанская граница = مرزبانای تقویت شده توسط سپاه پاکستان – URL: <https://www.aparat.com/v/JjF82>
32. Расти О., Ашрафи А. Территориальные претензии прибрежных стран и взаимодействие территорий (ситуационное исследование: территориальные столкновения Ирана и Пакистана в устье пограничного Гвадарского залива) = قلمروسازیهای ادعایی کشورهای ساحلی و همپوشانی قلمروها (مطالعه موردی: بررسی تزامم قلمروسازیهای ادعایی کشورهای ساحلی و همپوشانی قلمروها در دهانه خلیج مرزی گواتر // Пажухешха-йе джюграфйа-йе сийаси. – 1396 (2017). Т. 2, № 1. – С. 59–86.
33. Рейтинг стран по количеству военных. – URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/number-military> (дата обращения: 19.03.2022).
34. Рузбех Гольафшани А., Кийани Дж. Внутренние изменения в Пакистане и их влияние на изменение ситуации в районах страны, граничащих с Исламской Республикой Иран = تحولات داخلی پاکستان و تاثیر آن بر تحولات مرزی این کشور با جمهوری // موطالع-е сийаси. – 1396 (2017). – № 36. – С. 185–202.
35. Самый молодой полковник внутренних войск уже 12 лет не сидел за новогодним столом = جوانترین سرهنگ ناچا 12 سال است سر سفره هفت سین ننشسته – URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1394/12/11/1015497> (дата обращения: 21.03.2022).
36. Сангане Р. О факторах, препятствующих противодействию незаконному пересечению границы на юго-востоке Ирана = تحلیل موانع مقابله با تردد غیر مجاز از // مرزهای جنوب شرق ایران // موطالع-е марзи. – 1398 (2020). – Т. 7, № 4. – С. 121–154.

37. Сафари А., Эбадинежад С.А. Пограничные препятствия на юго-востоке страны и геоморфологические процессы = *انسداد مرزهای جنوب شرقی کشور و فرایدهای ژئومورفولوژیکی* // *Хамайеш-е мелли: шахрха-йе марзи ва амнийат: чалешха ва рахйафтха*. – 1391 (2013). – С. 783–791.
38. Сдана в эксплуатацию погранзаезда шахида Маджда в остане Систан и Белуджистан = *پاسگاه مرزی شهید مجد سیستان و بلوچستان به بهره برداری رسید*. – URL: <https://www.irna.ir/news/81411513> (дата обращения: 09.03.2022).
39. Семья освобожденного солдата благодарит руководство = *قدردانی خانواده سرباز آزادشده از مسولان*. – URL: <https://defapress.ir/fa/news/304324> (дата обращения: 17.03.2022).
40. Сколько получают пограничники? Причины беспорядка на отдельных погранпунктах = *مرزبانان چقدر حقوق می گیرند؟ علت بی نظمی در برخی پایانه های مرزی*. – URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1399/01/02/2227808> (дата обращения: 12.03.2022).
41. Специальный репортаж «Тасним». Из «гафтанского ада» в «рай Мир Джаве». Почему наша граница с Пакистаном небезопасна? = *گزارش ویژه تنسیم از جهنم تفتان تا بهشت میر جاوه. چرا مرز مشترک با پاکستان ناامن است؟*. – URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1397/01/30/1704274> (дата обращения: 12.03.2022).
42. Трое пакистанских пограничников убиты в аймаляте Белуджистан = *سه مرزبان پاکستانی در ایالت بلوچستان کشته شدند*. – URL: <https://www.irna.ir/news/83855882> (дата обращения: 19.03.2022).
43. Умысел или оплошность: Иран «отомстит» Пакистану? = *قصد یا قصور ایران از پاکستان «انتقام» خواهد گرفت؟*. – URL: <https://www.mizan.news/fa/news/495321> (дата обращения: 12.03.2022).
44. Ходжжат-заде Х. Значение создания китайской военной базы по соседству с ирано-пакистанской границей = *دلایل اهمیت تاسیس پایگاه نظامی چین در کنار مرز ایران و پاکستان*. – URL: <https://tisri.org/?id=co4vfp5r> (дата обращения: 12.03.2022).
45. 2022 Military Strength Ranking. – URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php> (дата обращения: 19.03.2022).
46. Vatanka A. *Iran and Pakistan. Security, Diplomacy and American Influence*. – London ; New-York : I.B. Tauris, 2015. – 307 p.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И ЗАКАВКАЗЬЕ

КУДАЯРОВ К.А. * АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ КЫРГЫЗСТАНА

Аннотация. В статье рассматриваются аналитические центры Кыргызстана, входящие в рейтинг Пенсильванского университета. При детальном рассмотрении мозговых центров Кыргызской Республики оказалось, что информация, заявленная в рейтинге, лишь отчасти соответствует действительности. Обращается внимание на то, что из девяти «think tanks», вошедших в список Макганна в 2020 г., три не существовали уже на протяжении нескольких лет. «Мозговые центры» Кыргызстана далеко не по всем параметрам соответствовали применяемым в рейтинге критериям. Тем не менее это не стало препятствием для их включения в международный рейтинг.

Ключевые слова: аналитические центры Кыргызстана; «think tanks»; рейтинг Макганна.

KUDAYAROV K.A. Analytical Centers of Kyrgyzstan

Abstract. The article considers analytical centers of Kyrgyzstan included in the rating of the University of Pennsylvania. Upon a detailed examination of the think tanks of the Kyrgyz Republic, it turned out that the information stated in the rating is only partially true. Attention is drawn to the fact that of the nine think tanks included in McGann's list in 2020, three have not existed for several years. The think tanks of Kyrgyzstan did not meet the criteria used in the rating in all respects. Nevertheless, this did not become an obstacle to their inclusion in the international rating.

* Кудаяров Каныбек Акматбекович – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

Keywords: analytical centers of Kyrgyzstan; think tanks; McGann index report.

Для цитирования: Кудаяров К.А. Аналитические центры Кыргызстана // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 3. – С. 62–77. DOI: 10.31249/RVA/2022.03.04

Под аналитическими центрами сегодня подразумеваются организации, которые специализируются на исследовании и анализе государственной политики и взаимодействии с соответствующими акторами, осуществляют политические исследования, анализ и консультации по внутривластным и международным вопросам, тем самым давая возможность политическому руководству и общественности принимать обоснованные решения в сфере государственной политики [5, с. 8].

«Мозговые центры», возникшие на постсоветском пространстве за последние три десятилетия, характеризуются довольно высокими темпами развития. Многие из них смогли не только сделать себе имя в страновом и региональном разрезе, но и достичь серьезных результатов, войдя в ежегодные индекс-рейтинги мирового значения, составленные американскими экспертами в рамках программы Университета Пенсильвании «Аналитические центры и гражданское общество» под руководством Джеймса Дж. Макганна. При этом по многим параметрам, определяющим успешность, аналитические центры государств отличаются друг от друга. Наибольших результатов в этом плане смогли достичь государства европейской части постсоветского пространства, а также республики Южного Кавказа, оставив позади центральноазиатские «мозговые центры». Последние также разнятся по уровню развития аналитической индустрии. В этом плане далеко не в лучшем положении находится Кыргызская Республика.

Стоит отметить, что практически все эксперты, рассматривающие «фабрики мысли» Кыргызстана, берут за основу перечень аналитических центров (АЦ) из рейтинга, составленного профессором Пенсильванского университета Дж. Макганном [21]. Не вдаваясь в подробности, местные эксперты ограничиваются перечислением рейтинговых «мозговых центров», краткой характеристикой существующего положения дел в сфере аналитики и ком-

ментариями, а также рекомендациями по улучшению деятельности существующих «think tanks» [9]. При этом практически все республики региона ежегодно освещают позиции национальных (местных) АЦ, указанных в американском рейтинге «Global Go To Think Tank Index Report». По существу, эксперты региона воспринимают данный рейтинг как основной и всеми признанный глобальный идентификатор успешности «фабрик мысли». Никто не сомневается, по крайней мере на официальном уровне, в правильности системы ранжирования Макганна, работающего в данной сфере с 2008 г. и накопившего солидный опыт в оценке и отборе «think tanks».

Помимо американского рейтинга, многие эксперты из государств Центральной Азии проводят собственные обзоры национальных «мозговых центров». К примеру, в Казахстане данная тема рассмотрена как минимум в двух обзорах АЦ, составленных Шибутковым [13] и Р. Изимовым [4]. В Узбекистане и Таджикистане подобные обзоры выполнены Н. Давлетовой [3], Б. Эргашевым [11], Ш. Резоёном [10, с. 259–286] и другими исследователями. При этом имеются обзоры, посвященные и проблемам «мозговых центров» региона, периодически рассматриваемых как на уровне отдельных экспертов (А. Нурша [7], М. Шибутов, Р. Азимов и др.), так и на уровне целых экспертных сообществ, использующих различные диалоговые площадки. Одной из таких диалоговых площадок в Центральной Азии выступает Институт по освещению проблем войны и мира (IWPR), в экспертном сообществе которого представлены практически все известные аналитики региона: Э. Жураев (преподаватель Академии ОБСЕ в Бишкеке), Ф. Толипов (глава АЦ «Билим Карвони»), Б. Эргашев (директор Центра политических инициатив «Маъно»), Ю. Юсупов (директор АЦ «Центр экономического развития»), А. Чеботарев (доцент ВШЭ), Э. Ногойбаева (директор АЦ «Полис Азия») и др. [6].

«Мозговые центры» Кыргызстана представлены в обзорах ряда российских экспертов (Гузенковой Т.С., Петровской О.В., Александрова Д.А., Попова Д.С., Неманского О.Б., Кузнецова А.В., Вилисова В.М., Вавиловой Л.И., Шамахова В.А., Вовенды А.В., Корягина П.А. и др.), рассматривающих «фабрики мысли» на постсоветском пространстве. При описании АЦ Кыргызстана многие российские аналитики подчеркивают: «Экспертные структуры

Киргизии, по сравнению с другими государствами Центральной Азии, отличаются большим разнообразием, что связано с особенностями политического и экономического развития страны в постсоветский период. <...> Киргизские исследовательские центры зачастую имеют характер сообщающихся сосудов, эксперты отличаются повышенной мобильностью, когда для реализации определенного проекта могут собираться специалисты из самых разных структур. Вместе с тем существует и негативная сторона подобной подвижности – это малое количество действительно фундаментальных исследований, для которых требуется стабильность научно-исследовательских и экспертных организаций и плановое финансирование в течение многих лет» [2, с. 44]. К таким выводам российские исследователи смогли прийти не только на основе анализа пенсильванского рейтинга, но и на основе собственных наблюдений, собственных взаимоотношений с кыргызстанскими «коллегами по цеху».

Отмечалось также, что в отношении аналитических центров Кыргызстана (в отличие от других исследуемых стран) нет ни научных, ни экспертных публикаций, содержащих общий обзор и перечень аналитических центров страны [1, с. 63]. Естественно поэтому, что в данной ситуации при оценке действующих АЦ эксперты исходили из имеющихся в американском рейтинге данных, которые позволили выявить, что в Кыргызстане 62% «мозговых центров» (указанных в рейтинге Макганна) занимаются правами человека и гражданским обществом, а оставшиеся мозговые центры занимаются политическими вопросами. При этом подчеркивается их финансирование со стороны европейских стран и США, активно лоббирующих демократические принципы.

К наиболее важным показателям определения успешности «фабрик мысли» Макганн отнес: приверженность руководства аналитического центра эффективному управлению миссией и программами АЦ; мобилизацию финансовых и людских ресурсов, необходимых для выполнения миссии; мониторинг качества, независимости и результативности аналитического центра; способность АЦ собрать критическую массу высококвалифицированных и авторитетных ученых и аналитиков; способность проводить высококачественные, ориентированные на политику исследования, доступные для политиков, средств массовой информации и

общественности; способность нанимать и удерживать ученых и аналитиков; академическую успеваемость и репутацию; качество и количество публикаций АЦ; влияние исследований и программ аналитического центра на разработчиков политики и других участников политики, а также влияние на общество и другие параметры [16, с. 38–40].

Несмотря на имеющиеся региональные особенности «think tanks» Центральной Азии, выражающиеся прежде всего в ведении своей деятельности в государствах с авторитарными и полуавторитарными режимами, большой доле зарубежного финансирования и иных характеристиках, именно на критерии Пенсильванского университета стараются ориентироваться центральноазиатские эксперты, каждый раз вынося на профессиональное обсуждение такие моменты, как качество аналитики АЦ и применение аналитической продукции лицами, принимающими решения (обычно подразумевается руководство страны).

По большому счету аналитические центры Кыргызстана представлены как в виде филиалов международных АЦ и частных национальных «think tanks», преимущественно получающих финансирование из дальнего зарубежья, так и «мозговых центров», финансируемых из средств государства. Их общее количество по разным оценкам варьируется от девяти до 30. По меркам Центральной Азии (за исключением Казахстана) это довольно большое количество.

В 2020 г. «макганновский» рейтинг сделал выборку из 29 АЦ, находящихся в Кыргызской Республике, из которых девять были определены как соответствующие требованиям рейтинга. При этом шесть из них указаны в категории «Лучшие аналитические центры Центральной Азии 2020» (2020 Top Think Tanks in Central Asia): Центр экономических и социальных исследований (Center for Social and Economic Research in Kyrgyzstan, CASE); Национальный институт стратегических исследований (НИСИ); Институт региональных исследований (Institute for Regional Studies, IFRS); Economic Policy Institute – Bishkek Consensus (EPI) (Kyrgyzstan, Фонд Сорос – Кыргызстан); Кыргызстанский центр изучения мира (Peace Research Center of Kyrgyzstan, PRCK); Институт публичной политики (Institute for Public Policy (IPP). Оставшиеся три – Фонд поддержки образовательных инициатив

(Foundation for Education Initiatives Support, FEIS); Институт развития молодежи (ИРМ); Центральноазиатский институт свободного рынка (Central Asian Free Market Institute, CAFMI) – вошли в рейтинг по другим номинациям. Среди них: FEIS занял 43-ю строчку в категории «Лучшие “think tanks” в области образовательной политики» (2020 Top Education Policy Think Tanks), ИРМ – 119 место в номинации «Лучшие “think tanks” 2020 в области социальной политики» (2020 Top Social Policy Think Tanks), CAFMI – 35-е место в номинации «Лучшая пропагандистская кампания 2020» (2020 Best Advocacy Campaign). Помимо этого, стоит отметить, что НИСИ вошел также в рейтинг «Лучшие правительственные “think tanks” 2020» (2020 Best Government-Affiliated Think Tanks), разместившись на 61-м месте, а IFRS занял 40-ю строчку в номинации «Лучшие региональные исследовательские центры (Отдельно стоящие)» (2020 Best Regional Studies Centers (Free Standing)). При этом в последнюю категорию не попали АЦ из других республик Центральной Азии.

1. CASE был основан в Кыргызской Республике в 1998 г. и входит в группу центров экономических и социальных исследований, имеющих представительства в Польше, Кыргызстане, Украине, Грузии, Молдове и Беларуси. Он является независимой некоммерческой исследовательской организацией [14], занимающейся содействием социально-экономическому развитию Кыргызской Республики посредством проведения исследований, обучения и консультативной деятельности. Штат центра преимущественно состоит из независимых местных экспертов. Организация тесно сотрудничает с правительственными учреждениями и различными международными организациями по развитию. Центр занимается исследованиями в рамках широкого спектра тем, включая макроэкономическое прогнозирование, проблемы бюджетной, денежно-кредитной и социальной политики, внешней торговли и институциональных изменений в экономике. Консультативная деятельность CASE-Kyrgyzstan сосредоточена на технической помощи различным государственным учреждениям в экономическом анализе существующих проблем и разработке соответствующих аналитических инструментов. Учебные программы CASE-Kyrgyzstan предназначены для государственных служащих и предпринимателей и включают курсы по макро- и

микроэкономике, эконометрике, государственным финансам и информационным технологиям. Внешними руководителями центра являются граждане Польши (П. Козаржевский, М. Маркевич и др.). Среди публикаций центра стоит отметить: «Роль многосторонних и региональных торговых дисциплин: Опыт Кыргызстана», (издано Р. Могилевским в 2004 г. в Варшаве); «Государственные расходы на образование и здравоохранение в Кыргызской Республике до и во время глобального кризиса» (июль 2011); «Возможное влияние инициативы “Один пояс и один путь” на внешнюю торговлю в Центральной Азии» (январь 2018).

2. НИСИ образован постановлением Временного правительства Кыргызской Республики в июле 2010 г. Институт образован путем слияния трех ранее существовавших в республике структур: Института стратегического анализа и оценки при президенте Кыргызской Республики, Института развития Кыргызстана и Центра перспективных разработок при президенте Кыргызской Республики. НИСИ оказывает научную, аналитическую, информационную и тренинговую поддержку деятельности правительства Кыргызстана в области экономики, политики, безопасности и государственного управления. Национальный институт стратегических исследований является единственным подобным учреждением при высших органах власти Кыргызской Республики и ведет свою деятельность под прямым руководством премьер-министра страны. В НИСИ работают 15 научных сотрудников, шесть внешних экспертов и консультантов. Среди наиболее известных экспертов и консультантов стоит отметить М. Иманалиева (директора Центра анализа международных отношений Дипломатической Академии МИД Кыргызстана (ЦАМО МИД КР)) и М. Калиева.

3. IFRS – неправительственная некоммерческая организация, основанная в Кыргызстане в ноябре 1994 г. как «Центр исследований проблем мира» в Кыргызстане (Peace Research Center of Kyrgyzstan), – позднее была переименована в IFRS. Вплоть до своего закрытия (в 2016 г. [8]) IFRS занималась поддержкой демократических процессов в Кыргызстане. За годы своей деятельности институт провел большое количество исследований, научно-практических конференций, семинаров и форумов. Основная часть публикаций IFRS относится к двум периодам – 1996–2008 гг. [12], когда происходило активное становление неправительственных и

некоммерческих организаций в республике на фоне официально провозглашенной политики киргизской власти по демократизации государства и общества, а также 2010–2012 гг., когда происходили события, последовавшие после очередной смены власти в республике (апрель 2010): межэтнический (кыргызско-узбекский) конфликт на юге Кыргызстана (июнь 2010) и др. Институтом реализован проект «Усилия неправительственных организаций по примирению, как часть общественной сплоченности и стабилизации в КР». В рамках проекта проводились социологические исследования, изучалась ситуация в сфере обеспечения прав этнических меньшинств на получение информации на родном языке, анализировалась государственная политика в этнической сфере. Проекты IFRS финансировались из средств западных НПО и НКО, располагающихся как в Кыргызстане, так и за его пределами.

4. Economic Policy Institute – Bishkek Consensus (EPI) (Kyrgyzstan) / Фонд «Сорос-Кыргызстан» (ФСК) является международным неправительственным частным фондом, нацеленным на построение демократического и открытого общества. Фонд существует в республике с 1993 г. Его учредителем является Институт «Открытое общество» (Open Society Institute, OSI), возглавляемый Джорджем Соросом. EPI является частью международной сети Фондов «Открытого общества», куда входят отделения фонда в 31 стране и два региональных фонда (в 27 государствах). Фонд «Сорос-Кыргызстан» оказывает содействие гражданским инициативам в самых различных направлениях, таких как правовые, образовательные и экономические реформы, поддержка СМИ, НПО и академических кругов, содействие инициативам в области публичной политики, здравоохранения и культуры. Для финансирования этих инициатив ФСК затратил более 111 млн долларов США. Работа фонда регулируется Наблюдательным советом ФСК и Фондов «Открытого общества» и проводится в тесном сотрудничестве с партнерами, представляющими государственные институты, неправительственные и международные организации. В штате на постоянной основе работают 24 эксперта. За время работы фонда было издано более 100 материалов, включая учебные пособия по различным дисциплинам, научную классику, литературные произведения.

С января 2021 г. Фонд «Сорос-Кыргызстан» открыл две новые программы – «Демократическое управление» и «Искусство и культура», которые дополнили уже действующие (программа «Общественное здравоохранение», правовая программа, образовательная программа, информационная программа, программа «Развитие СМИ»). Деятельность программ направлена на изучение и реформирование общественных институтов, продвижение прав уязвимых и маргинализированных групп населения, участие граждан в городском развитии и управлении, обеспечение открытого доступа к информации, знаниям и данным, а также популяризацию информатики и программирования среди детей и молодежи, улучшение качества предоставляемых образовательных услуг, поддержку системы многоязычного образования.

5. PRCK, занимающий 40-ю строчку в рейтинге «2020 Top Think Tanks in Central Asia», в 2012 г. был реорганизован в другой АЦ, получивший название IFRS. С момента своего основания (ноябрь 1994) PRCK фокусировался на двух основных видах деятельности: исследованиях показателей и разрешении этнических и религиозных конфликтов в Центральной Азии и гражданском воспитании посредством семинаров для школьных учителей и студентов университетов. «Центр исследований проблем мира» Кыргызстана разрабатывал учебные планы для школ и учебные программы для инструкторов по гражданскому воспитанию, спонсировал дискуссионный клуб общественных лидеров, активистов и экспертов «Демократия сегодня», в котором рассматривались актуальные проблемы демократического развития в Кыргызстане. Среди трудов PRCK стоит отметить учебник по гражданскому воспитанию под названием «Шаг за шагом», опубликованный в 1996 г., и другие аналогичные публикации. PRCK управлялся А. Табышалиевой, позднее ставшей директором также новосозданного IFRS. Финансирование PRCK осуществлялось за счет грантовых средств, выделяемых различными местными и зарубежными НПО.

6. IPP, основанный в 2005 г., является независимым аналитическим и исследовательским центром, призванным продвигать практику публичной политики и обеспечивать механизмы конструктивного взаимодействия между государственными институтами, гражданским обществом, средствами массовой информации

и бизнес-структурами [15]. Организация объединяет представителей правительства, оппозиции, гражданского общества и средств массовой информации в формате, отвечающем интересам всех сторон. В первые годы деятельности (2005–2009) IPP возглавлял М. Иманалиев, – экс-глава МИД Кыргызстана (1991–1992, 1997–2002), впоследствии избранный на пост генерального секретаря ШОС (2010–2012), ныне являющийся руководителем ЦАМО МИД КР. Основная публикационная активность IPP приходится на 2005–2008 гг., когда выпускался журнал IPP Kyrgyzstan Briefs (с периодичностью от одного до пяти выпусков в год), а также публиковались краткие отчеты по внешней политике Кыргызстана (2007). Деятельность IPP финансировалась Фондом «Открытое общество» Дж. Сороса (OSI Assistance Foundation), а также Посольством Великобритании в Алматы [21]. Редактором «IPP Kyrgyzstan Briefs» являлся киргизский эксперт Шаирбек Жураев – выпускник Американского университета в Центральной Азии (АУЦА), сотрудник Академии ОБСЕ в Бишкеке, сооснователь и руководитель АЦ Crossroads Central Asia. Журнал IPP Kyrgyzstan Briefs был посвящен анализу внутри- и внешнеполитической деятельности Кыргызской Республики, а также мероприятиям, круглым столам, организованным в рамках IPP.

Примечательно, что в 2009–2014 гг. (и вплоть до закрытия организации в 2014 г.) IPP руководила Чынара Жакыпова – министр образования Кыргызстана (в 1992–1993), экс-директор Фонда «Сорос-Кыргызстан», основатель и директор кыргызстанского филиала IWPR (Британского института по освещению войны и мира) в 2000–2005 гг. и ВРС (Бишкекский пресс-клуб). Несмотря на закрытие, организация числилась в рейтингах Макганна с 2015 по 2020 г.

7. FEIS [12] – некоммерческая организация, занимающаяся реализацией проектов развития, направленных на улучшения в сфере образования, работающая в Кыргызстане с 1997 г. За свою 25-летнюю деятельность FEIS несколько тысяч работников системы образования республики стали участникам проектов фонда, сформировав сообщество профессионалов-единомышленников. Фонд поддержки образовательных инициатив (занявший 43-е место в рейтинге 2020 Top Education Policy Think Tanks) реализовал большое количество проектов, направленных на обучение учите-

лей и директоров школ; на создание учебных программ и проведение тренингов для работников образования; издание книг, видео-производство и интернет-проекты. Приоритетами FEIS являются такие направления, как социальное проектирование и развитие инициатив в области образования, культуры и науки; разработка и внедрение образовательных технологий; содействие процессам реформирования системы образования.

FEIS имеет множество публикаций, среди которых стоит выделить «Пути развития и перспективы школьного парламента в Кыргызской Республике», реализованного при поддержке ЕС и Фонда Ага Хана (2014); «Учимся мыслить критически», «Школьный парламент» (реализованный в рамках проекта «Первые шаги гражданина: участие школьников в принятии решений» (2016), Руководство по организации обучения детей 6–7 лет «Вместе познаем мир», программно-методический комплекс по развитию навыков чтения у детей раннего возраста «Читаем детям. Читаем вместе с детьми», информационное пособие для руководителя «Эффективные инструменты развития школы в условиях многообразия» и мн. др.

По заказу Министерства образования и науки Кыргызской Республики проводятся различные исследования, посвященные финансированию повышения квалификации учителей Кыргызской Республики, исследования данных по посещаемости, удержанию и переводу учеников в школах Кыргызстана. Публикации осуществляются при финансовой поддержке Фонда «Сорос-Кыргызстан», ЮНИСЕФ и других доноров. Публикуемые труды получают высокую оценку как на уровне государства, так и со стороны других образовательных структур.

8. Общественный фонд «Институт развития молодежи» основан 28 февраля 2011 г. Основные направления деятельности связаны с гражданским образованием; экономическим развитием молодежи; участием молодежи в процессах принятия решений; заботой о ментальном здоровье молодежи; формированием экокультуры молодежи.

Среди многочисленных публикаций ИРМ стоит отметить «Формы дискриминации в дистанционном школьном образовании во время пандемии COVID-19 в Кыргызстане», «Молодежь Кыргызстана: ценностные ориентации, социальные настроения и кон-

фликтное поведение» и другие труды, также финансируемые по линии Фонда «Сорос-Кыргызстан», USAID. По сравнению с предыдущими организациями, ИРМ не имеет столь широкого охвата аудитории, в том числе и по линии сотрудничества с государственными учреждениями. Это довольно небольшая организация с штатом в 10 сотрудников.

9. Деятельность САФМІ проверить не удалось. Однако существует предположение, что организация продолжает работать.

Кратко рассмотрев деятельность «фабрик мысли» Кыргызстана, указанных в рейтинге Макганна за 2020 г., можно с уверенностью сказать, что из девяти АЦ работают – пять. Они представлены одним государственным АЦ (НИСИ) и четырьмя частными центрами. Все частные «мозговые центры», представленные в обзоре, финансируются местными НПО с зарубежным финансированием либо зарубежными НПО. Наиболее авторитетными и сильными среди них являются Фонд Сороса, занимающийся социально-ориентированными проектами и финансовой поддержкой местных НПО и государственных организаций в их реализации; и Фонд поддержки образовательных инициатив, играющий большую роль в системе образования республики. Об этом говорит и публикационная активность данных АЦ.

Говоря о позициях «think tanks» Кыргызстана в 2013–2020 гг., можно утверждать, что преимущественно одни и те же АЦ Кыргызстана входили в перечень «мозговых центров» Макганна. При этом количество кыргызстанских «think tanks» в разные годы варьировалось в рейтингах от шести до 10. В 2019 [17] и 2018 [18] гг. представлено 10 АЦ, в 2017 [19] г. – восемь. В 2015 [20] и 2016 гг. их было 10. Примечательно, что только на эти два года приходится наличие в рейтинге Академии ОБСЕ в Бишкеке (по-прежнему работающей в Кыргызстане). Некоторые АЦ указаны в рейтинге в одной и той же категории дважды. Например, НИСИ указан в 2016 г. дважды в рейтинге лучших АЦ Центральной Азии. В индексах 2011–2014 гг. НИСИ не значится. Еще одной особенностью в 2013 г. стало попадание в рейтинг САФМІ, ставшего единственным «мозговым центром» региона в категории «Лучшая пропагандистская кампания 2013» (2013 Best Advocacy Campaign).

2013 год запомнился также тем, что ни одна из «фабрик мысли» Центральной Азии не попала в рейтинг в категории «Луч-

шие правительственные аналитические центры» (Best Government-Affiliated Think Tanks).

Стоит отметить, что ряд АЦ республики не работали на протяжении последних 5–10 лет. К их числу относятся: IFRS (с 2016), PRCK (с 2012), IPP (с 2014), которые значились в рейтингах Макганна в 2013–2020 гг., что говорит о том, что информация о «think tanks» по Кыргызстану не проверяется на ежегодной основе.

В связи с отсутствием регионального рейтинга в 2012 г. Кыргызстан попал в перечень Top 40 Think Tanks in Asia (куда не входили КНР, Индия, Япония и Южная Корея), заняв 34-ю позицию (Фонд «За международную толерантность»). Среди государств Центральной Азии в данную категорию попал также узбекистанский АЦ «Center for Economic Research».

В общемировой рейтинг мозговых центров по образовательной политике (2012) попали сразу два АЦ Кыргызстана: Center for Public Policy и FEIS.

В рейтинге 2009 г. государства ЦА были включены в группу государств Центральной и Восточной Европы (Top 30 Central and Eastern European Think Tanks). Например, Кыргызстан указан в данной группе благодаря IPP (30-е место), номинированному в категории Top 30 Central and Eastern European Think Tanks. А в рейтинге 2008 г. Кыргызстан был указан в Top 25 Think Tanks in Eastern Europe, заняв 18-ю строчку (IPP). Причем в 2008–2009 гг. Кыргызская Республика была единственным государством региона, представленным в рейтинге.

На этапе становления частных аналитических центров их возглавляли авторитетные ученые, бывшие высокопоставленные чиновники, дипломаты. Именно они проложили путь аналитической индустрии Кыргызстана. Однако со временем в силу разных причин многие «think tanks» прекратили свою деятельность. Несмотря на значительную долю экспертов, получивших хорошее образование в западных странах и работающих в местных «фабриках мысли», – проблема нехватки сильных и авторитетных аналитиков в «мозговых центрах», видимо, еще не решена.

Еще одним серьезным препятствием для развития качественной аналитики в республике является отсутствие должного и постоянного финансирования со стороны местных НКО и международных организаций. Расцвет кыргызстанских аналитических

центров, начавшийся в середине 1990-х годов, сменился их упадком к середине 2010-х годов. Многие «фабрики мысли» были закрыты после вывода американской военной базы с территории Кыргызстана, ознаменовавшего конец периода присутствия США в центральноазиатском регионе.

Рассмотрение киргизских аналитических центров, попавших в глобальный индекс-рейтинг Макганна, выявило наличие определенных погрешностей, связанных с отсутствием у составителей рейтинга достоверной информации относительно «мозговых центров» республики. Местному экспертному сообществу не стоит полагаться исключительно на рейтинг Макганна в определении уровня аналитики в конкретно взятой стране. Вместо этого оно само должно инициировать изучение и оценку «мозговых центров» республики и региона.

Список литературы

1. Атлас аналитических центров ЕАЭС : справочник / под ред. А.В. Кузнецова ; ИНИОН, РАН, Центр междисциплинарных исследований. – Москва : ИНИОН, РАН, 2021. – 206 с.
2. Гузенкова Т.С., Петровская О.В., Александров Д.А. «Мозговые центры» в странах СНГ и Грузии : структура, задачи, основные тенденции развития // Доклады РИСИ. Проблемы национальной стратегии. – 2016. – № 1 (34). – С. 11–67.
3. Давлетова Н. Состояние и перспективы развития аналитики в Узбекистане (Данный материал подготовлен в рамках проекта ‘Giving Voice, Driving Change – from the Borderland to the Steppes Project’, реализуемого при финансовой поддержке Министерства иностранных дел Норвегии) // CABAR.Asia. – URL: <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:9qmRXmroFkgJ:https://cabar.asia/ru/nazima-davletova-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya-analitiki-v-uzbekistane%3Fpdf%3D8969+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru&client=safari> (дата обращения: 15.03.2022).
4. Изимов Р. Мозговые центры Казахстана // Central Asian Analytical Network. – 2020. – 19.05. – URL: <https://www.caa-network.org/archives/19807> (дата обращения: 15.03.2022).
5. Макганн Дж. Всемирный индекс-рейтинг аналитических центров за 2015 год // Программа «Аналитические центры и гражданское общество» Института Лодера при Университете Пенсильвании. – 2016. – URL: https://carnegieendowment.org/files/Global_Think%20Tank%20Rating%202015%20RUS.pdf (дата обращения: 20.03.2022).
6. Мусабаев А., Мураталиева Н., Байсаров Э. Аналитические центры в Центральной Азии : между наукой, обществом и властью : материалы экспертных

- оценок РеФорума, проведенного под эгидой Института по освещению войны и мира в Центральной Азии // Сайт региональной аналитической платформы CABAR.asia. – URL: https://cabar.asia/wp-content/uploads/2020/05/Policy-Brief_ru_web.pdf (дата обращения: 12.02.22).
7. Нурша : О проблемах «мозговых центров» Казахстана – самоцензура, зарплаты и узнаваемость // Информационно-аналитический центр МГУ. – URL: <https://ia-centr.ru/experts/vyacheslav-shchekunskikh/nursha-o-problemakh-mozgo-vykh-tsentrov-kazakhstan-samotsenzura-zarplaty-i-uznavaemost/> (дата обращения: 12.02.2022).
 8. Общественное объединение «Институт региональных исследований» // Сервис открытых баз данных «ОсОО.KG». – URL: <https://www.osoo.kg/inn/01610199510082/> (дата обращения: 12.03.2022).
 9. Политолог Эмиль Жураев об уровне аналитики и состоянии «мозговых центров» в Кыргызстане // Центр политико-правовых исследований. – URL: <http://center.kg/article/376> (дата обращения: 12.03.2022).
 10. Ризоён Ш.Ш. Национальные интересы во внешней политике Республики Таджикистан : монография. – Душанбе : Дониш, 2020. – 320 с.
 11. Умарова Н. «Фабрики мыслей». Есть ли спрос на политическую аналитику в Узбекистане? // Веб-издание narodnoeslovo.uz. – URL: <https://xs.uz/ru/post/fabrik-myslej-est-li-spros-na-politicheskuyu-analitiku-v-uzbekistane?ysclid=117zn3p7mi> (дата обращения: 20.03.2022).
 12. Фонд поддержки образовательных инициатив // Сайт ФПОИ. – URL: <https://feis.asia> (дата обращения: 18.12.2021).
 13. Шибутов М. «Фабрики мысли» Казахстана // Сайт пресс-центра REGNUM. – 2017. – 01.06. – URL: <https://regnum.ru/news/innovatio/2283031.html> (дата обращения: 24.03.2022).
 14. CASE – Kyrgyzstan // Center for Social and Economic Research in Kyrgyzstan. – URL: <http://www.case-research.eu/en/case-kyrgyzstan> (дата обращения: 12.02.2022).
 15. Institute for Public Policy // Institute for Public Policy. [Online]. – URL: <https://css.ethz.ch/en/services/organizations/organization.html/32352> (дата обращения: 10.03.2022).
 16. James G. McGann 2020 Global Go To Think Tank Index Report. [Online]. – URL: https://repository.upenn.edu/think_tanks/18/ (дата обращения: 10.03.2022).
 17. James G. McGann 2019 Global Go To Think Tank Index Report. [Online]. – URL: https://repository.upenn.edu/think_tanks/17/ (дата обращения: 10.03.2022).
 18. James G. McGann 2018 Global Go To Think Tank Index Report. [Online]. – URL: https://repository.upenn.edu/think_tanks/16/ (дата обращения: 10.03.2022).
 19. James G. McGann 2017 Global Go To Think Tank Index Report. [Online]. – URL: https://repository.upenn.edu/think_tanks/13/ (дата обращения: 10.03.2022).
 20. James G. McGann 2015 Global Go To Think Tank Index Report. [Online]. – URL: https://repository.upenn.edu/think_tanks/10/ дата обращения: 10.03.2022).
 21. Kyrgyzstan Brief Issue. – 2005. – N 1. [Online]. – URL: https://www.files.ethz.ch/isn/44559/KG_Brief_1_eng.pdf (дата обращения: 23.03.2022).

22. TTCSP Global Go To Think Tank Index Reports. [Online]. – URL: https://repository.upenn.edu/think_tanks/ (дата обращения: 20.02.2022).
23. Welcome to the Institute For Regional Studies // IFRS. – URL: <http://ifrskg.synthesia.com> (дата обращения: 25.03.2022).

АСАТРЯН Г.Э.* КЛАНЫ «ТАЛИБАНА» И АФГАНИСТАН

Аннотация. Сегодня Афганистан несколько выпал из международной повестки, однако события там развиваются достаточно динамично. Уже полгода «Талибан» (организация запрещена на территории РФ) безраздельно правит Афганистаном. Молниеносная победа радикального движения изменила региональный баланс сил, сменила приоритеты мировых и региональных игроков, трансформировала политический вектор международных отношений в регионе. Несколько кланов «Талибана» находятся в латентном противостоянии друг с другом, что может быть чревато дестабилизацией внутри движения и ситуации в стране в среднесрочной перспективе. Данное исследование выдвигает гипотезу о возможном возникновении в рамках «Талибана» двух противоборствующих кланов, которые будут бороться за власть над Афганистаном и движением.

Ключевые слова: Афганистан; международные отношения; «Талибан»; Центральная Азия; США; терроризм.

ASATRYAN G.E. Taliban Clans and Afghanistan

Abstract. Today, Afghanistan has somewhat dropped out of the international agenda, but events there are developing quite dynamically. For six months, the Taliban has been ruling Afghanistan undividedly. The swift victory of the radical movement changed the regional balance of power, changed the priorities of the world and regional players, and transformed the region's political vector of international relations. Several Taliban clans are in a latent confrontation with each other, which may be fraught with destabilization within the movement and the

* Асатрян Георгий Эминович – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН, доцент МГУ им. М.В. Ломоносова.

country's situation in the mid-term. This study hypothesizes the possible emergence of two opposing clans within the Taliban that will fight for power over Afghanistan and the movement.

Keywords: afghanistan; international relations; Central Asia; USA; terrorism.

Для цитирования: Асатрян Г.Э. Кланы «Талибана» и Афганистан // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 3. – С. 78–86. DOI: 10.31249/rva/2022.03.05

В ходе весеннее-летнего наступления 2021 г. талибы показали себя в качестве целостного военно-политического организма. Движение управлялось из единого командного центра, а его подразделения были дисциплинированы, квалифицированы и слушались приказов центрального руководства. Накануне входа в Кабул талибы произвели инфильтрацию своих сторонников в афганскую столицу, чем усилили свое присутствие в городе, который исторически их не принимал. Наступление на южном и восточном направлениях, а также действия талибских групп на севере показали наличие подготовленного и обдуманного плана. Военные акции с применением технологий террористических диверсий и действий малых мобильных групп не позволили афганской армии и полиции организовать успешное сопротивление. Спустя время становится очевидным, что талибы действительно продемонстрировали способность к действию в качестве единого военно-политического инструмента.

Данное обстоятельство не стало откровением. История мировых конфликтов знает подобные примеры, когда повстанческие группировки инсургентов в критический момент проявляли способность к мобилизации сил и ресурсов. Теоретически подобная практика возможна лишь тогда, когда за подобными группировками стоит актор международных отношений, в большинстве случаев национальное государство [8]. Чаще всего подобными акторами выступали великие державы, в данном случае можно говорить о региональном игроке, обладающем ресурсами и практиками к патронажу инсургентами, – Исламской Республике Пакистан, в частности ее Межведомственной разведке (ISI). Стоит упомянуть, что спустя несколько суток после входа в Кабул талибских лидеров

навестила делегация ISI во главе с руководителем данного ведомства Фаизом Хамедом. После этого подобные визиты стали обыденностью, а открытые контакты представителей пакистанских силовых структур в Кабуле и иных афганских городах превратились в рутину.

Таким образом, не станет большим открытием утверждение о том, что военно-политический успех талибов в ходе взятия Кабула был, по всей видимости, связан с всеобъемлющей помощью и поддержкой пакистанских военных (представители дипломатических и научных кругов Исламабада в частных беседах по-прежнему отрицают этот факт). История существования повстанческих группировок знает редкие случаи их успеха в завоевании власти, но куда реже встречаются случаи последующего успешного и долгого управления государством. Дело в том, что после победы над противником исчезает то, что теоретически необходимо для единого существования любой повстанческой структуры, – общий и серьезный враг. На сегодняшний день талибы установили плотный контроль над всеми провинциями Афганистана. Их власть практически не имеет серьезных альтернатив. В стране нет ни одной оппозиционной силы, которая могла бы бросить осуждающий вызов талибам.

Несмотря на определенную активность боевиков ИГИЛ (организация запрещена в РФ) и других террористических групп, у них недостаточно ресурсов для противостояния талибам [4]. С точки зрения обладания военными, политическими и даже экономическими ресурсами талибы не имеют противников, способных расшатать их позиции. Одновременно с этим существенных изменений в радикальной идеологии талибов не произошло. Это по-прежнему террористическая организация, которая к тому же захватила власть над государством – членом ООН. За пределами и внутри Афганистана уже создано более 10 оппозиционных группировок, партий и объединений. Фронт за свободу Афганистана, Национальный фронт освобождения Афганистана, Фронт сопротивления, а в Турции действует Высший совет национального сопротивления во главе с влиятельными полевыми командирами и губернаторами. В действительности подобные группировки действуют крайне вяло и, по всей видимости, не обладают реальными ресурсами, компетентностью и базой поддержки. Однако, во-пер-

вых, мы имеем дело с политическим процессом, который имеет тенденцию к изменениям. Во-вторых, подобные конфликты исторически связаны с волей и меняющейся политикой мировых и региональных игроков. Как писал теоретик международных отношений и один из создателей конструктивистской теории Александр Вентц: «Анархия – это то, что из нее делают государства» [9, р. 397].

Это отнюдь не означает, что в ближайшей и среднесрочной перспективе существуют предпосылки к изменению политического вектора в мировых столицах. Мировые лидеры – США и Китай – не показывают реальных признаков, которые можно было бы трактовать как ужесточение позиции по отношению к талибам. Напротив, у Пекина заметны попытки договориться с новыми хозяевами Афганистана в целях защиты своих экономических и инфраструктурных проектов. Стоит также упомянуть фактически союзные отношения Пекина и Исламабада [2; 3; 6]. С точки зрения автора статьи, формат этих отношений можно рассматривать в рамках классической теории дихотомии патрон – клиент [7]. В своей политике на данном направлении Китай, по всей вероятности, опирается на Пакистан, который обладает куда более серьезными знаниями афганских реалий. Однако отнюдь не Китай является главным актором международных отношений и тем более мастером проектов по поддержке повстанческих движений. Китайское могущество, по крайней мере пока и, по всей видимости, в обозримом будущем, будет лежать в экономической плоскости.

США, наиболее могущественный актор международных отношений, превосходящий по своей совокупной мощи все остальных, наиболее интересный игрок в афганской истории [1]. Очевидно, Вашингтон желал бы забыть об Афганистане и заняться другими проблемами, которые имеют стратегический характер. В первую очередь речь может идти о сдерживании роста влияния Китая. В этих целях необходима система мероприятий по созданию сети новых союзов, которые будут менее аморфны и жестко интегрированы. Данные процессы имеют характер глубоких геоэкономических и геополитических вопросов, которым США хотели бы отдать все силы и ресурсы. Однако уникальная и, пожалуй, единственная в своем роде способность к конструированию социальной реальности в мировой политике оставляет за Вашингтоном

возможность изменить афганскую политику тогда, когда ему это будет нужно. Кроме того, коллективный Запад во главе с США имеет исторические конкурентные преимущества по конструированию социальной реальности вокруг Афганистана [5].

Региональные акторы не проявляют ощутимого интереса к афганской политике и не стремятся изменить действующий расклад сил. Во-первых, каждый из них оглядывается на своих союзников или партнеров из «высшей лиги». Во-вторых, интерес к афганской политике снизился повсеместно. И, в-третьих, действительно глубокие изменения вектора событий в мировой политике, в том числе вокруг Афганистана, скорее всего, могут создать только великие державы [10]. Возможно, это не совсем так, однако по событиям последних месяцев в мировой политике мы видим, что региональные державы существенно уступают своим великим визави. Индия, опасаясь угрозы распространения джихадистских сил, хотела бы ослабления Пакистана в Южной Азии и на Среднем Востоке. Однако есть основания полагать, что Нью-Дели будет избегать резких акций, что отвечало бы национальным интересам южноазиатского гегемона. Россия, вероятно, достаточно надолго выпала из большой политики в регионе и, несмотря на ядерный потенциал, возможно, и из числа региональных держав на Востоке. Санкции, которые вряд ли имеют аналог в истории, могут серьезно препятствовать ее развитию, что непременно скажется на влиянии Москвы в южной части Евразийского континента. Вероятно, игра вокруг афганской проблемы станет для России роскошью в текущих условиях.

Страны Центральной Азии также пострадают от упадка российской экономики и, можно предположить, будут более осторожны в своих действиях. В Узбекистане есть уверенность в правильности вектора по латентной поддержке правительства талибов. Кажется, что этот курс так или иначе будет продолжен. Таджикистан крайне озабочен усилением талибов, но, не имея соответствующей поддержки, вряд ли будет обострять ситуацию. Ослабленный Иран в целом озабочен исключительно выходом из санкционного режима и уделяет мало внимания афганской проблеме. Таким образом, региональные игроки ввиду различных причин не смогут стать фактором, меняющим сложившийся баланс сил в Афганистане.

Тем не менее можно утверждать, что угрозы дестабилизации афганского государства сохраняются. Более того, они нарастают и имеют, как это ни парадоксально, совершенно иные форматы. Как было сказано выше, конкурентным и узловым преимуществом «Талибана» является наличие глубокой мотивации. Подобная практика может существовать только при наличии внешнего (или внутреннего) врага. На данный момент таковой в Афганистане нет. Талибы остались наедине с афганским обществом, с глубочайшими экономическими, социальными и политическими проблемами. По данным ООН, страна находится в условиях гуманитарной катастрофы и голода. Внешние финансовые ресурсы заморожены, и нет оснований полагать, что в скором времени талибы получат к ним доступ. Бюджет страны на протяжении последних десятилетий формировался во многом за счет иностранной финансовой помощи, а экономика представляет собой несформированную и бессистемную череду средних предприятий, которые при условиях низкого внутреннего спроса могут работать исключительно за счет внешнего заказа. Экспортный потенциал по-прежнему практически отсутствует, а экономика лежит в серой зоне, значительную часть которой составляет торговля наркотиками.

Высшее руководство движения состоит в основном из представителей «старой школы». Это пожилые люди, которые провели в джихаде и подполье большую часть своей жизни. «Талибан» как институт никогда не занимался строительством экономических и государственных систем. Талибы не умеют и не знают, как выстроить мало-мальски работающие системы. Стоит добавить, что условия, в которых оказался Афганистан под властью талибов, крайне недружественные. Спустя шесть месяцев режим по-прежнему не признан ни одним из участников международной жизни. Одновременно с этим стоит подчеркнуть, что при всех сложностях талибам удастся сохранять единое командование, по крайней мере в Кабуле. Однако подобная структура ввиду вышеперечисленных факторов может претерпеть определенные трансформации.

Можно предположить, что внутри движения талибов сложились два условных клана (группы). Первый клан – восточные пуштуны, представители пуштунской племенной конфедерации – гильзаев и союза свободных, воинственных племен задран. Дан-

ный клан наиболее радикален и состоит в основном из экстремистов, ответственных за большинство терактов в афганской столице за последние 20 лет. Наиболее радикальное крыло «Талибана» – «Сеть Хаккани» – является интегральной частью этого клана, а лидером группы выступает Сираджуддин Хаккани. Другой лидер – сын основателя «Талибана» мулла Якуб. Во многом эта группа состоит из представителей «Большой Пактии», т.е. восточных провинций Афганистана. Союз между гильзаями и задраном носит на удивление устойчивый характер, однако данная тенденция не может считаться незыблемой. Возможно, данный клан претерпит дробление по племенной линии: «Сеть Хаккани» (задран) и сторонники муллы Якуба (гильзай). Данный клан находится под плотной опекой со стороны пакистанских военных и ISI. В отдельных случаях можно говорить о прямой агентуре или специалистах из Равалпинди. Печально известную акцию по чествованию семьей террористов-смертников¹ проводили именно лидеры «Сети Хаккани».

Второй клан составляют южные пуштуны из племенной конфедерации дуранни. Данная группа состоит из представителей так называемого Большого Кандагара – крупнейших провинций Гильменд и Кандагар. Многие представители данного класса были задействованы в переговорном процессе и лучше остальных интегрированы в международные отношения, которые имели представители талибов. Это условная «Дохийская группа» умеренных талибов во главе с муллой Барадаром. Лидеры данного клана в целом настроены на реформы, диалог и встраивание в систему международных отношений. Клан всячески стремился сохранить отдельные достижения Исламской Республики Афганистан, выступал против полного уничтожения инфраструктуры политической системы и не был так категоричен даже в отношении флага ИРА. Выходцы из этого клана в основном возглавляют гуманитарные и экономические министерства. Их связи с Пакистаном и с его

¹ После атаки террористов-смертников на отель «Интерконтиненталь» в 2018 г. полевой командир, министр внутренних дел Талибана Сираджуддин Хаккани провел чествование семей террористов-смертников; им были вручены наделы земли и крупные суммы денег. – *Прим. ред.* См.: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/taliban-praise-suicide-bombers-offer-families-cash-land-2021-10-20/> (дата обращения: 19.04.2022).

разведывательной службой имеют достаточно прочный, но противоречивый характер. Вторая группа представляет собой радикалов, сторонников Эмирата и возвращения к практикам 1990-х годов. Они возглавляют в основном силовые ведомства.

Таким образом, инсургенты, умеющие только одно – вести диверсионно-террористическую войну, оказались наедине с разрушенной экономикой и многомиллионным населением, которое находится на грани голода и гуманитарной катастрофы. В подобных условиях любая система обречена на саморазрушение, растут внутренние противоречия. Все это происходит на фоне снижающегося экономического и ресурсного потенциала, которые лишь отчасти могут перекрыть внешние спонсоры. Участились случаи, которые можно трактовать как присутствие некоего конфликтного потенциала с патроном. Так, СМИ сообщали о столкновениях между талибами и пакистанскими силовиками, а также о некоторых случаях нападения афганцев на талибских лидеров в провинциях.

Данные факторы ведут к узловой точке, способной вызвать дестабилизацию в среднесрочной перспективе, – конфликту внутри движения. На данный момент фактически можно говорить о наличии двух сложившихся противоборствующих группировок. Конфликт между ними носит мягкий, весьма латентный характер и сопровождается перманентными контактами, связями и общением. Некоторые назвали бы данную систему отношений не конфликтом, а соперничеством, но стоит учитывать весьма шаткую государственную систему, в которой подобные конфликты могут с легкостью перейти в военное противостояние. Афганские условия не предполагают институционализацию, систему сдержек и противовесов, а в условиях снижения ресурсной базы, экономического кризиса и увеличения протестных настроений среди населения конфликт становится вероятным сценарием.

Список литературы

1. Borgwardt E., Nichols Ch., Preston A. Rethinking American Grand Strategy. – New York : Oxford University Press, 2021. – 501 p.
2. Khan H.-R. Pakistan Relations with the People's Republic of China // Pakistan Horizon. – 1961. – Vol. 14, N 3. – P. 212–232.

3. Khan M.M., Kasi M. Pakistan-China Relations: Developments in Economic and Security Areas in the 21st Century // *Strategic Studies*. – 2017. – Vol. 37, N 3. – P. 55–74.
4. Krause D. How Transnational is «Transnational»? Foreign Fighter Recruitment and Transnational Operations among Affiliates of al-Qaeda and the Islamic State // *Perspectives on Terrorism*. – 2022. – Vol. 16, N 1. – P. 23–37.
5. Manchanda N. *Imagining Afghanistan*. – Cambridge : Cambridge University Press, 2020. – 265 p.
6. Rakisits C. Pakistan-China Bilateral Relations 2001–2011: A Deepening but Cautious Partnership // *Security Challenges*. – 2012. – Vol. 8, N 3. – P. 83–102.
7. Scott J.C. Patron-Client Politics and Political Change in Southeast Asia // *The American Political Science Review*. – 1972. – Vol. 66 (1). – P. 91–113.
8. *The Routledge Handbook of Terrorism Research* / Schmid A. (Ed.). – London : Routledge, 2011. – 736 p.
9. Wendt A. Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politics // *International Organization*. – 1992. – Vol. 46, N 2. – P. 391–425.
10. Wendt A. Constructing International Politics // *International Security*. – 1995. – Vol. 20, N 1. – P. 71–81.

ЮЖНАЯ, ЮГО-ВОСТОЧНАЯ И ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

МИХЕЛЬ И.В.* ЭПИДЕМИИ И ИСТОРИЯ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ
В ИНДИИ

Аннотация. Индия с ее влажным тропическим климатом и многочисленным населением на Западе традиционно считалась страной с непростой эпидемиологической ситуацией. Британская колонизация Индии привела к появлению в этой стране колониальной системы здравоохранения, ориентированной на защиту здоровья британцев в этой стране. После обретения независимости индийское правительство попыталось адаптировать эту систему к нуждам собственного населения. Опыт борьбы с эпидемиями оспы и полиомиелита во второй половине XX в. показывает, что возможности применения этой системы в течение нескольких десятилетий были ограничены, а население с некоторым недоверием относилось к медицинским работникам, занятым охраной его здоровья. Лишь в самое последнее время Индия смогла вывести свою национальную систему здравоохранения на новый уровень, примером чего являются успехи в ликвидации полиомиелита в 2011 г. и первые обнадеживающие сведения, касающиеся массовой вакцинации против коронавирусной инфекции.

Ключевые слова: Индия; климат; инфекции; британская колонизация; независимость; охрана здоровья; холера; чума; оспа; полиомиелит.

MIKHEL I.V. Epidemics and the History of Health Care in India

* Михель Ирина Владимировна – кандидат философских наук, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, старший научный сотрудник отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

Abstract. India, with its humid tropical climate and huge population in the West, has traditionally been considered a country with a difficult epidemiological situation. The British colonization of India led to the emergence of a colonial healthcare system in this country, focused on protecting the health of the British. After independence, the Indian government tried to adapt this system to the needs of its own population. Experience in combating smallpox and poliomyelitis epidemics in the second half of the 20th century shows that the possibilities of using this system for several decades were limited, and the population was somewhat distrustful of the medical workers involved in protecting their health. It is only very recently that India has been able to take its national health system to the next level, as exemplified by the success in eradicating polio in 2011 and the first encouraging news regarding mass vaccination against coronavirus infection.

Keywords: India; climate; infections; British colonization; independence; health protection; cholera; plague; smallpox; polio.

Для цитирования: Михель И.В. Эпидемии и история охраны здоровья в Индии // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 3. – С. 87–100. DOI: 10.31249/RVA/2022.03.06

После открытия Морского пути в Индию европейцы стали вести выгодную для себя торговлю с прибрежными районами огромной страны. Однако проникнуть вглубь ее территории они не могли, ибо она встречала их суровым тропическим климатом и десятками опасных болезней, против которых их иммунитет был бессилён. Однако в XIX в., когда все побережье Индии оказалось в руках британцев, многое изменилось. У британских врачей появилось надежное средство от «малярийной лихорадки» – хинин, которое впервые позволило им чувствовать себя в этой стране как дома. В результате последующей колонизации британцы полностью стали контролировать всю территорию Индии, но при этом отчаянно страдали от многих болезней, которые, по их мнению, таились не только в окружающей среде, но и в самих телах индийцев. Для того чтобы выжить в новой враждебной среде и увековечить свою имперскую гегемонию, британцам пришлось создать систему колониального здравоохранения, призванную защищать их здоровье от непрекращающихся эпидемий. После обретения

независимости Индии пришлось перестроить эту систему в соответствии с собственными интересами. Первоочередной задачей нового индийского здравоохранения осталась борьба с эпидемиями инфекционных болезней.

Эпидемии в Индии и британское колониальное здравоохранение

Британцы начали закрепляться в Индии уже в середине XVIII в., но большая часть этой страны еще долго оставалась для них недоступной. Следуя традициям западной гуморальной медицины, британские доктора полагали, что воды, воздух и земля Индии полны опасностей и рождают пагубные лихорадки. Чтобы сохранить возможность торговать с Индией и вывозить из нее богатства, британские колонизаторы предпочитали размещаться на побережье и в охраняемых кварталах индийских городов. Свои войска они также размещали в хорошо укрепленных и безопасных казармах, не допуская опасных контактов между военными и туземным населением. Все силы британской медицины при этом были брошены на так называемую «акклиматизацию» к индийским тропикам [7].

В 1817 г. британцы в Индии впервые столкнулись с холерой. Они ошибочно приняли ее за болезнь, которая хорошо известна индийцам, и посчитали, что те к ней хорошо приспособлены. Однако холера была опасна для всех – и для европейцев, и для местного населения. Как показывают современные исследования, до прихода британцев холерные вибрионы почти не присутствовали в дельте Ганга и встречались в основном в морской воде хорошо прогреваемого солнцем Бенгальского залива, не обладая повышенной вирулентностью. Большинство индийцев до прихода британцев в Бенгалию вели полукочевой образ жизни и с холерными вибрионами практически не встречались. Однако после своего появления в этих местах британцы ввели здесь новые порядки, потребовав от индийцев постоянно оставаться на одних и тех же местах и выплачивать налоги за аренду земли. Произошло фактическое закрепление полукочевого населения, которое и стало роковым для всего мира. Продолжая оставаться на низменных землях дельты Ганга теперь и в летние месяцы, индийские крестья-

яне, наконец, вступили в длительный контакт с холерными вибрионами. Этот контакт привел к тому, что часть вибрионов сумела найти доступ в их организмы и обосновалась в них как в своих новых биологических носителях. Далее произошла закономерная генетическая мутация, вызванная сменой носителя, и холера впервые превратилась из болезни веслоногих морских рачков в холеру людей. Разумеется, никто из ученых и докторов той эпохи не имел никакого представления об этом трансмиссивном процессе. Исторические же факты свидетельствуют о том, что начиная с указанного времени вспышки холеры стали регулярно встречаться сначала в низовьях Ганга, а далее все выше по его течению, и наконец – по всей стране. Фактически уже в начале 1820-х годов холера стала эндемичной для Индии [2].

Британская медицинская наука первой половины XIX в. во многом еще продолжала придерживаться идей Гиппократата, поэтому британские доктора связывали холеру с особенностями индийского климата. К середине века многие из них усвоили идеи общественной гигиены, которая делала акцент на воздушном способе передачи болезни посредством так называемых «миазмов» – зловонных запахов. О водном способе передачи этой болезни никто в мире не помышлял вплоть до конца 1860-х годов. Причем впервые идея водного распространения холеры пришла в голову лондонскому санитарному врачу Джону Сноу. Однако применительно к самой Индии идея водного распространения болезни не принималась в расчет и после этого времени. Между тем отношение к холере во всем мире уже давно изменилось. После ужасов начала 1830-х годов большинство европейских стран не готовы были мириться с беспрепятственным распространением холеры из Индии в Европу. Во время Константинопольской международной конференции по санитарии 1866 г. все делегаты высказались за скорейшее введение жесткого карантина во всех портах, связывающих Бомбей с Европой [9].

Невзирая на призывы Франции, Турции и других стран, Великобритания так и не ввела карантин в морских портах Индии, оставаясь верной своему традиционному идеалу свободной торговли. Более того, идеи Сноу о водном способе передаче холеры не признавались британскими колониальными медиками как слишком дерзкие и несвоевременные. Не были приняты ко внима-

нию и идеи одного из отцов микробиологии Роберта Коха, который в начале 1880-х годов указал на холерный вибрион как главную причину распространения холеры. В общем, ничего не было сделано для того, чтобы изменить эпидемиологическую ситуацию с холерой в самой Индии [8].

В 1870-е годы Великобритания начала проводить в Индии административную реформу, но никаких средств не было выделено ни на создание надежных водопроводных сетей, ни на организацию хорошо оснащенной сети медицинских учреждений. Получая баснословные прибыли из Индии, в самой Индии британцы экономили на всем. Однако если по отношению к холере они проявили полное пренебрежение, то, напротив, в отношении борьбы с оспой проявили большую активность. Опираясь на сложившийся опыт иммунизации от оспы в собственной стране, британцы попытались навязать оспопрививание и населению Индии. По иронии именно эта мера вызвала страстное сопротивление индийцев, для которых болезнь была божеством, которому с давних пор поклонялись. Индийцы не позволяли вакцинировать своих детей и вообще всячески саботировали кампании по вакцинации. Впрочем, в тюрьмах и школах, где вакцинация была принудительной, результат превзошел все ожидания. В больших городах вследствие этой меры смертность от оспы сократилась в два раза [4].

Если малярию и оспу в Индии британцам удавалось в той или иной степени держать под контролем, а холеру они долгое время попросту игнорировали, то эпидемия чумы, случившаяся в Индии в 1896 г., вызвала у них шок. В европейском сознании бубонная чума была апофеозом ужаса, поэтому против нее были приняты традиционные меры – карантин, досмотр подозрительных, госпитализация. В Бомбей, где произошла самая крупная вспышка чумы, вскоре приехала целая группа бактериологов из Франции, России, Германии, Японии и других стран, работа которых происходила в полном сотрудничестве с колониальной администрацией. Британские власти в Индии старались тщательно исполнять рекомендации ученых, но в большинстве случаев, похоже, перегнули палку. Жесткие меры борьбы с чумой вызывали недовольство индийского населения, которое в ряде случаев переросло в открытое неповиновение. В некоторых городах, таких, например, как Пуна, десятки тысяч жителей попросту бежали от представи-

телей британских санитарно-медицинских служб, лишь бы их не направляли в больницу. Как бы то ни было, но ситуация действительно была тяжелой и жертвами чумы в Индии стало большое число людей. Специалисты все еще расходятся в оценках числа умерших от этой эпидемии. Вполне реалистичной может быть названа цифра в 10 млн человек, которая охватывает всех, кто умер в период с 1896 по 1914 г. в этой стране – от чумы и случившегося тогда же голода [6; 12; 16].

Вообще, невозможно однозначно сказать о том, готовы ли были британцы предложить индийскому населению имеющуюся в их распоряжении систему здравоохранения, которая создавалась для их собственных нужд. Складывается впечатление, что они временами игнорировали запросы индийцев на медицинскую помощь. Однако и индийцы в массе не были готовы к сотрудничеству с колонизаторами, рассматривая их медицину как еще один инструмент британской гегемонии в их стране. По мысли Д. Арнольда, британцы не могли управлять огромным индийским населением так, как они это делали у себя дома [3].

Эпидемии и здравоохранение Индии в период борьбы за независимость

На протяжении длительного периода британское господство в Индии не встречало никакого сопротивления. Для индийцев британцы были подобны богам, а их страна была образцом цивилизованности и научного прогресса. Военно-техническое превосходство британцев было еще более впечатляющим. Однако в самом конце XIX в. в сознании индийской общественности начались перемены. Многие индийцы стремились получить хорошее образование в Европе и сделать карьеру на гражданской службе.

На рубеже XIX и XX вв. в Индии уже появились первые партии – такие, например, как Индийский национальный конгресс (ИНК), – которые все более активно выступали за участие индийцев в общественно-политической жизни. На этой волне сформировалось целое поколение выдающихся индийских общественных деятелей, которые повели всю страну к борьбе за свободу от британского колониализма: Вивекананда, Баннерджи, Ганди, Тагор, Джинна, Неру [1].

В 1914 г. Великобритания вступила в Первую мировую войну, призвав на военную службу большое число индийцев. Население Индии осознало собственную значимость в жизни Британской империи. Многие были уверены в том, что в награду за эти жертвы Индия по окончании войны получит независимость, по крайней мере в той форме, как Канада и Австралия. Но этого не произошло, и Индия так и осталась колонией. В связи с этим в стране постепенно начались волнения, вылившиеся в антибританские выступления. Они носили мирный характер, но были безжалостно подавлены британцами. Символом этой жестокости стал массовый расстрел в Амритсаре в 1919 г.

Окончание Первой мировой войны вызвало еще одну трагедию, повлекшую за собой огромные человеческие жертвы. Это был «испанский грипп», занесенный в страну после войны. «Испанка» проникла в Индию вместе с небольшой группой военнослужащих, возвращавшихся с фронта в начале лета 1918 г. Они прибыли в Индию морем через Бомбей и Карачи и далее по железным дорогам направились в Пенджаб, Раджпутану и другие места. Вспыхнувшим после этого там первым эпидемиям гриппа никто не придавал значение. Вторая волна гриппа разошлась по всей Индии в июле. Она и вызвала настоящий шок. В Бенгалии, Центральных и Северных провинциях, Пенджабе от гриппа стали умирать сотни, затем тысячи и миллионы людей. По некоторым оценкам, к декабрю 1918 г. в Индии от «испанки» умерло не менее 12–13 млн человек, а по более свежим оценкам – более 18 млн человек. В одном только Бомбее за этот период скончались более 1 млн человек. Причем в большинстве жертвами становились не дети и не старики, а молодые мужчины и женщины от 20 до 40 лет. Как следствие этого, рождаемость в Индии сократилась на 30%, чего никогда не было в истории страны [13; 14].

Анализируя причины высокой смертности от «испанки» в Индии, историки выделяют несколько обстоятельств. Во-первых, индийское население, как индусы, так и мусульмане, не получали никакой помощи от британских врачей; к тому же, этих врачей в Индии вообще было мало, поскольку в большинстве своем они были направлены на фронт. Во-вторых, беспрецедентные по количеству реквизиции продовольствия, которые проводились в стране для снабжения самой Британии и ее армии, вызвали в стране го-

лод. В-третьих, вирус, прибывший в Индию в сравнительно безобидной форме, там быстро мутировал и стал крайне вирулентным. В-четвертых, медицинская наука этой эпохи еще не имела представлений о вирусах, и врачи воспринимали грипп как бактериальное заболевание, поэтому предлагаемые меры лечения были неадекватными. Все это и привело к трагедии.

Господствующим настроением в индийском обществе после Первой мировой войны стало разочарование в британцах. Их военно-техническое преимущество перестало быть очевидным. Их здравоохранение оказывалось неэффективным и не оказывало никакой помощи коренным индийцам. Все большее число индийцев пытались проявить себя на службе своей стране. Они шли в администрацию, науку, образование, здравоохранение. Всего за два последующих десятилетия количество коренных индийцев не только догнало, но и по многим показателям превысило число британцев в составе всех социально значимых служб и учреждений в стране. Колониальная система здравоохранения в значительной степени стала учитывать потребности коренного населения. Иначе говоря, еще до объявления Индии независимой в августе 1947 г. эта система начала служить индийскому народу.

Политика охраны здоровья в Индии после 1947 г.

Ни в первые годы независимости, ни спустя 50 лет Индия не смогла справиться с бедностью и малограмотностью своего населения. Последние два обстоятельства в значительной степени способствовали неограниченному росту рождаемости и повсеместной антисанитарии. После ухода британцев из Индии численность населения страны составляла около 400 млн человек, а к концу XX в. она достигла 1 млрд человек.

Спустя 10 лет после смерти Неру его дочь Индира Ганди предприняла попытки решить проблему бедности радикальным способом. В больших городах начали ликвидировать трущобы, выбрасывая населяющих их бедняков на улицу и вынуждая искать новые места для жизни. Эта мера вызвала волну возмущений политикой правительства Ганди и привела к утрате доверия со стороны малообеспеченных индийцев к ИНК Неру – Ганди. Характерно, что на более планомерный и эффективный способ борьбы с

бедностью, малограмотностью и их спутниками – неконтролируемой рождаемостью и антисанитарией – индийские власти оказались надолго не способны. Имеющиеся в их руках инструменты оказались крайне бюрократизированы, проводимая же социальная политика все чаще была непродуманной и сопровождалась элементами откровенного насилия.

Неудержимый демографический рост во второй половине XX в. превратил индийские города в подлинные центры социального неблагополучия. Попытки индийского правительства обеспечить население работой, доходом, качественным образованием и медицинской помощью столкнулись с суровыми реалиями индийской жизни – нехваткой ресурсов для решения этих задач и неготовностью населения к поддержке многих правительственных решений. Перенаселенность растущих городов, скученность, нехватка жилья, воды и других жизненно важных ресурсов стали неустрашимым основанием той сложной санитарно-эпидемиологической ситуации, которая характерна для Индии на протяжении вот уже многих лет.

С самого начала образования Индийской республики власти страны попытались выстроить общенациональную систему государственной медицинской помощи, но эти усилия столкнулись с нехваткой квалифицированных врачебных кадров, дефицитом медицинских ресурсов, а также недоверием значительной части населения к созданной по западному образцу системе. При этом индийские власти с самого начала отказались использовать потенциал традиционных медицинских систем Индии, таких, как Аюрведа, Унани, Сиддха и индийская натуропатия, видя в них досадные пережитки прошлого, от которых необходимо избавиться. Лишь в последней четверти XX в. это отрицательное отношение сменилось на более конструктивное и созданная при Неру национальная система здравоохранения была перестроена. Выражением этого стало создание в 1976 г. Министерства здравоохранения и поддержки семьи, в состав которого наряду с Департаментом здравоохранения и Департаментом семейного благосостояния был также включен Департамент Аюрведы, йоги, натуропатии, Унани, Сиддха и гомеопатии. Так была создана интегративная по своей сути система, соединившая в себе достижения западной научной медицины и национальных индийских медицинских традиций.

Параллельно с этим были расширены возможности предоставления населению первичной медико-санитарной помощи, и значительно большее количество людей получили доступ к врачам и традиционным лекарям, причем большинство сельских жителей в основном так и остались не охваченными врачебной помощью [15].

На этом фоне удручающе выглядела ситуация с профилактикой инфекционных заболеваний в стране с периода обретения Независимости и до середины 1970-х годов. Неспособность властей осуществить такую профилактическую меру, как вакцинация против оспы, привела к тому, что в 1974 г. в стране вспыхнула крупнейшая в истории эпидемия оспы. Причем она произошла на фоне начатой ВОЗ всемирной кампании по ликвидации оспы. Эпицентрами индийской эпидемии оспы стали штаты Бихар, Орисса и Западная Бенгалия. За первые пять месяцев года там заразились и умерли от оспы 15 тыс. человек. Те, кто выжил, получили серьезные осложнения, включая слепоту. Общее количество заболевших перевалило за 61 тыс. человек. Предпринимавшиеся к этому времени попытки проведения массовой вакцинации не везде встречали поддержку населения. Во многих сельских районах страны родители скрывали своих детей от бригад, занимавшихся вакцинацией. В январе 1975 г. после долгих переговоров с ВОЗ правительство Индии согласовало порядок работы международных групп врачей и вакцинаторов на территории Индии. Во всех охваченных эпидемией регионах была проведена эпидемиологическая разведка и выявлены все подозрительные случаи. Всему населению были сделаны прививки, причем имевшиеся случаи отказа от вакцинации были проанализированы и быстро исправлены. Важную роль в этом сыграли опытные переговорщики и консультанты со знанием языка. Уже к осени 1975 г. кампания по вакцинации населения и полному ликвидации оспы в Индии была завершена [5].

Не менее драматичной для Индии стала и кампания по ликвидации полиомиелита. В 1961 г. вслед за другими странами индийское правительство заявило о своей готовности приступить к борьбе с этим массовым заболеванием. В 1966 г. в Коноре, штат Тамил Наду, был открыт завод по производству для Индии оральной полиовакцины, но из-за финансовых проблем он был закрыт в 1974 г. Для производства необходимого количества вакцин далее

было решено открыть аналогичный завод в Бомбее. В результате отсутствия достаточного количества вакцины национальная программа иммунизации против полиомиелита была начата лишь в 1979 г. Однако, как показали последующие события, уже к 1984 г. эта программа захлебнулась. Причинами ее неудачи стали проблемы административно-организационного характера и недостаток средств. Кроме того, проведению вакцинации на северо-западе страны помешала политическая нестабильность, вызванная сложными индо-пакистанскими отношениями, тогда как на северо-востоке ей мешали несогласованность действий между центральным правительством и местной бюрократией, а также враждебность населения к принимаемой мере. Между тем уровень заболеваемости полиомиелитом в начале 1980-х годов в Индии был самым большим в мире – более 200 тыс. случаев ежегодно, или более 500 в сутки. В 1985 г., учитывая проблемы с иммунизацией в Индии, международная неправительственная организация Ротари Интернэшнл, подпитываемая крупными американскими фондами, запустила собственную программу ликвидации полиомиелита во всем мире. Первым регионом, где Фонд Ротари приступил к ликвидации этой болезни, стала Латинская Америка. Индия решила сотрудничать с Ротари позднее, и поэтому планы по ликвидации полиомиелита в стране были отложены на более поздний срок. Одной из причин этого были сложные политические отношения Индии с Западом, в особенности с США, которые в Южной Азии традиционно поддерживали Пакистан – стратегического противника Индии. Между тем провозглашенный еще в 1991 г. курс на либерализацию экономики стал началом постепенного сближения Индии с США и остальным западным миром. В самом начале 2000-х годов Индия уже была готова к получению международной помощи для ликвидации полиомиелита на своей территории. Однако даже несмотря на это среди представителей правительства, широкой общественности и в СМИ постоянно звучал вопрос: почему именно полиомиелит, а не другие проблемы? Наконец, в годы правления Манмохана Сингха – одного из последних представителей партии ИНК на высшем политическом уровне, – Индия приступила к реализации программы «Полио плюс», предполагающей предоставление западным специалистам широких полномочий в вопросах организации национальной программы иммуниза-

ции. Фактически она была запущена лишь в 2009 г. На тот момент Индия все еще оставалась мировым лидером по уровню заболеваемости полиомиелитом. Однако уже в 2011 г., согласно официальным отчетам, все дети в страны получили оральную полиовакцину, и случаи полиомиелита перестали регистрироваться. Остается только отметить, что проведенная кампания действительно была организована эффективно, и ожидаемый результат был получен во многом благодаря решению сложнейшей организационной задачи – быстрой по срокам иммунизации миллионов детей в возрасте до 5 лет. Важно также подчеркнуть самоотверженность огромного числа работников первичного медико-санитарного звена системы здравоохранения, которые смогли дойти до каждого дома и до каждого ребенка. Опыт с приписками и саботажем поставленной задачи, имевший место в прошлые десятилетия, был учтен и прежние ошибки были исправлены [5; 10; 11].

Опыт борьбы с полиомиелитом для Индии показал важность трех вещей. Во-первых – наличия достаточного количества медицинских ресурсов для осуществления масштабных проектов в области здравоохранения, связанных с профилактикой эпидемией опасных инфекций. Во-вторых – четкого планирования и быстрого осуществления принятых решений, что позволяет охватить профилактическими мерами огромное количество людей и препятствует тому, чтобы формировался фонд свободных патологических агентов, в частности вирусов, которые имели бы возможность «пережить» вакцинацию и вновь вернуться в популяцию. В-третьих – привлечения обладающих достаточным опытом экспертов, способных предложить эффективные управленческие решения.

Понимание того факта, что для многомиллионной Индии необходима собственная производственная база для обеспечения страны эффективными медицинскими препаратами, вылилось в то, что на исходе XX в. в Индии была проведена огромная работа по созданию собственной фарминдустрии. Страна, создавшая собственное ядерное оружие, запустившая в космос спутник и нашедшая средства для создания гигантской IT-индустрии, справилась и с этой задачей. В Индии появилась собственная Большая фарма, способная создавать практически любые лекарства и вакцины.

Наряду с этим на рубеже двух веков Индия вышла на качественно новый уровень развития здравоохранения. Либерализация сектора здравоохранения позволила не только превратить Индию в центр мирового медицинского туризма, но и привлечь в сферу профессиональной медицины огромное количество работников, составивших целую армию, стоящую на страже здоровья общества.

Наконец, опыт международного сотрудничества Индии в сфере охраны здоровья, в особенно в рамках кампаний по ликвидации оспы и полиомиелита, многому научил индийскую политическую элиту и медицинский истеблишмент. В Индии появилось целое поколение опытных и эффективных администраторов в сфере здравоохранения, способных решать сложнейшие задачи в этой области. Хорошим примером этого является недавняя ситуация с пандемией COVID-19. Оказавшись одной из главных жертв пандемии – к концу 2021 г. по числу заболевших Индия уверенно занимала 2-е место в мире после США, – Индия все же начала переламывать ситуацию. В стране была создана собственная вакцина против коронавируса и была начата одна из самых масштабных кампаний по вакцинации населения. Учет исторического опыта в этой области, похоже, происходит, ибо в самое последнее время из Индии поступают сведения о том, что реализация программы вакцинации полутора миллиардной страны идет полным ходом.

Список литературы

1. Таммита-Дельгода С. Индия. История страны. – Санкт-Петербург : Мидгард, 2010. – 352 с.
2. Шах С. Пандемия. Всемирная история смертельных вирусов. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2017. – 358 с.
3. Arnold D. Colonizing the Body : State Medicine and Epidemic Disease in Nineteenth-Century India. – Berkeley : University of California Press, 1993. – 366 p.
4. Banthia J., Dyson T. Smallpox in Nineteenth-Century India // Population and Development Review. – 1999. – Vol. 25, N 4. – P. 649–680.
5. Bhattacharya S., Dasgupta R. A Tale of Two Global Health Programs : Smallpox Eradication's Lessons for the Antipolio Campaign in India // American Journal of Public Health. – 2009. – Vol. 99, N 7. – P. 1176–1184.
6. Chandavarkar R. Plague Panic and Epidemic Politics in India, 1896–1914 // Epidemics and Ideas : Essays on the Historical Perception of Pestilence / Ranger T., Slack P. (eds.). – Cambridge : Cambridge University Press, 1992. – P. 203–240.

7. Harrison M. «The Tender Frame of Man» : Disease, Climate, and Racial Difference in India and West Indies, 1760–1860 // *Bulletin of the History of Medicine*. – 1996. – Vol. 70, N 1. – P. 68–93.
8. Harrison M. *Public Health in British India: Anglo-Indian Preventive Medicine, 1859–1914*. – Cambridge : Cambridge University Press, 1994. – 348 p.
9. Howard-Jones N. *The Scientific Background of the International Sanitary Conferences, 1851–1938*. – Geneva : World Health Organization, 1975. – 110 p.
10. Jacob John T. *Poliomyelitis in India : Prospects and Problems of Control // Reviews of Infectious Diseases*. – 1984. – Vol. 6, Suppl. 2. – P. 438–441.
11. Jacob John T., Vashishtha V.M. *Eradicating Poliomyelitis : India’s Journey from Hyperendemic to Polio-Free Status // Indian Journal of Medical Research*. – 2013. – Vol. 137, N 5. – P. 881–894.
12. Klein I. *Plague, Policy and Popular Unrest in British India // Modern Asia Studies*. – 1988. – Vol. 22, N 4. – P. 723–755.
13. Mills I.D. *The 1918–1919 Influenza Pandemic – The Indian Experience // Indian Economic and Social History Review*. – 1986. – Vol. 23, N 1. – P. 1–40.
14. Ramanna M. *Coping with the Influenza Pandemic : The Bombay Experience // The Spanish Influenza Pandemic of 1918–19 : New Perspectives / Killingray D., Phillips H. (eds.)*. – New York : Routledge, 2003. – P. 86–98.
15. Singh R. *Integrated Healthcare in India – a Conceptual Framework // Annals of Neuroscience*. – 2016. – Vol. 23, N 4. – P. 197–198.
16. Sutphen M.P. *Not What, But Where: Bubonic Plague and the Reception of Germ Theories in Hong Kong and Calcutta, 1894–1897 // Journal of the History Medicine and Allied Sciences*. – 1997. – Vol. 52, N 1. – P. 81–113.

САМСОНОВА В.Г.* О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИММИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Аннотация. Столкнувшись с демографическими проблемами и нехваткой рабочей силы, Республика Корея вынуждена все чаще прибегать к привлечению иностранных мигрантов. При этом, несмотря на позитивные аспекты – снижение издержек производства, уменьшение гендерного дисбаланса в стране, – Южная Корея столкнулась с серьезными вызовами, связанными с увеличением числа иностранцев, в том числе находящихся на нелегальном положении, и необходимостью их адаптации и интеграции в южнокорейское общество. Автор в своей статье дает оценку государственной иммиграционной политики РК, анализирует основные проблемы и противоречия, возникающие в этой сфере.

Ключевые слова: Республика Корея; нелегальные мигранты; старение населения; мультикультурные семьи; гражданство.

SAMSONOVA V.G. On Some Aspects of the Immigration Policy of the Republic of Korea

Abstract. Faced with demographic problems and labor shortages, the Republic of Korea is forced to attract foreign migrants. At the same time, despite the positive aspects: reducing production costs, declining the gender imbalance in the country, South Korea is faced serious challenges associated with an increased number of foreigners, including illegal, migration and the need for their adaptation and integration into South Korean society. The author in the article gives an assessment of

* Самсонова Виктория Георгиевна – кандидат экономических наук; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, руководитель Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.

the state immigration policy of the Republic of Korea, analyzes the main problems and contradictions that have been arising in this area.

Keywords: the Republic of Korea; illegal migrants; population aging; multicultural families; citizenship.

Для цитирования: Самсонова В.Г. О некоторых аспектах иммиграционной политики Республики Корея // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 3. – С. 101–114. DOI: 10.31249/rva/2022.03.07

Республика Корея (РК) становится все более привлекательной для миграции, и несмотря на то что ее активное вовлечение в миграционные процессы произошло сравнительно недавно, с каждым годом число мигрантов растет.

За иммиграционную политику в стране отвечает Министерство юстиции (Ministry of Justice), в структуру которого входит иммиграционная служба Республики Корея (Korea Immigration Service). Важная роль принадлежит Министерству занятости и труда – оно регулирует вопросы с трудящимися мигрантами; Министерство гендерного равенства и семьи – занимается брачными мигрантами; и др.

По данным иммиграционной службы РК, с 1997 по 2021 г. количество всех проживающих в стране иностранцев увеличилось в пять раз – с 387 тыс. [10] до 1,96 млн человек [14]. В их число входят 1,57 млн постоянных жителей и 386 тыс. человек, проживающих менее 90 дней. Китайцы составляли 43% от общего числа, далее следуют вьетнамцы, тайцы и американцы (140 тыс. человек). Однако впервые за многие годы количество иностранцев, проживающих в РК, уменьшилось по сравнению с 2019 г. практически на 16% (233 тыс. человек), что связано в первую очередь с пандемией [14]. Отметим, что за последнее время в РК из-за пандемии стало меньше граждан абсолютно всех стран. Вместе с тем сокращение оказалось неравномерным. Например, вьетнамская община уменьшилась всего на 5%: с 224,5 тыс. на конец 2019 г. до 212,4 тыс. в марте 2021 г. Меньше чем на 10% сократилась численность американцев, непальцев, пакистанцев. Примерно вдвое сократилось число граждан Тайваня (с 42 тыс. до 19 тыс.) и Австралии (с 15,2 тыс. до 7,7 тыс.) [2].

Превалирующее большинство мигрантов приезжают в РК с целью трудоустройства. Как и в большинстве принимающих стран, в РК могут быть выделены два основных направления политики привлечения иностранной рабочей силы: программа найма низкоквалифицированных иностранных рабочих и меры по привлечению высококвалифицированных специалистов, научно-исследовательских и педагогических кадров.

Правительство ежегодно определяет общее количество низкоквалифицированных иностранных рабочих, которые могут быть привлечены работодателями нескольких строго определенных отраслей производства. В качестве источника используются оговоренные контингенты работников из стран, с которыми заключены соответствующие соглашения, так же как и этнические корейцы, в основном из сопредельных стран [5].

Необходимость привлечения иностранных мигрантов объяснялась быстрым экономическим ростом РК и последовавшими за ним:

- нехваткой рабочей силы на так называемых «3D-» (dirty, difficult, dangerous) работах;
- необходимостью привлечения талантливых кадров (высококвалифицированные специалисты) для разработки передовых технологий.

По данным Национального статистического управления и Министерства юстиции РК, по состоянию на май 2021 г., в стране насчитывалось 858 тыс. иностранных рабочих. В строительном секторе их количество увеличилось на 17 тыс. человек, в сельском хозяйстве и рыболовстве – на 4 тыс. человек в годовом исчислении. Число временных иностранных рабочих и поденщиков выросло за тот же период на 27 тыс. человек. Уровень занятости среди иностранцев составил в мае 2021 г. 64,2%, что на 0,5% выше, чем в прошлом году. Число безработных иностранцев составило 54 тыс. человек, что на 21,9% меньше, чем в прошлом году [3].

Нерешенным остается вопрос с нелегальными мигрантами, число которых в 2021 г. составило 388 тыс. человек [4].

По данным иммиграционной службы РК, в первом квартале 2021 г. на нелегальное положение перешли 8079 человек, почти треть из них (2538 человек) перешли с визы E-9 для неквалифицированных рабочих, нанятых в развивающихся странах по так

называемой системе разрешения на трудоустройство (Employment Permit System, EPS). Второй по популярности для перехода в нелегалы оказалась виза G-1 (выдают соискателям статуса беженца) – 1667 человек [2].

Таблица

Количество нелегальных мигрантов в Республике Корея

Год	Количество (чел)
2018	336 000
2019	366 000
2021	388 000

Источник: KBS Radio URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&id=Dm&Seq_Code=68852 (дата обращения: 01.03.2022.).

Важную часть иммиграционной политики РК составляют меры по противодействию нелегальной иммиграции в целом и трудовой в особенности. Однако борьба с данным потоком миграции в стране идет в вялотекущем режиме, что дает основания для того, чтобы сделать вывод о незаинтересованности властей РК сокращать количество таких мигрантов ввиду нехватки дешевой рабочей силы.

Законом об иммиграционном контроле предусмотрены различные виды административного наказания за нарушение правил пребывания на территории Республики Корея, включающие в себя штрафные санкции и депортацию с последующим запретом на въезд в РК сроком до пяти лет. При этом в 2019 г. южнокорейское правительство из-за пандемии пошло на смягчение наказаний за нелегальное положение. На фоне опасений, что нелегалы не будут обращаться за тестированием и лечением из-за страха быть арестованными, власти Южной Кореи объявили, что отменяют требование к медицинскому персоналу сообщать иммиграционным властям о пациентах-мигрантах без документов.

Перед началом кризиса Министерство юстиции в декабре 2019 г. представило План сокращения числа нелегальных резидентов, чтобы побудить работников без документов добровольно покинуть страну. В соответствии с этой схемой лица, покинувшие Южную Корею до 30 июня 2020 г., будут освобождены от штрафов и запрета на въезд, а вместо этого получают возможность повторно въехать в РК по визе С-3 (однократная виза).

Основными категориями иностранных мигрантов в РК являются следующие.

1. Иностранные рабочие (зарубежные соотечественники)

В 2018 г. в 180 странах проживали 7,49 млн корейцев – на 0,85% больше, чем в 2016 г. Львиная доля приходится на Китай и США – почти 5 млн человек, в Узбекистане – 177 тыс. человек, в России – почти 170 тыс. человек, в Казахстане – 110 тыс. человек [13].

Республика Корея проводит довольно активную политику для налаживания сотрудничества с зарубежной диаспорой. И одной из мер данной диаспоральной политики является облегчение процедуры получения виз, а также расширенные права пребывания в РК по сравнению с другими иностранцами. Однако привилегии распространяются не на всех зарубежных соотечественников. Юридически этнические корейцы, въехавшие в РК, делятся на две группы: обладатели виз Н-2 (неквалифицированные рабочие корейского происхождения) и F-4 (квалифицированные зарубежные соотечественники). Главным различием между двумя группами является род деятельности [9, с. 338].

2. Иностранные неквалифицированные работники

Иностранные граждане начали приезжать в РК для работы с конца 1980-х – начала 1990-х годов по программе рабочих-стажеров. После прекращения действия программы в связи с финансовым кризисом в 1997 г. иностранные стажеры были массово депортированы. С 2000 г. программа возобновилась, а с 2004 г. была разработана программа, позволяющая нанимать иностранных рабочих, – программа EPS, которая объединила в 2007 г. все существующие до этого программы найма и обучения иностранных работников. С введением данной системы поток трудовых мигрантов заметно увеличился. По правилам этой системы, южнокорейская компания, которая не смогла найти работника внутри страны, могла легально нанять иностранца. Ему выдавалась рабочая виза (E-9 – низкоквалифицированная деятельность) сроком на три года с возможностью продления до дополнительных 10 месяцев по запросу

работодателя, но по истечении полного срока иностранное лицо обязано было покинуть страну, в противном случае оно считалось нелегальным мигрантом.

Рабочая виза Е-9, так же как и виза Н-2, дается на три года с правом продления еще на два года, однако неквалифицированные иностранные рабочие в отличие от неквалифицированных рабочих корейского происхождения (виза Н-2) не имеют права менять место работы и не могут получить визу для въезда в страну без заключения рабочего контракта [9, с. 342].

Важным фактором регулирования миграционных процессов является политика государства. Министерство труда Республики Корея ежегодно определяет квоты для всех стран, экспортирующих рабочих в РК, согласно предпочтениям работодателей, положению на рынке труда и др. [12, с. 77]. Корейская федерация мелкой и средней промышленности выступает правительственным агентом осуществления программ технической и профессиональной стажировки иностранной рабочей силы и защищает ее импорт. По законодательству страны, иностранцы могут быть наняты в пяти сферах: промышленность, строительство, сельское хозяйство, рыболовство, сфера услуг (гостиничный и ресторанный бизнес, медицинский персонал, социальная работа и др.).

3. Квалифицированные иностранные работники

В последнее время в связи с дефицитом кадров в приоритетных отраслях экономики РК уделяет особое внимание привлечению высококвалифицированных специалистов из-за рубежа. Можно отметить, что этот процесс находится на начальном этапе и количество иностранных специалистов, работающих в РК, не большое. Одной из главных причин сдерживания притока иностранных специалистов называется проблема адаптации этих работников к корейской культуре, системе трудового менеджмента, бытовые проблемы, связанные с проживанием, арендой квартиры, платежами, обучением детей в школах и др.

Крупные южнокорейские компании могут себе позволить нанимать лучших южнокорейских ученых, а также открывать исследовательские центры для подготовки специалистов в других странах. В то же время малые и средние южнокорейские предпри-

ятия испытывают острый дефицит кадров, поскольку последние предпочитают трудоустроиваться в крупные компании. В целом правительство РК способствует трудовой миграции высококвалифицированных специалистов, выдавая в 2000-х годах малым и средним предприятиям гранты на приглашение иностранных ученых и инженеров в размере 10 млн вон за одного специалиста, которые распределяются через Корпорацию малого бизнеса, но этого недостаточно.

В целях увеличения притока иностранных специалистов Правительство Республики Корея рассматривает возможность в исключительных случаях предоставлять иностранцам двойное гражданство. Ранее института двойного гражданства не существовало: становясь южнокорейским гражданином, иностранец обязан отказаться от прежнего гражданства. Однако по новым правилам существуют следующие категории иностранцев, которые могут получить двойное гражданство.

1. Обычная натурализация. Применяется в отношении иностранного гражданина, проживающего в Республике Корея не менее двух лет подряд, зарегистрированного по месту жительства в стране и состоящего в официальном браке с гражданином РК, а также в отношении иностранного гражданина, состоящего в официальном браке с гражданином РК на протяжении трех лет и непрерывно проживающего в Республике Корея не менее одного года, зарегистрированного по месту жительства в стране. При разводе корейское гражданство сохраняется.

2. Специальная натурализация. Применяется в отношении лиц, имеющих особые заслуги перед Республикой Корея, включая их прямых предков и потомков, и вносящих существенный вклад в развитие страны, обеспечение национальной безопасности и защиту национальных интересов Южной Кореи. Кроме того, особым видом натурализации могут воспользоваться иностранные граждане, «обладающие исключительными способностями в таких специфических областях, как наука, экономика, культура, спорт и др.», если корейские власти решат, что предоставление второго гражданства отвечает национальным интересам страны [6].

В 2021 г. стало известно, что правительство планирует снизить требования к уровню квалификации, необходимому для получения долгосрочного вида на жительство или визы F-2 для талант-

ливых иностранцев в «перспективных отраслях», требующих поддержки на «национальном уровне». Какие именно отрасли должны быть включены в категорию, пока не решено. Министерство юстиции РК также рассматривает возможность создания новой визы для иностранцев, работающих удаленно в сфере информационных технологий и других передовых технологий [15].

4. Иностранные жены

Значительную долю иностранцев в РК составляют так называемые иностранные жены, число которых ежегодно растет. В 2020 г. количество интернациональных браков составило 16 177 случаев (примерно 7,6% всех браков, заключаемых в стране) (рис. 1). Основную долю (более 66%) составляют пары мужчина-кореец и женщина-иностранка (из которых основная доля – это вьетнамки – 23,5%, китайки – 21,7%, тайки – 10,7%).

Источник: Statistics Korea (kostat.go.kr). Vital statistics of Immigrants in 2020.

Рис. 1. Браки с иностранными гражданами в РК

Ожидается, что количество мультикультурных семей вырастет с 743 400 в 2020 г. до 2,16 млн в 2050 г. [16].

Среди причин такого значительного процента иностранных браков и роста их числа называются нехватка женской рабочей силы в сельских регионах страны, а также дисбаланс в гендерном соотношении, вызванный предпочтением рождения сыновей в конце 1980-х годов. Это привело к росту количества международных браков – чаще всего с гражданами Китая (в том числе корейского происхождения), Вьетнама, Филиппин, Узбекистана и т.д.

По законодательству РК, иностранные жены могут получить визу постоянного проживания (F-2), а после двух лет брака могут рассчитывать на получение гражданства или вида на жительство. На помощь иностранным женам также направлено множество программ по изучению корейского языка и различных консультаций, доступных жителям не только столицы, но и регионов. В целом юридическое положение иностранных жен вполне привилегированно по сравнению с положением других иностранцев. У них есть возможность получения вида на жительство через два года замужества, право на трудоустройство, право на медицинские выплаты, при наличии ребенка есть право на социальные услуги, при получении вида на жительство – право голоса на региональных выборах [9, с. 349].

В стране созданы различные структуры для оказания помощи иностранным женам. Так, Министерство гендерного равенства координирует деятельность Центра оказания экстренной помощи (Emergency Support Center for Migrant Women), предоставляющего консультационные услуги по юридическим вопросам и вопросам по правам человека, также созданы ассоциации иммигрантов (Immigrant networks) для иностранок, являющихся супругами южнокорейских граждан [1].

5. Беженцы

Республика Корея вступила в конвенцию по принятию беженцев в 1992 г., однако до принятия РК в члены Агентства ООН по делам беженцев в 2000 г. ни один человек не был признан беженцем. В последние годы Южная Корея столкнулась с резким ростом количества заявлений на получение статуса беженца. Если в 2013 г. таких заявителей было 1574 человек, то в 2018 г. – 16 173, а в 2019 г. – 15 451 человек. То есть всего лишь за пять лет количе-

ство иностранцев, которые пытаются получить статус беженца, выросло в 10 раз. В марте 2020 г. из-за коронавируса приток снизился, но все равно специалисты ожидают, что в ближайшее время число новых заявлений превысит 20 тыс. [8].

Среди особенностей иммиграции в РК можно выделить побудительный характер иммиграции, рост гетерогенности общества, проблему мультикультурности общества. Побудительный характер миграции основан на факте нехватки рабочей силы в РК и ее привлекательности для рабочих из менее развитых стран региона. Как бы то ни было, многие южнокорейские исследователи прогнозируют и дальнейшую необходимость в импорте рабочей силы в связи с демографическим дисбалансом. При анализе демографической ситуации в РК, а именно – стремительного старения населения, снижения рождаемости, гендерного дисбаланса – становится ясно, что при таком же развитии экономики РК будет вынуждена и далее импортировать рабочую силу из стран Юго-Восточной Азии. В РК в 2021 г. суммарный коэффициент рождаемости в стране составляет 1,1. Рост средней продолжительности жизни на фоне низкой рождаемости ускорит процесс старения общества, что вызовет рост потребностей в дополнительных медицинских и социальных услугах.

Остальные особенности связаны с ростом числа иностранцев в стране и расширением географии их происхождения, что приводит к гетерогенности общества и проблемам мультикультурализма, ввиду того что Республика Корея до начала импорта рабочей силы в целом отличалась гомогенностью. В связи с этим правительство Республики Корея и на национальном, и на региональном уровнях принимают меры по поддержке иностранцев и мультикультурных семей, а также меры по знакомству южнокорейской аудитории с культурами других стран.

В РК разработана система поддержки, целью которой является не только предоставление юридических, семейных, культурных консультаций, но и просвещение населения в отношении особенностей культур иностранных резидентов. Подобные организации по поддержке иностранцев существуют и в других районах РК, например Центры по поддержке мультикультурных семей по всей стране.

Наиболее остро стоит вопрос об адаптации и интеграции иностранцев в южнокорейское общество. Опрос, проведенный в 2021 г., показал, что почти 9% мультикультурных учащихся в РК становятся жертвами жестокого обращения в школе, что намного выше, чем показатель в 1% среди общего числа учащихся. 4 февраля 2021 г. был обнародован комплекс мер по увеличению образовательной поддержки учащихся из мультикультурных семей, а также по созданию учебной среды, учитывающей разнообразие и инклюзивность. Детям в возрасте от 6 до 10 лет будут предложены образовательные программы по навыкам чтения и письма на начальном уровне. Курсы, доступные в 90 мультикультурных центрах поддержки семей по всей стране, охватят около 1800 детей этой возрастной группы [11].

Приложение

Правовая база

Основными нормативно-правовыми документами, регулирующими вопросы иммиграционной политики в Республике Корея, являются законы об иммиграционном контроле, гражданстве, найме на работу иностранных граждан и зарубежных соотечественниках.

Действующим иммиграционным законодательством Республики Корея установлено 34 типа виз, в том числе следующие.

1. А-1, А-2, А-3 – дипломатические и официальные лица.
2. В-1, В-2 – туризм и освобожденные от виз лица.
3. С-2, С-3 – краткосрочный визит.
4. D-2, D-4 – учебные визы.
5. D-7, D-8, D-9 – инвесторы и предприниматели фирм, зарегистрированных в РК.

Российские предприниматели, открывшие свой бизнес в Республике Корея, в большинстве своем находятся здесь по визе D-8, и данный тип визы предусматривает возможность ее продления без выезда из страны и позволяет находиться в РК на законных основаниях в течение продолжительного периода времени.

6. E-1, E-2, E-3, E-6 – деятели науки и искусства.
7. E-7 – высококвалифицированные сотрудники южнокорейских компаний.

8. E-9 – неквалифицированные работники.

9. F-4 – зарубежные соотечественники (квалифицированная рабочая сила).

С 1 ноября 2011 г. местные власти несколько облегчили процедуру получения этническими корейцами пятилетней визы F-4, отменив требование представлять документ о высшем образовании (диплом), подтверждающий отсутствие у заявителя намерений заниматься неквалифицированным трудом во время своего пребывания в РК, что запрещено законом.

10. F-2, F-5, F-6 – проживание и вид на жительство.

Южнокорейский вид на жительство (F-2) можно получить несколькими способами, самый распространенный из которых – сочетаться узами брака с гражданином / гражданкой Республики Корея.

Еще одним новшеством в иммиграционном законодательстве стало введение визы категории F-6, которая дает право на проживание в стране после расторжения брака по причине чрезвычайных обстоятельств, таких как смерть или исчезновение супруга / супруги.

Виза категории F-5 (постоянное проживание) выдается иностранным гражданам, инвестировавшим не менее 500 тыс. долл. США с одновременным созданием для южнокорейских граждан не менее пяти рабочих мест; супругу / супруге гражданина Республики Корея; а также лицам, обладающим исключительными способностями в области науки, образования, управления, культуры, искусства и спорта [7]. Законом также предусмотрены ограничения: в частности, нельзя покидать страну на срок более полугода, иначе статус ПМЖ может быть аннулирован.

11. H-2 – зарубежные соотечественники (неквалифицированная рабочая сила).

12. G-1 – беженцы.

Список литературы

1. Балдано М.Н., Кириченко С.В. Монголия на перекрестке внешних миграций: монгольские мигранты в Южной Корее // Символ науки : международный научный журнал. – 2015. – № 9–2. – С. 45–51.
2. Впервые за пять лет в Корею стало меньше 2 миллионов иностранцев. – URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5f754c67ce9232297f7e0420/vpervye-za-pyat-let-v->

- koree-stalo-menshe-2-millionov-inostrancev-608e14cc481f3e20cd0f2e5f (дата обращения: 15.03.2022).
3. В РК увеличилось число иностранных рабочих // KBS Radio. – 2021. – 21.12. – URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&id=Dm&Seq_Code=68441 (дата обращения: 15.02.2022).
 4. В РК продолжает сокращаться число иностранцев // KBS Radio. – 2022. – 26.01. – URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&id=Dm&Seq_Code=68852 (дата обращения: 15.02.2022).
 5. Комаровский В.В. Южная Корея – превращение в принимающую страну: роль трудовой миграции // Комаровский В.В., Веденеева В.Т. Феномен трудовой миграции в изменяющемся мире. – Москва : ИМЭМО, РАН, 2017. – С. 18–66.
 6. О практике применения института двойного гражданства в РК // Генеральное консульство Российской Федерации в Пусане (Республика Корея). – URL: https://pusan.mid.ru/ru/informatsiya_dlya_posetiteley/poleznaya_informatsiya/informatsiya_o_zakonakh_respubliki_koreya/nstituta_dvoynogo_grazhd/ (дата обращения: 03.04.2022).
 7. О некоторых особенностях иммиграционной политики и практики Республики Корея // Посольство Российской Федерации в Республике Корея. – URL: <https://korea-seoul.mid.ru/poleznaya-informacia-dla-grazhdan-rossii-vremennno-i-postoanno-nahodiashsa-v-koree> (дата обращения: 01.03.2022).
 8. Кирьянов О. Южная Корея столкнулась с проблемой беженцев под видом туристов // Российская газета. – 2020. – 20.06. – URL: <https://rg.ru/2020/06/20/iuzhnaia-koreia-stolknulas-s-problemoj-bezhencev-pod-vidom-turistov.html> (дата обращения: 03.04.2022).
 9. Ли Бён Рёль, Ким Хи Чжа. Характер и перспективы миграционной политики Республики Корея. – Сеул (Республика Корея), 2011. – 349 с. – Кор. яз.
 10. Самсонова В.Г., Ким Е.В. Миграция в Республике Корея: современное состояние, проблемы и перспективы // Проблемы Дальнего Востока. Москва : Институт Китая и современной Азии, РАН, 2012. – № 4. – С. 87–98.
 11. Lee Hyo-jin. Children of Multicultural Backgrounds Still Face Discrimination in Schools // The Korea Times. – 2022. – 15.02. – URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2022/02/177_323870.html (дата обращения: 02.04.2022).
 12. Kim A.E. Global Migration and South Korea : Foreign Workers, Foreign Brides and the Making of a Multicultural Society // Ethnic and Racial Studies. – 2009. – Vol. 32, N 1. – P. 70–92.
 13. Nam Kyung-don. [Graphic News] No. of S. Koreans Living Abroad Inches up in 2018 : Ministry // Korea Herald. – 2019. – 29.09. – URL: <http://m.koreaherald.com/view.php?ud=20190929000231> (дата обращения: 15.01.2022).
 14. Yonhap. Number of Foreigners Staying in S. Korea Decreased 3.9% in 2021 Amid Pandemic // The Korea Herald. – 2022. – 26. 01. – URL: https://www.koreaherald.com/view.php?ud=20220126000736&ACE_SEARCH=1 (дата обращения: 03.03.2022).

15. Kang Jae-eun. South Korea to Tweak Visa Policies and Welcome More Foreigners // The Korea Herald. – 2021. – 07.07. – URL: https://www.koreaherald.com/view.php?ud=20210707000912&ACE_SEARCH=1 (дата обращения: 03.04.2022).
16. Ock Hyun-ju [What the 2020 s Will Hold for Korea] More Immigrants, Multinational Families // The Korea Herald. – 2019. – 31.12. – URL: <https://www.koreaherald.com/view.php?ud=20191231000390> (дата обращения: 01.03.2022).

ФИЛИППОВ Д.А.* ФОРМИРОВАНИЕ ЯПОНСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ПРИ ВТОРОЙ АДМИНИСТРАЦИИ АБЭ (2012–2020).

Аннотация. Данная статья анализирует изменения в процессе выработки внешней политики Японии, наблюдавшиеся во время второго срока премьер-министра Синдзо Абэ. Хотя для послевоенной политики Японии было характерно сильное влияние на процесс принятия решений со стороны бюрократии, тогда как позиция премьер-министра была институционально слабой, Абэ проявлял значительно более персональный, авторитарный подход к формулированию внешней политики, чем его предшественники. В статье выделяются три ключевых фактора, которые помогли Абэ перехватить инициативу у чиновников и заставить их следовать курсу, разработанному самим премьер-министром и его окружением. Кроме того, проводятся параллели и сравнения между Абэ и одним из прошлых японских лидеров Юкио Хатояма, который также пытался нейтрализовать чрезмерное влияние чиновников, но потерпел поражение.

Ключевые слова: Абэ; японская политика; японская внешняя политика; Суга; Кисида; Кантэй; процесс принятия решений.

FILIPPOV D.A. Foreign Policy Making in Japan Under the Second Abe Administration (2012–2020)

Abstract. The article analyses the changes in Japan's foreign policy making throughout prime minister Shinzo Abe's second term. While post-war politics in Japan were characterised by the bureaucracy maintaining a significant influence on the decision-making process, with the position of prime minister being institutionally weak, Abe

* Филиппов Дмитрий Александрович – PhD; научный сотрудник отдела Азии и Африки Института научной информации по общественным наукам РАН.

demonstrated a far more personalised, authoritarian approach to formulating foreign policy than his predecessors. The article homes in on three key factors which enabled Abe to seize the initiative from the officials and make them implement the agenda set by the Prime Minister himself and his inner circle. Additionally, it draws parallels and comparisons between Abe and the former prime minister Yukio Hatoyama, who, too, attempted to neutralise the bureaucracy's outsized influence but suffered a defeat.

Keywords: Abe; Japanese politics; Japanese foreign policy; Suga; Kishida; Kantei; decision-making.

Для цитирования: Филиппов Д.А. Формирование японской внешней политики при второй администрации Абэ (2012–2020) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 3. – С. 115–123. DOI: 10.31249/rva/2022.03.08

Синдзо Абэ стал самым «долговечным» японским лидером, проведя на посту премьер-министра почти восемь лет. За эти годы пристальному изучению и анализу подверглись многие аспекты его деятельности, от экономической политики, ставшей известной как «абэномика», до дипломатического курса и реформ в области национальной безопасности. При этом сам подход Абэ к процессу выработки внешней политики по большей части ускользнул от внимания как российских, так и западных японоведов. Между тем во время своего второго срока в качестве премьер-министра Абэ привнес существенные изменения в процесс принятия решений в области внешней политики, заметно ослабив традиционно могущественную японскую бюрократию. Контроль за работой японского МИД Абэ осуществлял через резиденцию премьер-министра, или Кантэй, который в результате стал источником формирования японской дипломатии, а чиновники, прежде ответственные за формулирование международной стратегии Японии, оказались переведены в категорию технических оформителей политики, принятой Абэ и его окружением.

В послевоенной Японии с 1950-х годов японские чиновники, по сравнению с бюрократами большинства стран мира, имели куда большее влияние на выработку курса как внутренней, так и внешней политики страны. С этим резко контрастировало почти полное

отсутствие исполнительной власти у премьер-министров, которые в рамках японской политической системы невольно оказывались слабыми или пассивными [4]. Связано это было, во-первых, с тем, что правящая Либерально-демократическая партия (ЛДП) состояла из множества фракций, боровшихся между собой за наибольшее влияние, вследствие чего в премьер-министры, как правило, выдвигались компромиссные фигуры, отражавшие расстановку сил внутри ЛДП, а не выбранные благодаря своим лидерским качествам. Особенно заметно это стало в конце 1980-х годов, когда в политической системе Японии появился феномен, называемый в англоязычной литературе «вращающаяся дверь» (англ. Revolving door) премьер-министров: японские лидеры избирались на должность, проводили на ней в среднем два года и уходили в отставку, не успевая привнести ничего нового в японскую внешнюю политику [6].

Во-вторых, на фоне фракционной борьбы внутри ЛДП инициатива в выработке политического курса была, по сути, монополизирована чиновниками, которые выстроили децентрализованный процесс принятия решений. К тому моменту, как их законопроекты попадали на стол к премьер-министру, тот уже не мог внести в них значимые изменения. Наконец, играл свою роль и институциональный фактор – до 2000 г. премьер-министр фактически имел право принимать решения только с одобрения кабинета министров, в чьих руках и были сосредоточены административные полномочия. Таким образом, до конца 1990-х годов японские лидеры мало что могли противопоставить непокорным фракциям и влиятельной бюрократии. Отражение такое положение дел нашло и в формировании внешнеполитической стратегии – опытные чиновники МИД знали все тонкости разработки политического курса, тогда как институционально слабые премьер-министры были слишком отвлечены фракционной борьбой, чтобы составлять им конкуренцию [2].

Позиция премьер-министра была укреплена благодаря ряду административных и электоральных реформ, проводимых в течение 1990-х и начале 2000-х годов: теперь при назначении того или иного политика на должность премьер-министра учитывались не столько возможности достижения консенсуса между фракциями ЛДП, сколько его личные качества и таланты [1]. Кроме того, в

выработке политики была усилена и роль Кантэй, а премьер-министр получил возможность предлагать законопроекты самому, а не дожидаться их получения из министерств. Первым премьер-министром, сумевшим, вероятно, в полной мере воспользоваться новыми полномочиями, стал Дзюньитиро Коидзуми (2001–2006), однако и его успех был обусловлен не только предшествующими реформами, но и его лидерскими качествами и эффективными управленческими методами. В отличие от большинства своих предшественников, являвшихся довольно заурядными личностями и проводивших на своем посту не более пары лет, Коидзуми проявил себя как реформистский и харизматичный политик, который занимал должность около пяти лет благодаря обширной общественной поддержке. Коидзуми, однако, оказался исключением из правил, и после его отставки не потеряло свою актуальность мнение некоторых ученых, что формулирование и реализация политики в Японии эффективны лишь тогда, когда премьер-министр идет с чиновниками на сотрудничество и прислушивается к их экспертным мнениям.

Ярким примером этого стало кратковременное премьерство Юкио Хатояма (сентябрь 2009 – июнь 2010) из оппозиционной ЛДП Демократической партии Японии (ДПЯ). Хатояма и его коллеги по партии давно хотели реформировать процесс принятия решений и добиться лидерства политиков, чтобы политический курс определялся бы народными избранниками, а не чиновниками-назначенцами. Однако вследствие того, что у ДПЯ не было опыта управления государством, а рекомендации и опыт чиновников они отвергали, время Хатояма на посту премьер-министра стало, возможно, наиболее плохо скоординированным и беспорядочным периодом японской внешней политики [3]. Хатояма стремился усилить роль политиков, но в результате лишь ослабил роль бюрократии [10]. Преемник Хатояма Наото Кан был вынужден отказаться от эксперимента по достижению лидерства политиков и вновь вовлечь чиновников в процесс принятия решений. Было очевидно, что открытый конфликт с бюрократией в Японии может лишь навредить выработке политического курса, особенно в области дипломатии.

Отношения премьер-министра и его кабинета с чиновниками претерпели изменения после вступления в эту должность Абэ в

декабре 2012 г. У нового японского лидера было масштабное политическое видение, особенно относительно места Японии на мировой арене. Реализуемая им в течение своего срока международная стратегия была настолько продуманной, комплексной и всеобъемлющей [13], что некоторые японоведы стали называть ее доктриной Абэ в противовес доктрине Ёсида, названной по имени премьер-министра Сигэру Ёсида (1946–1947 и 1948–1954) и служившей фундаментом японской дипломатии до конца холодной войны [5]. Разумеется, воплощение столь амбициозной стратегии требовало не только тесной координации с чиновниками МИД, Министерства обороны и других ведомств, но и их следования инструкциям правительства Абэ.

В отличие от ДПЯ, которая с самого начала правления настроила чиновников против себя, воспринимая их как конкурентов, Абэ в первые же дни после избрания премьер-министром озвучил желание тесно работать с ними. Например, он стал вновь проводить еженедельные встречи административных вице-министров, отмененные при правительстве Хатояма. Эти встречи играли важную роль в сложной системе координации между многочисленными начальниками департаментов, директорами и их заместителями в различных министерствах и облегчили реализацию правительственных инициатив. В то же время его подход к формулированию внешней политики можно назвать крайне персональным, и постепенно Абэ стал ужесточать контроль над МИД, делегируя все больше полномочий Кантэй. Влияние Абэ на японскую дипломатию стало таким сильным, что он быстро достиг практически абсолютной свободы в реализации своего видения без опасения встретить сопротивление со стороны бюрократического истеблишмента. Причем если Коидзуми, за которым также закрепился образ сильного, авторитарного лидера, все-таки доверял чиновникам в большинстве дипломатических вопросов, то Абэ занимался разработкой внешнеполитической стратегии Японии на самом непосредственном уровне. Видится возможным назвать три фактора, которые объясняют его успех в деле ограничения влияния чиновников и достижения главенствующей позиции в разработке международной стратегии.

Во-первых, Абэ стал первым японским лидером со времен Коидзуми, который закончил эпоху «вращающейся двери» премь-

ер-министров и, как говорилось ранее, провел на этом посту больше времени, чем любой его предшественник, включая доверенных премьер-министров. Его второй срок был отмечен преимущественно высокой поддержкой со стороны электората, а внутри ЛДП не было ни одного политика, который мог бы бросить Абэ вызов в качестве лидера партии. Подобная стабильность была характерна и для некоторых других членов его правительства. Например, нынешний премьер-министр Фумио Кисида занимал в администрации Абэ должность министра иностранных дел и оставался на ней в течение пяти лет, до 2017 г. Между тем Ёсихидэ Суга, сменивший Абэ на посту премьер-министра в 2020 г. и работавший до этого генеральным секретарем кабинета министров (он отвечал за координацию между правительством и чиновниками), сохранил свою позицию вплоть до отставки Абэ. Такой же длительностью пребывания у власти могла похвастаться и другая ключевая фигура в разработке японской внешнеполитической стратегии, а именно советник Абэ по национальной безопасности Сётаро Яти.

Вследствие этого правительство Абэ сумело установить глубокие, долгосрочные отношения с отвечавшими за внешнюю политику чиновниками, что позволило с большей легкостью склонять их к реализации планов Абэ. Бюрократия же, в свою очередь, понимала, что в отличие от многочисленных предшественников Абэ имел достаточно и времени, и полномочий, чтобы довести свои инициативы до конца, а потому чиновники больше не могли игнорировать или саботировать указания правительства [11].

Во-вторых, Абэ укрепил значимость Кантэй, с тем чтобы достичь гладкого, централизованного процесса принятия решений и гарантировать выполнение чиновниками своих директив. Такой авторитарный управленческий подход Абэ, возможно, объясняется опытом его первого, неудачного срока на посту премьер-министра в 2006–2007 гг. Тогда доверие японской публики было отчасти подорвано ошибками назначенных им министров, поэтому, вновь придя к власти в 2012 г., Абэ решил тщательно контролировать процесс формирования политики [14]. Вышеуказанный генеральный секретарь кабинета министров Ёсихидэ Суга контролировал из Кантэй реализацию чиновниками курса Абэ, чему способствовал тот факт, что Суга не имел строго определенных идеологиче-

ских воззрений и руководствовался в основном соображениями эффективности и прагматизма. Вовлеченность Суга в процесс принятия решений была столь велика, что он, например, настаивал на том, чтобы лично проверять все политические меры, касающиеся Китая, отношения с которым являются наибольшим геополитическим вызовом для японской дипломатии.

Еще одним решением Абэ, направленным на централизацию выработки японского внешнеполитического курса, стало создание органа под названием Национальный совет безопасности (НСБ), отвечающий напрямую Кантэй. Именно в рамках НСБ фактически рождалась международная стратегия Японии, а руководил новой организацией Сётаро Яти, который являлся советником Абэ и в 2006–2007 гг. и считался одним из наиболее влиятельных фигур в принятии внешнеполитических решений [8]. Другой сторонник Абэ по имени Итиро Комацу был назначен главой Законодательного департамента Кантэй, совещательного органа кабинета министров по вопросам законотворчества [7]. Наконец, не исключено, что назначение Абэ на посты министра иностранных дел и министра обороны, соответственно, Фумио Кисида и Ицунори Онодэра было также было призвано ослабить хватку бюрократии в отношении японской дипломатии, ведь они оба считались на тот момент отнюдь не «тяжеловесными» политиками [9].

Последним фактором, который помог Абэ перехватить у чиновников инициативу в выработке политики, как внутренней, так и внешней, стал более тщательный надзор за работой министерств путем резко участвовавших назначений политиков на бюрократические посты. Такие методы стали практиковаться администрацией Хатояма, но Абэ использовал их еще активнее. Помогла ему заручиться безоговорочной поддержкой чиновников и так называемая система кадровых назначений. В 2014 г. правительство создало при кабинете министров Департамент по кадровым вопросам, руководителем которого стал другой союзник Абэ, Кацунобу Като [12]. Новый орган давал Абэ и Суга полномочия назначать более 600 чиновников на высокие посты в различных министерствах и ведомствах, тогда как предшественники Абэ были ограничены 200 назначениями. Более того, если предыдущие премьер-министры лишь редко пользовались этой властью и обычно просто одобряли уже согласованные кадровые перестановки, то Абэ стал активно

использовать новые полномочия и лично заведовать назначениями высокопоставленных чиновников. Таким образом он, хоть и косвенно, подталкивал бюрократию к реализации своей политики. Например, очередной союзник Абэ Акитака Сайки занял должность административного вице-министра иностранных дел, в чьи обязанности входили управление и координация различных органов внутри министерства.

Следует отметить, что, несмотря на достигнутые правительством Абэ успехи в централизации и даже персонализации процесса формулирования внешней политики, в таком авторитарном подходе был заложен риск слишком жесткого контроля над бюрократией. В этом случае чиновники могли попросту перестать выступать с критикой неоднозначных или неэффективных предложений Абэ и его окружения, боясь, что те поставят их карьерные амбиции под вопрос или вовсе положат им конец. Решения Абэ грозили нарушить систему сдержек и противовесов, которые должны существовать в демократических государствах, и превратить бюрократию в орган штампования решений правительства.

Хотя администрация Абэ не делала громких заявлений о лидерстве политиков и не представляла прямой угрозы для интересов чиновников, как ДПЯ, она сумела существенно ограничить традиционно избыточную роль бюрократии в выработке внешней политики, а также обеспечить гладкую реализацию международной стратегии премьер-министра. Контролируя деятельность чиновников с помощью кадровых назначений и передачи важных полномочий Кантэй и СНБ, Абэ фактически заставил их следовать в фарватере его курса. Несмотря на то что такой подход сильно зависел от политической воли премьер-министра и компетентности его окружения, а также грозил минимизацией роли бюрократии в качестве противовеса политике правительства, Абэ удалось то, что не удавалось его предшественникам в той же мере, – перехватить у чиновников инициативу в принятии решений и гарантировать их поддержку в осуществлении своих замыслов.

Список литературы

1. Bush R.C. The Perils of Proximity : China-Japan Security Relations. – Washington, D.C. : Brookings Institution Press, 2013. – 421 p.

2. Envall H.D.P. Exceptions That Make the Rule? Koizumi Jun'ichirō and Political Leadership in Japan // *Japanese Studies*. – 2008. – Vol. 28, N 2. – P. 227–242.
3. Green M. The Democratic Party of Japan and the Future of the U.S. Japan Alliance // *Journal of Japanese Studies*. – 2011. – Vol. 37, N 1. – P. 91–116.
4. Hayao K. *The Japanese Prime Minister and Public Policy*. – Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 1993. – 368 p.
5. Hughes C.W. *Japan's Foreign and Security Policy Under the «Abe Doctrine» : New Dynamism or New Dead End?* – London : Palgrave Macmillan, 2015. – 124 p.
6. *Looking for Leadership: The Dilemma of Political Leadership in Japan* / J. Gannon, R. Sahashi (eds.). – Tokyo ; New York : Japan Center for International Exchange, 2015. – 180 p.
7. *The Japan Times* : Former Cabinet Legislation Bureau Chief Komatsu Dies at 63. – URL: <http://www.japantimes.co.jp/news/2014/06/23/national/politics-diplomacy/former-cabinet-legislation-bureau-chief-komatsu-dies-63/#.WHntVBuLRPa>, (дата обращения: 04.04.2022).
8. Miller J.B. *How Will Japan's New NSC Work?* – URL: <http://thediplomat.com/2014/01/how-will-japans-new-nsc-work/> (дата обращения: 02.04.2022).
9. Pugliese G. *Kantei Diplomacy? Japan's Hybrid Leadership in Foreign and Security Policy* // *The Pacific Review*. – 2016. – Vol. 30, N 2. – P. 152–168.
10. Shinoda T. *Contemporary Japanese Politics : Institutional Changes and Power Shifts*. – New York : Columbia University Press, 2013. – 328 p.
11. Winter M. *Abe and the Bureaucracy : Tightening the Reins*. – URL: <http://thediplomat.com/2016/06/abe-and-the-bureacrasy-tightening-the-reins/> (дата обращения: 02.04.2022).
12. Yoshida R. *Abe Moves to Boost Control of Bureaucrats*. – URL: <http://www.japantimes.co.jp/news/2014/05/27/national/politics-diplomacy/abe-inaugurate-new-office-exert-control-bureaucrats/#.WHns6BuLRPY> (дата обращения: 10.04.2022).
13. Добринская Ольга. Реформы Абэ Синдзо в сфере политики обеспечения национальной безопасности // *Япония: консервативный поворот* / рук. проекта Э.В. Молодякова. – Москва : АИРО-XXI, 2015. – С. 236–257.
14. Сахаси Р. Личный разговор с автором. – 2018. – 21.02.

МОЗИАС П.М.* ТРАНСФОРМАЦИЯ БАНКОВСКОГО СЕКТОРА И ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ ПРОЦЕНТНЫХ СТАВОК В КИТАЕ

Аннотация. В китайском финансовом секторе до сих пор доминируют банки, находящиеся в государственной собственности. Либерализация процентных ставок в Китае происходила медленно, рудименты административного контроля над ценами на финансовые ресурсы существовали и в 2010-е годы. Такой алгоритм преобразований в банковской сфере соответствует общей модели китайских реформ как сугубо постепенных. Однако затянувшееся переходное состояние само по себе порождает целый ряд проблем, таких как избыточная кредитная эмиссия и связанное с ней инфляционное давление, накопление «плохих долгов», низкая эффективность денежной политики. Для выправления ситуации нужны дальнейшие реформы, но им препятствуют социальная инерция и влиятельные группы интересов.

Ключевые слова: Китай; банки; кредит; «плохие долги»; экономический рост; инфляция.

MOZIAS P.M. Structural Reforms in Banking and Liberalization of Interest Rates in China

Abstract. China's banking industry is still dominated by the State-run entities. Liberalization of interest rates has been carried out quite slowly. The remnants of administrative control of prices kept existing in China's financial sector even in 2010s. This cause of events, by and large, corresponds with the general framework of gradual reforms in that country. But a prolonged state of transition creates a number of perils, e.g., an excessive credit activity with inflationary

* Мозиас Петр Михайлович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник отдела Азии и Африки ИНИОН РАН, доцент департамента мировой экономики НИУ ВШЭ и кафедры теории регионоведения МГЛУ.

consequences, an amassment of bad debts, and a low efficiency of monetary policy. Further reforms are needed for those problems to be tackled, but a movement in that direction is hindered with a good deal of a social inertia and an influence of powerful vested interests.

Keywords: China; banks; credit; bad debts; economic growth; inflation.

Для цитирования: Мозиас П.М. Трансформация банковского сектора и либерализация процентных ставок в Китае // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2022. – № 3. – С. 124–156. DOI: 10.31249/rva/2022.03.09

Постепенность справедливо считается отличительной и наиболее выигрышной характеристикой китайских рыночных реформ. Она позволяет сделать институциональные изменения более или менее плавными и тем более – избежать институционального «вакуума». Растянутое во времени проведение реформ обеспечивает поддержание определенной социально-психологической стабильности. Благодаря специальной работе по идеологическому обеспечению реформ у людей, живущих в эпоху трансформации, не возникает ощущение, что их «ломают через колено», что их предшествующая жизнь была напрасной, потраченной на стремление к ложным целям. Соединение новых, реформенных практик с национальными традициями (в том числе и сложившимися за время пребывания коммунистов у власти) способствует тому, что экономические и политические новации дополняются формированием соответствующих неформальных институтов, т.е. привычек и обычаев, которыми руководствуются люди в повседневной жизни, а именно это в конечном счете и нужно для обеспечения необратимости реформ.

Однако надо признать, что у постепенности есть и оборотная сторона. В течение длительного времени в экономике сосуществуют элементы старой, командно-административной и новой, рыночной систем, а стало быть, само переходное состояние становится устойчивым, приобретает внутреннюю логику поддержания равновесия. Но в экономике обычно не бывает чего-то однозначного, и, соответственно, переходное состояние неизбежно порождает как позитивные, так и негативные тенденции.

Специфические, амбивалентные переходные институты предполагают наличие множественных механизмов ценообразования, а значит, и возможностей извлечения выгод «на стыке» старой и новой систем. На такой основе в обществе складываются социальные группы, заинтересованные в воспроизводстве сложившегося межеумочного порядка вещей и блокировке дальнейших реформ.

Иными словами, всегда присущая экономическому развитию вариативность в данном случае выражается в том, что продолжение реформ отнюдь не является predetermined. В свою очередь, выбор элитами под влиянием их эгоистических интересов неоптимальной траектории дальнейших институциональных изменений чреват неэффективным распределением ресурсов и, как следствие, постепенным ухудшением макроэкономической ситуации даже после первоначальных успехов реформ. Хотя, впрочем, осознание этих проблем экспертным сообществом и политиками как раз позволяет определиться с тем, что нужно делать дальше, т.е. перевести планы новых реформ из сферы общих рассуждений в область конкретных, технократических решений.

Сказанное непосредственно относится к трансформационным процессам в банковском секторе Китая. Они продолжаются уже около четырех десятилетий. Можно сказать, что в этой сфере общий принцип китайских реформ «Сначала административная децентрализация, а затем дозированное изменение структуры собственности» проявляется весьма наглядно. На кредитных рынках КНР и сейчас доминируют банки, находящиеся под госконтролем, пусть они и прошли уже через акционирование и частичную приватизацию.

Применяется в банковском секторе и «двухколейная» модель реформы ценообразования. В целом процентные ставки (т.е. цены на финансовые ресурсы) оставались под государственным контролем дольше, чем цены на большинство товаров и услуг. А последующая либерализация процентных ставок происходила асинхронно: в одних сегментах финансового рынка она стала проводиться с середины 1990-х годов, в других – административное регулирование ставок сохранялось вплоть до 2010-х годов.

Опубликованные в разные годы книги китайских экономистов [1; 2] позволяют составить представление о внутренней логи-

ке преобразований в банковском секторе, об их воздействии на ситуацию на микро- и макроуровнях китайской экономики и об обратном влиянии со стороны реального сектора на банковскую сферу.

Сюй Линчао (факультет экономики и управления Университета Тунцзи, Шанхай) [1] отмечает, что во времена планового хозяйства в Китае был, по сути, всего один банк – Народный банк Китая (НБК). Он осуществлял и концентрацию сбережений общества, и трансформацию их в кредиты предприятиям. Причем и объемы кредитования, и процентные ставки определялись административным путем [1, с. 70]. Реформы в банковской системе начались с того, что в 1979–1984 гг. из структуры НБК были выделены «государственные коммерческие банки», которым вменялось в обязанность обслуживать ту или иную сферу экономики: Промышленно-торговый банк Китая, Сельскохозяйственный банк Китая, Народный строительный банк Китая и Банк Китая (специализировавшийся на операциях, связанных с внешнеэкономической деятельностью). Их стали называть «большой четверкой» китайских банков [1, с. 85].

Сам НБК с начала 1984 г. отказался от функций непосредственного кредитования юридических и физических лиц и превратился в Центральный банк (ЦБ), ответственный за проведение денежной политики (ДП). Принятый в 1995 г. Закон КНР о Народном банке Китая закрепил подчиненность НБК Государственному совету, т.е. правительству страны. Но дальнейшее развитие регулятивных институтов пошло по пути специализации. Часть функций у НБК забрали, когда в 2003 г. при правительстве была создана Всекитайская комиссия банковского регулирования (ВКБР), ей было предписано осуществлять надзор за деятельностью кредитных организаций, в том числе и их лицензирование, а за НБК остались осуществление ДП, контроль за рисками в финансовой системе и обеспечение ее стабильного функционирования.

Коммерциализация банковской системы началась с изменения ее периферии. В июне 1986 г. был создан Банк коммуникаций – первый в стране «акционерный коммерческий банк». За этим последовало создание еще целого ряда новых банков: «Чжаошан» (1986), «Чжунсинь» (1987), Шэньчжэньский банк развития (1987), Гуандунский банк развития (1988), «Гуанда» (1992), «Хуася»

(1992) и др. С середины 1990-х годов на базе существовавших еще в дореформенное время городских кредитных кооперативов стали создаваться «городские коммерческие банки», они образовали отдельный слой в складывавшейся многоуровневой банковской системе.

В 1994 г. были созданы три «политических» банка: Государственный банк развития Китая, Банк развития сельского хозяйства Китая и Экспортно-импортный банк Китая. Они призваны были выступать в качестве «институтов развития», т.е. кредитовать специально выделенные государством приоритетные проекты.

По мере появления все новых «игроков» и усиления конкуренции банки «большой четверки» утрачивали свои первоначальные строго определенные области специализации и сдвигались к модели универсальных банков. В 2002 г. правительством было заявлено, что дальнейшая реформа банков пойдет по пути превращения их в «современные предприятия», т.е. предстоит их акционирование. Оно осуществлялось в три этапа: реструктуризация финансов банка, увеличение его собственного капитала – перестройка корпоративного управления – вывод акций банка на фондовый рынок.

Из банков «большой четверки» первым разместил свои акции на бирже Строительный банк Китая (в 2005 г.), за ним последовали Банк Китая и Промышленно-торговый банк Китая (2006), а затем и Сельхозбанк Китая (2010). Биржевой листинг прошли и многие другие банки. В конце 2010 г. на банки, разместившие акции на фондовых рынках, приходилось 66,99% совокупных активов китайской банковской системы [1, с. 89].

Таким образом, в 1980–2000-е годы процесс диверсификации банковской системы шел поступательно, но сравнительно медленно. Сугубо эволюционными были и изменения в наборе инструментов государственного воздействия на объемы и структуру кредитования. В 1985 г. банки «большой четверки» получили право заимствовать средства друг у друга и обращаться в НБК за рефинансированием. Но кредитование оставалось частью планового механизма, и органы управления экономикой продолжали напрямую вмешиваться в распределение банковского кредита между хозяйствующими субъектами-заемщиками.

Закон КНР о коммерческих банках (1995) гарантировал «государственным коммерческим банкам» и «акционерным банкам» автономию в их хозяйственной деятельности, т.е. был взят курс на превращение их в самокупаемые организации – субъекты чисто коммерческого кредитования. А предоставление кредитов на преференциальной, нерыночной основе должны были взять на себя «политические» банки.

С 1996 г. государство перестало осуществлять директивный контроль за кредитованием отдельных проектов, ответственность за это должны были взять на себя сами банки. Но сохранялся общий директивный кредитный план, с помощью которого государство устанавливало совокупные объемы кредитования в экономике. Ситуация снова изменилась в 1998 г., когда количественные лимиты на кредитование были отменены, кредитный план из директивного превратился в индикативный, рекомендательный. Банки теперь могли сами определять, кому давать кредиты и в каких объемах, ориентируясь на состояние своих балансов и уровень рисков [1, с. 86–88].

Прогресс реформ очевиден, но в целом банковская система и в начале 2010-х годов оставалась под контролем государства, констатировал Сюй Линчао [1, с. 89]. Отчасти его сохранение можно объяснить имманентно присущей банковскому сектору склонностью к монополизму. Важен и социокультурный контекст. В Китае издавна сложилась традиция сильной государственности, изменить ее быстро невозможно, это и находит выражение в сочетании маркетизации и госконтроля.

Да и конечный результат банковской реформы в Китае, по мнению Сюй Линчао, не будет состоять в полной либерализации. Он, по-видимому, сложится под влиянием интересов многих «игроков», но тесные взаимосвязи правительственных структур, государственных предприятий (ГП) и государственных банков все равно сохранятся. Акционирование банков, перестройка их корпоративного управления по международно принятым стандартам – это всего лишь внешняя «упаковка». Доли государства в акционерных капиталах банков снизились, но вряд ли они будут уменьшены до нуля. А если не меняется форма собственности, то не меняются, по сути, и основы отношений между банками и властями.

В управленческие структуры банков будут и дальше делегироваться государственные назначенцы, банки будут восприниматься чиновниками просто как один из уровней административной иерархии. Не произойдет и полной переориентации государственных банков на цели максимизации прибыли, а значит, все банки с государственным участием так или иначе продолжат выполнение функции «политического» кредитования [1, с. 89–90].

В таком контексте вполне логично длительное сохранение административного контроля над процентными ставками. Свободные, рыночные ставки просто особо и не нужны, если кредит распределяется путем административных «торгов» между правительственными органами, ГП и банками. Тем не менее постепенная либерализация процентных ставок все же имела место. Быстрее она шла в пределах денежного рынка, к которому относятся рынок векселей, межбанковский кредитный рынок, рынок краткосрочных облигаций и рынок кредитов на короткие (до 1 года) сроки, и уже «вторым темпом» она охватывала рынок капитала (рынки средне- и долгосрочных кредитов и облигаций, предполагающих длительные сроки обращения) [1, с. 74, 78].

Первыми, еще в 1986 г., были либерализованы ставки дисконтирования (переучета) векселей. С 1 июня 1996 г. были дерегулированы ставки на межбанковском кредитном рынке. С июня 1997 г. начал работать межбанковский рынок долговых ценных бумаг, и процентные ставки на нем тоже были отпущены в свободное плавание. В сентябре 1998 г. были либерализованы процентные ставки по долговым инструментам, эмитируемым «политическими» банками. С 21 сентября 2000 г. произошла либерализация ставок по кредитам, выдаваемым в иностранных валютах, и по валютным депозитам на суммы в 3 млн долл. и выше.

Ставки по юаневым депозитам и кредитам на протяжении первых десятилетий реформ могли варьироваться банками только в определенных, достаточно узких диапазонах, установленных НБК. Но с 29 октября 2004 г. по юаневым кредитам (за исключением кредитов, выдаваемых городскими и сельскими кредитными кооперативами) верхний предел изменения (т.е. увеличения) процентных ставок был отменен вообще, а снижать проценты по кредитам стало возможно в пределах 0,9 раза от определенной НБК базовой ставки. По кредитам городских и сельских кредитных ко-

оперативов предел увеличения был доведен до 2,3 раза от базовой ставки. Отказ от его полной отмены аргументировался неразвитостью конкурентной среды в соответствующих сегментах рынка. По юаневым депозитам всем кредитным организациям было разрешено снижать ставки по своему усмотрению, но самостоятельно повышать проценты по депозитам они по-прежнему не могли [1, с. 83–85].

Эластичность процентных ставок по мере их либерализации постепенно повышалась, считает Сюй Линчао. Но формирование их и в начале 2010-х годов оставалось полуадминистративным-полурыночным. В результате цены на финансовые ресурсы были подвержены сильной дискриминации, т.е. в отдельных сегментах рынка они складывались по-разному и различались по величине. Ведь на их формирование влияли как ориентиры, установленные ЦБ, так и силы спроса и предложения, спонтанно складывавшиеся на рынке.

Соответственно, неодинаковы были и возможности использования различных инструментов ДП. Нормы обязательного резервирования (НОР) стали устанавливаться НБК с 1985 г. Последующее развитие межбанковского рынка государственных облигаций создало условия для применения начиная с 1996 г. и такого инструмента ДП, как операции на открытом рынке. Однако использовать в практике монетарного регулирования собственно процентные ставки по кредитам и депозитам было затруднительно. Порядок пересмотра индикативных ставок был слишком сложным и длительным: их устанавливал НБК, но должен был еще и утвердить Госсовет КНР. Это не могло не сказываться на действенности ДП. По оценкам, в 2000-е годы импульсы от смягчения ДП доходили до предприятий-заемщиков из реального сектора экономики с временным лагом не менее чем в 15 месяцев, а импульсы ужесточения ДП – не ранее, чем через девять месяцев [1, с. 94].

Однако не приходится сомневаться в том, что политика властей в отношении кредитной поддержки экономики оказывала в 1990–2000-е годы непосредственное влияние на макроэкономическую ситуацию в Китае. Когда в конце 1990-х годов китайская экономика столкнулась с проблемами нехватки внутреннего спроса и дефляции, то НБК в ответ осуществил смягчение ДП. Правда, его результативность многие эксперты оценивали как невысокую и

связывали это с произошедшим параллельно ужесточением банковского надзора, которое просто отбивало у банков желание выдавать кредиты кому-либо.

Однако с 2003 г. экономический рост в КНР снова резко ускорился, а объемы кредитования стали быстро увеличиваться. Обозначился новый «перегрев» экономики, который нашел выражение в инфляционном давлении, в том числе в образовании «мыльных пузырей» на рынках активов. Как следствие, НБК стал ужесточать ДП: повышать индикативные процентные ставки по кредитам и НОР с тем, чтобы откачать из экономики избыточную ликвидность. Но и эти меры трудно назвать эффективными. Слишком быстрый экономический рост и инфляцию сдержать не удавалось, и это вынудило НБК восстановить в конце 2007 г. непосредственный административный контроль над приростом кредитования (его квотирование).

С конца 2008 г., наоборот, стали сказываться последствия избыточного монетарного зажима, они были к тому же усугублены эффектом мирового финансового кризиса. Прирост ВВП резко замедлился, и власти снова стали реанимировать его с помощью денежной «накачки». Оживление экономики началось с третьего квартала 2009 г., а уже в течение 2010 г. стал очевидным новый ее «перегрев», и власти опять стали ограничивать прирост кредитования, в том числе и количественными лимитами [1, с. 2–3].

Подобная макроэкономическая динамика подтверждает, что колебания кредитной эмиссии находят отражение в динамике ВВП. Если кредитование расширяется, то увеличиваются инвестиции предприятий и доходы домохозяйств, у субъектов экономики формируются позитивные ожидания, и это приводит к ускорению экономического роста. А если кредитование ужимается, то предприятия испытывают трудности с финансированием, растет безработица, люди теряют уверенность в будущем, и экономика в конечном счете замедляется. Можно сказать, таким образом, что кредитная экспансия и кредитное сжатие – это одновременно и опережающие индикаторы будущей хозяйственной динамики, и инструменты макроэкономической политики государства.

Но чем определяются сами колебания объемов кредитования? Каков механизм передачи импульсов колебаний из финансового сектора в реальный? Можно ли говорить о циклических зако-

номерностях таких колебаний? Это и есть главные вопросы, на которые Сюй Линчао ищет ответы в своей книге [1, с. 4].

Проблематика кредитных циклов как составной части колебаний общехозяйственной конъюнктуры исследуется в мировой экономической науке еще с XVIII в. Лейтмотив рассуждений множества экономистов состоит в том, что поначалу кредитная экспансия вносит свой вклад в общее циклическое расширение экономики. Но в ходе подъема проявляются и обостряются дисбалансы, накапливается масса проблемной задолженности, для погашения которой у заемщиков не хватает ликвидных ресурсов. Возникает инфляционный «перегрев» экономики, и ЦБ пытается сдержать его с помощью ужесточения ДП. Как следствие, банки становятся гораздо более осторожными в выделении кредитов, и это само по себе усугубляет циклическое замедление экономики с возможным попаданием ее в рецессию.

Суммируя наработки различных научных школ, Сюй Линчао утверждает, что для того чтобы в экономике сложился механизм кредитного цикла, должны соблюдаться следующие три условия:

1) значительная часть хозяйствующих субъектов полагается именно на банковский кредит как на основной источник внешнего финансирования;

2) ЦБ способен контролировать предложение кредита коммерческими банками, т.е. банки не могут компенсировать эффекты ужесточения / смягчения ДП, изменяя структуру своих балансов, а так будет, если различные виды банковских активов и различные источники пополнения банковских пассивов не являются совершенными субститутами (иначе говоря, они не взаимозаменяемы);

3) цены на товары и услуги являются «жесткими» показателями, т.е. изменения номинальной денежной массы отражаются на темпах инфляции лишь с достаточно длительным временным лагом. Это означает, что деньги «не нейтральны»: изменение их количества может сказаться на динамике выпуска продукции в реальном секторе экономики [1, с. 73–74].

Соблюдаются ли эти условия в современной переходной экономике Китая? Китайская финансовая система, безусловно, остается банкцентричной. Доля банковского кредита во внешнем финансировании инвестиций нефинансовых предприятий в 2000-е годы держалась на уровне свыше 75%. Рынки акций и корпора-

тивных облигаций все еще сравнительно узкие. Если предложение кредита ужимается, то это не может быть компенсировано субститутами (теми или иными видами прямого финансирования), а значит, кредитное сжатие угнетает потребительский и инвестиционный спрос в экономике.

Взаимозаменяемость различных видов банковских активов и пассивов невысокая. Фондирование банков осуществляется главным образом путем привлечения сбережений на депозиты. Доля этого источника пассивов в первой половине 2000-х годов достигала 95%, а в 2007–2010 гг. – 85–90%. Доля финансирования, привлеченного путем выпуска банками ценных бумаг, в конце 2008 г. составляла 3,87%, а в конце 2010 г. – всего 1,68% [1, с. 91–92]. Если НБК ужесточает ДП, то банки не могут компенсировать сжатие объема доступных сбережений другими видами пассивов. Недостаток фондирования побуждает их уменьшать и свои активы, в том числе объемы кредитования клиентов, т.е. цели предпринятого НБК ужесточения монетарного курса действительно реализуются.

Что же касается «жесткости» цен, то она обеспечивается уже тем, что устанавливаемые НБК индикативные процентные ставки по кредитам и депозитам являются основой механизма ценообразования на финансовых рынках. Банки корректируют конкретный уровень ставок, исходя из особенностей заемщиков, но все же речь идет о колебаниях вокруг индикативных ставок ЦБ. Последние задают и уровень издержек упущенных возможностей (альтернативных издержек), а это сказывается на формировании цен также и у нефинансовых предприятий.

Так что все три условия, нужные для существования механизма кредитных циклов, вполне выполняются, констатирует Сью Линчао [1, с. 91–95]. Собственно, под кредитными циклами он понимает периодические отклонения (расширения и сжатия) предложения кредита от его долгосрочного тренда, а также периодические колебания цен на кредит (процентных ставок) и качества кредита (т.е. уровня связанных с ним рисков, в том числе рисков превращения кредитов в «плохие долги»). Предполагается, что такие циклические колебания генерируются различными внешними шоками, в том числе и изменениями политики ЦБ. Течение кредитного цикла непосредственно воздействует на макроэкономическую ситуацию в стране, и, в свою очередь, динамика ВВП

оказывает влияние на ход кредитного цикла [1, с. 4–5]. Каждая из составляющих кредитного цикла рассматривается автором по отдельности.

При исследовании влияния процессов в кредитной сфере на течение экономических циклов нужно прежде всего установить, насколько предложение кредита само подвержено циклическим колебаниям. Автор сознательно оставил в стороне кредиты в иностранных валютах (в конце 2010 г. на них приходились лишь 6,29% совокупного объема кредитования) и сосредоточил внимание на юаневом долговом финансировании. В его структуре он выделил долго-, краткосрочные и «прочие» кредиты (к последним относятся услуги финансового лизинга, эмиссия векселей, кредиты структур доверительного управления активами, товарные кредиты). Информация о них была взята из базы данных НБК. Рассматривался период с первого квартала 1992 г. по четвертый квартал 2010 г. [1, с. 96, 97, 269].

За это время доля долгосрочных кредитов в совокупном долговом финансировании выросла с 14,18 до 60,29%, с 2005 г. она стала больше, чем доля краткосрочных кредитов. Однако в 1990–2000-е годы быстро росли объемы кредитования обоих этих видов. А вот «прочие» кредиты использовались в скромных пропорциях, на конец 2010 г. их доля составляла 5,02% – примерно столько же, сколько и в первом квартале 1992 г. [1, с. 98].

Но в целом кривые и совокупного кредитного финансирования, и кратко- и долгосрочного кредитования в течение всего этого периода устойчиво шли вверх. Каких-либо циклических колебаний (расширений / сжатий) на них не просматривается, если отслеживать изменения объемов кредитования по годам. Однако ситуация меняется, если использовать другие временные отрезки – кварталы. В этом случае волнообразные изменения налицо, хотя это не отменяет общую тенденцию к росту объемов кредитования. Причем резкие всплески выдачи кредитов обычно происходят в первом квартале каждого календарного года. Если же взять не изменения общих, абсолютных показателей кредитного финансирования, а темпы их прироста, то циклические колебания еще заметнее. До 1998 г. в пределах года динамика кредитования обычно была вялой в первом квартале, но затем она нарастала от квартала к кварталу. А потом ситуация стала меняться, и после 2003 г. дело об-

стояло таким образом, что год начинался с активизации кредитования, а потом оно постепенно замедлялось [1, с. 99].

Данные об объемах кредитования разных видов в номинальном выражении Сюй Линчао сопоставил с данными об изменениях ВВП и индекса потребительских цен (ИПЦ) за соответствующие временные периоды (кварталы). При этом он исходил из того, что о кредитном цикле имеет смысл говорить, если фазы расширения и сжатия в ходе цикла продолжаются не менее четырех кварталов каждая, а весь цикл – не менее 10 кварталов. Но внутри циклов могут иметь место и менее продолжительные колебания – такие, что отдельные фазы занимают не менее двух кварталов, а вся длительность колебаний – не менее пяти кварталов.

Исходя из таких критериев, за период с первого квартала 1992 по четвертый квартал 2010 г. можно выделить три цикла изменений объема кредитного предложения, т.е. три собственно кредитных цикла: с третьего квартала 1992 по первый квартал 1998 г.; с первого квартала 1998 по второй квартал 2004 г.; со второго квартала 2004 по первый квартал 2010 г. Внутри каждого цикла имели место два-три локальных повторения тенденции.

В среднем каждый цикл длился 23,3 квартала, т.е. около шести лет. Фаза расширения в среднем продолжалась 18 кварталов, а фаза сжатия – 5,3 квартала. От цикла к циклу пиковые значения объемов кредитования и в фазах расширения, и в фазах сжатия становились все выше. А то, что фазы экспансии были более долгими, чем фазы ослабления кредитной активности, само по себе свидетельствует о «жесткости» китайской кредитно-денежной системы, о трудности внесения корректировок в ДП. Из отдельных видов кредитования наибольшей волатильностью отличались объемы выдачи «прочих» кредитов, в меньшей степени это было свойственно долгосрочным кредитам, а меньше всего – кредитам краткосрочным [1, с. 104–106].

Наложение друг на друга кривых циклических колебаний прироста объемов кредитования, темпов экономического роста и потребительской инфляции позволило автору сделать вывод, что эти показатели изменялись синхронно и в основном однонаправленно. По мнению Сюй Линчао, изменения экономических тенденций в целом соответствуют и динамике политического цикла – периодичности проведения съездов КПК и формирования прави-

тельства по истечении пятилетнего срока полномочий депутатов Всекитайского собрания народных представителей. Фазы экспансии в ходе экономических циклов обычно и начинаются примерно в год партийного съезда, продолжаются затем около двух лет, а последние три года каденции партийных лидеров и депутатов ВСНП обычно совпадают с фазой замедления экономического роста.

Поэтому применительно к рассматриваемому периоду Сюй Линчао счел возможным выделить не три, а четыре цикла изменений предложения кредита, прироста ВВП и ИПЦ: 1992–1996 гг., 1997–2001 гг., 2002–2006 гг. и начиная с 2007 г. В ходе циклов активизация кредитной эмиссии банков приводила не только к ускорениям экономического роста, но и к инфляционным скачкам, а последующее ужесточение ДП не только «сбивало» инфляцию, но и способствовало резким замедлениям прироста ВВП. Но при этом нужно учитывать, что кредитная эмиссия регулировалась с помощью не только ценовых инструментов (таких, как процентные ставки и НОР), но и устанавливавшихся административным путем количественных лимитов. Последние во многом и определяли реальную доступность кредита для заемщиков [1, с. 109–111].

Автор решил выяснить, какой фактор более значим для течения экономического цикла: совокупное предложение кредита или денежное предложение. В КНР используется следующая система денежных агрегатов:

M_0 – наличные деньги;

$M_1 = M_0 +$ средства на текущих счетах;

$M_2 = M_1 +$ средства на сберегательных депозитах + средства на срочных счетах предприятий + средства на других сберегательных счетах.

Конечной целью ДП с 1993 г. стало считаться «поддержание стабильной стоимости денег и способствование тем самым экономическому росту», а в качестве промежуточной цели с 1994 г. стал устанавливаться ориентир прироста денежной массы (до этого аналогичную функцию выполнял ориентир по совокупному кредитованию экономики). В 1996 г. в качестве ориентира был утвержден прирост агрегата M_1 , а агрегаты M_0 и M_2 стали рассматриваться как справочные [1, с. 87, 113].

Соответственно, и в разработанной Сюй Линчао модели векторной авторегрессии (т.е. такой, которая позволяет выявить как прямые, так и обратные причинно-следственные связи) в качестве переменной, характеризующей состояние денежного предложения, использовался агрегат M1. Наряду с ним был задействован показатель совокупного объема кредитования. А в качестве переменных, описывающих ход экономического цикла, выступали прирост ВВП и ИПЦ. Временной период исследования был при этом сокращен до промежутка с первого квартала 1998 г. до четвертого квартала 2010 г., так как именно с начала 1998 г. китайские банки формально получили право самим определять, кому выдавать кредиты и в каких объемах.

Вычисления по модели показали, что изменения в предложении кредита могут с определенным временным лагом вызывать колебания прироста ВВП. Но изменения объема кредитования не влияют на темпы инфляции. Наоборот, динамика ИПЦ может сказываться на темпах кредитной эмиссии. Колебания темпов экономического роста и инфляции усиливают друг друга. Динамика денежного предложения способна повлиять и на выпуск продукции в реальном секторе, и на темпы инфляции. Но и изменения скорости прироста цен, в свою очередь, влияют на объем денежной эмиссии.

Предложение кредита в гораздо большей степени влияет на экономический рост, чем это делает денежное предложение. Причем динамика кредитной эмиссии влияет на скорость возрастания денежной массы, а в обратную сторону их связь не работает. Такой результат исследования, вообще говоря, противоречит официальным установкам НБК, согласно которым промежуточным ориентиром ДП является заданный прирост денежного предложения. Получается, что в действительности, ввиду ключевой роли банковского кредита в удовлетворении спроса экономических агентов на внешнее финансирование, НБК влияет на ситуацию в реальном секторе по-другому – через воздействие на предложение кредита, – а оно, в свою очередь, является определяющим для формирования денежной массы. Фактически, таким образом, промежуточной целью ДП выступает достижение заданного ориентира по объему кредитования, а не по денежной эмиссии [1, с. 117].

Однако проверка этих результатов на устойчивость в случае шоковых изменений тех или иных параметров модели позволила

внести важные уточнения. Действительно, влияние предложения кредита на динамику ВВП сильнее, чем воздействие денежного предложения на ВВП, но на темпы инфляции динамика денежной массы влияет сильнее, чем динамика кредитования. Выявились и существенные различия по фазам цикла. В период экспансии и на экономический рост, и на инфляцию в большей степени влияет кредитная эмиссия, а не предложение денег (потому, что объемы кредитования растут быстрее, чем происходит прирост денежной массы). Зато в фазе сжатия, наоборот, ослабление прироста денежного предложения происходит быстрее, чем замедление прироста кредитования, и поэтому первый процесс более ощутимо, чем второй, влияет угнетающим образом на динамику и ВВП, и инфляции [1, с. 121].

Более углубленный анализ того, как все эти показатели влияют друг на друга, через сравнение вкладов всей совокупности переменных в изменение одного конкретного показателя выявил следующее. Динамика экономического роста, а значит, и логика циклических колебаний в экономике в целом, определяется прежде всего шоками предложения кредита и темпами инфляции, а влияние динамики денежной массы в данном случае очень ограниченное.

Темпы инфляции зависят и от динамики экономического роста, и от кредитной и денежной эмиссии. Но более чем наполовину то, каким будет прирост ИПЦ, определяется собственно шоками инфляции, т.е. инфляционными ожиданиями.

Предложение кредита тоже определяется преимущественно собственной, автономной логикой. Но по ходу цикла усиливается влияние со стороны инфляции на параметры кредитной эмиссии. А темпы экономического роста и изменения величины денежной массы в данном случае не имеют особого значения. По большому счету это как раз подтверждает, что, несмотря на формальное освобождение банков еще в 1998 г. от контроля со стороны властей над выбором заемщиков и объемами их финансирования, по сути, динамика кредитной эмиссии и в 2000-е годы продолжала определяться административно – решениями о курсе макроэкономической политики, которые принимали Госсовет КНР и НБК.

Наконец, динамика денежного предложения зависит в первую очередь от собственной внутренней логики. Но сравни-

тельно велико в данном случае и влияние инфляции, а также кредитной эмиссии, тогда как воздействие со стороны темпов экономического роста на объем денежной массы достаточно скромное [1, с. 122–124].

Получается, что главные драйверы макроэкономических колебаний в Китае – это шоковые изменения предложения кредита и темпов инфляции. А предложение кредита и в 2000-е годы складывалось под сильным воздействием экзогенных административных факторов, и это объясняется сохранением государственной собственности на банки и квотирования объемов кредитования [1, с. 143].

Еще более картину общеэкономического цикла усложняет то обстоятельство, что процентные ставки в Китае либерализованы лишь частично. По сути, о «двухколейности» можно говорить не только применительно к ценообразованию на финансовых рынках, но и в отношении инструментария ДП. НБК может воздействовать на цены финансовых ресурсов двояко: прямо (устанавливая индикативные процентные ставки по депозитам и кредитам) и косвенно (регулируя величину денежной массы, воздействуя тем самым на соотношение спроса и предложения на денежном рынке и, соответственно, процентные ставки на нем, а через них – и на процентные ставки на рынке капитала).

Как непосредственно взаимодействуют между собой процентные ставки денежного рынка, ставки рынка капитала и ставки, рекомендуемые НБК? В поиске ответа на этот вопрос Сюй Линчао тоже использовал модель векторной авторегрессии. В качестве индикаторов, характеризующих ситуацию на денежном рынке, в ней были задействованы либерализованные еще в 1990-е годы ставки межбанковского рынка краткосрочных кредитов и межбанковского рынка облигаций. Ставки, рекомендуемые НБК, – это ставка по одногодичному сберегательному депозиту и ставка по трехгодичному кредиту. В качестве переменных, отражающих состояние рынка капитала, были использованы процентные ставки по трехгодичным кредитам. Напомним, что с октября 2004 г. они могли свободно изменяться банками в сторону повышения, а снижение их было ограничено диапазоном в 10% от индикативной ставки НБК. Для измерения величины денежного предложения использовался агрегат М1. Были использованы данные из инфор-

мационной базы НБК за период с третьего квартала 2004 по четвертый квартал 2010 г. [1, с. 155–156].

Расчеты показали, что изменение величины денежной массы на самом деле мало влияет на процентные ставки на денежном рынке, но может повлечь за собой пересмотр рекомендуемых НБК ставок, а с достаточно большим временным лагом – и изменение рыночных ставок по средне- и долгосрочным кредитам. А колебания ставок денежного рынка не могут побудить НБК к пересмотру индикативных ставок и не могут подтолкнуть к изменениям процентные ставки на рынке капитала.

Все это свидетельствует о том, что трансмиссия сигналов ДП через ставки денежного рынка сталкивается с серьезными препятствиями. Но, как уже отмечалось, есть и альтернативный канал трансмиссии. НБК устанавливает индикативные ставки по кредитам и тем самым воздействует на ценообразование и на рынке капитала, и на денежном рынке.

В свою очередь, уровень ставок на рынке капитала влияет на ставки денежного рынка, на денежный агрегат М1, но на рекомендуемые НБК ставки он непосредственно повлиять не может. Иными словами, когда банки устанавливают свои ставки по кредитам, то они во многом задают тем самым уровни доходности и допустимых рисков и для денежного рынка, а стало быть, так оказывается воздействие и на величину денежного предложения. Индикативные же ставки по кредитам устанавливаются НБК экзогенно, волевым образом, и при этом придается относительно мало значения информации о ставках, уже сложившихся на рынке капитала.

Имитация шоковых изменений отдельных показателей и их влияния на другие переменные выявила, что индикативные ставки могут устанавливаться НБК специально «в противоход» сложившимся тенденциям на рынке капитала, тем самым Центробанк стремится направить движение ставок в нужную ему сторону. Итак, в целом подтвердилось, что ставки на рынке капитала формируются на основе индикативных ставок НБК, но с учетом информации о ставках денежного рынка, соотношения спроса на кредит и его предложения, особенностей отношений между банками и заемщиками и уровня рисков [1, с. 157–165].

Как связаны между собой динамика процентных ставок на рынке капитала и течение макроэкономического цикла? Для отве-

та на этот вопрос автором использовалась векторная авторегрессия, описывающая взаимосвязи четырех показателей: процентных ставок рынка капитала, ВВП, розничного товарооборота (он характеризует состояние потребительского спроса) и совокупных капиталовложений в основные фонды (описывают состояние инвестиционного спроса)¹. Использовались данные за период с третьего квартала 2004 по четвертый квартал 2010 г. [1, с. 170].

Эконометрическое исследование велось в два этапа. На первом определялся характер воздействия со стороны колебаний процентных ставок на динамику инвестиционного и потребительского спроса. Было обнаружено, что колебания процентных ставок по кредитам и объемов капиталовложений в основные фонды взаимно усиливают друг друга. Рост инвестиций может с определенным временным лагом простимулировать увеличение потребительских расходов, но в обратную сторону их связь не действует. Между изменениями процентных ставок и динамикой розничного товарооборота корреляционной зависимости вообще нет.

Симуляция шоковых изменений отдельных показателей дала возможность уточнить, что влияние изменений процентных ставок на динамику инвестиций более сильное, чем на динамику потребления. Но в целом колебания инвестиционного спроса управляются в большей степени собственной внутренней логикой, нежели влиянием со стороны процентных ставок по кредитам.

Изменения потребительского спроса тоже происходят в основном по собственной траектории, но в определенных пределах и с некоторым временным лагом на них влияют и колебания процентных ставок и объема инвестиций. А изменения процентных ставок тем более управляются прежде всего развитием ситуации на самом рынке капитала, влияние со стороны инвестиционного и потребительского спроса тут очень незначительное.

На втором этапе выяснялось, как динамика капиталовложений и розничного товарооборота сказывается на темпах прироста ВВП. Оказалось, что прирост потребительских расходов не оказы-

¹ Согласно принятой в КНР методологии, совокупные капиталовложения в основные фонды включают в себя расходы на капитальное строительство, реновацию, прочие вложения в основные фонды, а также расходы на геологоразведочные работы. Совокупные инвестиции, помимо капиталовложений в основные фонды, включают также инвестиции в оборотные средства. – *Прим. реф.*

вает прямого влияния на объем ВВП, тогда как скорость увеличения инвестиций непосредственно отражается на темпах роста экономики в целом, хотя и с небольшим временным лагом. Имитация шоковых изменений позволила уточнить, что влияние потребительского спроса на совокупный выпуск продукции все же имеет место, но оно слабеет со временем. А вот воздействие со стороны инвестиционного процесса на темп экономического роста устойчиво, и оно со временем усиливается [1, с. 173–181].

Анализ же долгосрочных равновесных соотношений между всеми этими показателями привел к парадоксальному результату. Оказалось, что увеличение процентных ставок по кредитам приводит не к замедлению, а к ускорению темпа прироста ВВП. По идее должно быть наоборот, так как удорожание кредита делает его менее доступным и для потребителей, и для инвесторов. Повидимому, считает Сюй Линчао, дело тут как раз в дифференцированной структуре процентных ставок. Наличие рыночных ставок по кредитам, более высоких, чем сознательно заниженные индикативные ставки НБК, облегчает мобилизацию сбережений общества, трансформацию их в инвестиции, а это как раз благоприятно для экономического роста [1, с. 183].

Незавершенность институциональных преобразований в китайской экономике вообще и в банковской системе в частности непосредственно сказывается и на том, как в ходе экономических циклов складывается ситуация с качеством кредита. Обычно в экономической науке считается, что в ходе хозяйственных подъемов банки склонны недооценивать риски и занижать требования к заемщикам. Это и является предпосылками для накопления «плохих долгов» (ПД).

Но со всей остротой данная проблема проявляется в периоды замедлений роста ВВП и экономических кризисов, когда у многих предприятий снижается рентабельность и они поэтому не могут нормально обслуживать и погашать задолженность по кредитам. В свою очередь, банки, столкнувшись с тем, что общая хозяйственная конъюнктура резко ухудшилась и часть их активов уже превратилась в ПД, слишком осторожничают с финансированием предприятий. Как следствие, у тех нет шансов перекредитоваться, а у банков нет возможностей «размыть» долю ПД за счет эмиссии новых кредитов [1, с. 53, 193].

Можно сказать, что китайским банкам эти проциклические тенденции в кредитовании свойственны в очень сильной степени. В 1980–2000-е годы бумы выдачи новых кредитов раз за разом способствовали возникновению инфляционных «перегревов» экономики, а болезненность последующих замедлений экономического роста во многом была связана именно с обострениями проблемы ПД. И объясняется все это тем, что китайские банки остаются под госконтролем, а получателями их кредитов являются преимущественно ГП. И на банки, и на предприятия распространяются неформальные гарантии от банкротства («мягкие бюджетные ограничения»). В ходе экономических подъемов предприятия задействуют банковские кредиты для финансирования инвестиционной деятельности, а если инвестиции окажутся неудачными, то убытки как раз и перекладываются на государство в виде ПД. Получается, что в современном Китае между экономическим ростом и накоплением ПД существует позитивная корреляция: чем выше темпы экономического роста, тем больше образуется ПД [1, с. 65–66].

Но, в свою очередь, нарастание ПД усиливает угрозы для макроэкономической стабильности сразу по нескольким направлениям. Во-первых, поддерживается инфляционное давление. Передаточный механизм здесь следующий. ГП, да и негосударственные предприятия, опекаемые различными окол властными группировками, имеют привилегированный доступ к кредиту. Но многие из этих предприятий убыточны, и для поддержания их на плаву нужны все новые кредиты.

В результате одновременного накопления и убытков предприятий, и ПД часть банковских активов обесценивается, уменьшается объем доступных банкам ликвидных ресурсов. Возрастают риски для нормального функционирования банковской системы, и для стабилизации положения НБК проводит докапитализацию банков и наращивает объем денежного предложения. Результатом увеличения денежной массы и является ускорение инфляции.

Во-вторых, усиливаются угрозы финансовой неустойчивости отдельных банков. В странах с развитой рыночной экономикой обычно считается, что признаком нарастания таких рисков является резкое снижение рентабельности банков. Предполагается, что если банку не хватает ликвидности, то он может привлечь допол-

нительное фондирование, поднимая процентные ставки по депозитам. Но это означает, что увеличиваются издержки мобилизации финансирования и тем самым оказывается еще большее угнетающее влияние на рентабельность.

Однако в Китае банки остаются преимущественно в государственной собственности, рост процентных ставок по депозитам сдерживается административно, и вообще максимизация прибыли не является для банков однозначно главной целью. Поэтому и уровень рентабельности нельзя считать в данном случае адекватным индикатором способности контролировать риски.

Обычно китайские банки, сталкиваясь с проблемой дефицита ликвидности, просто обращаются в НБК за рефинансированием. Поэтому судить об уровне рисков лучше, сравнивая фактические резервы банков (образованные в соответствии с НОР и избыточные, купленные на межбанковском рынке) с неким «нормальным» уровнем резервов. Накопление ПД банком означает, что он не может не только получить процентный доход, но и вернуть себе «тепло» кредита и окупить издержки, связанные с его выдачей. В конечном счете это и выражается в том, что резервы данного банка становятся меньше «нормального» уровня, это и есть сигнал о нарастании рисков неустойчивости для данного банка.

В-третьих, нарушается баланс интересов предприятий, банков и субъектов сбережения. Если предприятие не соблюдает условия кредитного соглашения, то непосредственные потери от этого несет банк. Но в конечном счете от ухудшения финансового положения банка могут пострадать и его вкладчики, поместившие свои деньги на депозиты. Да и от вызванной ростом ПД инфляции сбережения вкладчиков тоже обесцениваются [1, с. 195–201].

Для более детального изучения взаимосвязей между качеством кредитных активов и динамикой макроэкономических показателей Сюй Линчао тоже применил векторную авторегрессию. В ней были задействованы следующие переменные:

– накопленный объем ПД в номинальном выражении. Предпочтение этому показателю для количественной характеристики ПД было отдано потому, что процентная доля ПД в совокупном объеме кредитования очень изменчива, так как банки под давлением регуляторов часто пытаются «разводнить» долю ПД путем дополнительной кредитной эмиссии. Использовать для оценки долю

ПД в ВВП или других объемных макроэкономических показателях затруднительно ввиду того, что из-за взаимосвязи накопления ПД и экономического роста существует проблема эндогенности, т.е. объемы ВВП и ПД влияют друг на друга;

– объем накопленных «сомнительных» и «убыточных» кредитных активов в номинальном выражении. Речь идет о наиболее важной, наиболее устойчивой части ПД, которая в этом статусе определена государственными регуляторами банковской отрасли;

– реальный, т.е. скорректированный с учетом инфляции, ВВП; его изменения характеризуют колебания выпуска продукции;

– ИПЦ, его динамика описывает колебания цен.

В расчетах по модели были использованы данные за время с первого квартала 2004 по четвертый квартал 2010 г., этот промежуток был выбран, так как ВКБР начала публиковать статистику ПД только с 2004 г. [1, с. 205–206].

Расчеты выявили, что рост объема ПД оказывает воздействие на динамику ВВП, но в обратную сторону их связь не работает. Динамика ПД и темпы инфляции взаимно усиливают друг друга. Между ростом объемов «сомнительных» и «проблемных» активов и динамикой экономического роста есть слабая причинно-следственная связь, но в обратную сторону она не действует. А вот на темпы инфляции рост объемов таких активов влияет вполне заметно, но и инфляция тоже влияет на изменения их величины. В целом, таким образом, подтвердилось, что качество кредита важно для динамики и экономического роста, и инфляции. Но экономический рост не может повлиять на качество кредита, а инфляция может.

Имитация шоковых изменений этих показателей позволила уточнить, что влияние и объема ПД, и объема «сомнительных» кредитов на темпы прироста ВВП изменчивое (то стимулирующее, то ограничительное), но все же первый показатель на темпы прироста ВВП воздействует больше, чем второй. А на инфляцию рост объемов «сомнительных» кредитов оказывает сдерживающее влияние, и оно сильнее, чем проинфляционное влияние со стороны роста объемов ПД.

В долгосрочном периоде между переменными модели подерживается устойчивое равновесие. Ухудшение качества кредитных активов (рост и ПД, и объема «сомнительных» и «проблем-

ных» активов) происходит параллельно с ускорением инфляции. Но если ВВП и объем ПД изменяются в одном направлении, то между ростом объема «сомнительных» кредитов и приростом ВВП зависимость обратная, т.е. в конечном счете ухудшение качества кредитных активов все-таки способствует замедлению, а не ускорению экономического роста [1, с. 208–223].

Итак, то институциональное устройство китайского банковского сектора, которое сложилось в 1980-е – начале 2010-х годов, не только создало условия для функционирования в китайской экономике механизма кредитных циклов, но и придало колебаниям макроэкономической конъюнктуры определенные аномальные черты. Экономика то «перегривалась», то резко замедлялась. В ней поддерживался высокий инфляционный фон, а системным следствием экономического роста было гипертрофированное накопление ПД.

В качестве выхода из положения Сюй Линчао рекомендовал ликвидацию рудиментов административного контроля над ставками по банковским кредитам и депозитам. Но осуществлять окончательную либерализацию процентных ставок он предлагал не одномоментно, а постепенно, предусматривая страховочные механизмы для приоритетных отраслей экономики и убыточных предприятий в виде государственных гарантий по кредитам или субсидирования процентных ставок.

Без таких регулятивных мер либерализация, по мнению Сюй Линчао, могла бы увеличить амплитуду макроэкономических колебаний. Логика здесь следующая. Ставки по кредитам в течение длительного времени были ниже равновесного уровня, при дерегулировании они могут резко вырасти, а это окажет сильное угнетающее воздействие на экономический рост [1, с. 274–275].

Ван Юй и Ли Хунцзинь (исследовательский департамент НБК) [2] проводили свое исследование, когда либерализация процентных ставок уже произошла. Они привели дополнительные аргументы в ее пользу, описав, как реально функционировала та структура процентных ставок, которая сложилась после частичного их дерегулирования в 2004 г.

Еще раз напомним, что в рамках той конструкции ставки по депозитам можно было свободно изменять только в сторону понижения, а по кредитам – только в сторону повышения. Очевидно, при этом преследовались две цели. Во-первых, предотвратить си-

туацию, когда банки будут переманивать вкладчиков друг у друга, увеличивая проценты по депозитам. Во-вторых, не допустить занижения банками процентных ставок по кредитам для предприятий, чреватого дополнительным «разогревом» инвестиционной сферы и, как следствие, усилением инфляционного давления.

Однако дело обернулось тем, что банкам фактически были гарантированы дешевое фондирование (привлечение сбережений на депозиты с относительно низкими процентными ставками) и высокая рентабельность за счет спреда – разницы между ставками по кредитам и депозитам. А если прибыли банкам, по сути, обеспечены, то у них слабы побудительные мотивы к инновациям, эффективному контролю за рисками; освоению новых видов финансовой деятельности, приносящих непроцентные доходы. Банки, чье финансовое положение устойчиво благодаря административным ограничениям, как раз и будут склонны идти на поводу у правительственных структур, побуждающих их кредитовать плохо просчитанные инвестиционные проекты ГП и других связанных с властями компаний.

Благодаря низким (в реальном исчислении, т.е. с учетом инфляции, временами даже отрицательным) процентным ставкам по депозитам банки в любом случае находили возможности для конкуренции друг с другом путем удешевления кредита. Разбухавший на этой основе спрос на заемные ресурсы макрорегуляторам приходилось сдерживать количественными лимитами на кредитование.

К тому же, несмотря на сравнительно давно произошедшую либерализацию ставок на денежном рынке и рынке долговых ценных бумаг, главными их участниками и поставщиками финансовых ресурсов на них оставались крупные государственные банки. В условиях, когда ставки по депозитам поддерживались на низком уровне, а объемы кредитования ограничивались административно, у банков образовывались значительные излишки средств, и банки направляли их как раз на денежный и долговой рынки. В результате заниженные процентные ставки складывались и там. Но примечательно, что к удовлетворению спроса на кредит со стороны частных промышленных предприятий все это не приводило: в роли привилегированных заемщиков по-прежнему выступали ГП, а также компании, реализовывавшие проекты в секторе недвижимости и других спекулятивных сферах [2, с. 8–9].

Характерно, что избыточное, изжившее себя административное регулирование само породило контртенденцию в виде широкого распространения услуг «теневого» банкинга. С начала 2010-х годов китайские банки, столкнувшись с замедлением притока средств из-за очередного антиинфляционного ужесточения ДП, стали активно предлагать клиентам не открывать депозиты под низкие процентные ставки, а покупать «продукты по управлению активами» (ПУА, или *wealth-management products*) – полулегальные финансовые инструменты с гибкими ставками. Кроме банков на этой ниве действовало и множество инвестиционных компаний, базировавшихся на электронных площадках, т.е. возник альтернативный традиционному банковскому «финтеховский» бизнес.

В 2011 г. объем эмиссии ПУА составил 4,59 трлн юаней, что было эквивалентно 5,7% суммы средств, находившихся на банковских депозитах. А на конец 2017 г. было уже выпущено ПУА на 29,54 трлн юаней (24,6% суммы средств на банковских депозитах) [2, с. 3–4]. Сами банки стали, таким образом, лоббистами дальнейшего дерегулирования процентных ставок.

Назревшие перемены начались, когда в июле 2013 г. были упразднены административные лимиты, в пределах которых можно было устанавливать процентные ставки по кредитам. В ноябре 2014 г. было разрешено корректировать в сторону повышения ставки по депозитам в пределах 120% от индикативной ставки НБК. В течение марта – мая 2015 г. этот диапазон был постепенно расширен до 150%. А в сентябре 2015 г. интервалы, в рамках которых можно было варьировать ставки по депозитам, перестали быть обязательными. Формально тем самым состоялась полная либерализация процентных ставок, констатировали Ван Юй и Ли Хунцзинь [2, с. 5].

Но все не так просто. Индикативные ставки НБК (т.е. коридоры, в пределах которых банки могут варьировать ставки по депозитам и кредитам) были сохранены «на переходный период». Официально это теперь не более чем справочная информация, которую НБК публикует для коммерческих банков, дабы уведомить их о своих предпочтениях. На деле же многие банки продолжают полагаться на ориентиры, исходящие от НБК: они берут за основу своего ценообразования индикативные ставки, несколько диффе-

ренцируя их в зависимости от уровня рисков и издержек, связанных с тем или иным клиентом.

Отчасти это связано с тем, что без четких политических сигналов «сверху» о необходимости осваивать новые методики ценообразования банки просто занимают позицию пассивных наблюдателей. К тому же банки ищут стабильности: им привычен гарантированный спред, о котором напоминают индикативные ставки ЦБ. Да и круг основных клиентов банков остается в значительной мере нерыночным, это в основном крупные и средние ГП, которые в своих стратегиях заимствования ориентируются на те же самые индикативные ставки. А у банков мало возможностей изменять ставки по кредитам таким заемщикам: в отношениях с ГП им не хватает переговорной силы, тем более что выделение кредитов и сейчас часто происходит под лоббистским давлением со стороны местных правительств.

На индикативные ставки во многом завязана и документация банков, в том числе условия заключаемых ими контрактов с заемщиками. Если методика установления процентных ставок изменится, то придется переделывать и многие юридически обязывающие документы, в том числе кредитные договоры между банками и правительственными структурами (а это потребует межведомственной координации) [2, с. 170–173, 175–176].

По идее, после окончательной отмены индикативных ставок НБК банкам придется при установлении своих процентных ставок по средне- и долгосрочным кредитам брать за основу ставки, складывающиеся на денежном рынке. Но банкам такая перспектива не слишком нравится ввиду того, что ставки денежного рынка достаточно волатильны (из-за колебаний остатков средств на счетах Министерства финансов, увеличения спроса на наличность в праздничные дни, наступления пиков расчетов предприятий по налогам; прохождения через банковскую систему средств, мобилизованных предприятиями при размещении акций, и т.д.).

Рынки финансовых деривативов, которые могли бы использоваться для хеджирования таких рисков, в Китае пока слабо развиты. «Игроками» на них являются в основном те же банки, а также страховые и инвестиционные компании с государственным участием; для предприятий реального сектора и физических лиц доступ на эти рынки закрыт. Поскольку у имеющихся участников

рынков производных финансовых инструментов ожидания в основном однотипны, то доходность по деривативам обычно изменяется в одном направлении, она не может обеспечить диверсификацию рисков [2, с. 161, 174].

В целом условия для упразднения индикативных ставок уже созрели, считают Ван Юй и Ли Хунцзинь, это просто вопрос времени [2, с. 170, 176]. Но сложившаяся конфигурация интересов мешает перейти на свободное установление процентных ставок банками. Поэтому и во второй половине 2010-х годов ценообразованию на кредитном рынке все еще была присуща «двухколейность» [2, с. 20].

Как меры по либерализации процентных ставок, предпринятые в 2013–2015 гг., сказались на финансовом положении и поведении хозяйствующих субъектов?

Экономическая теория предсказывает, что если процентные ставки освобождаются от контроля после длительного искусственного занижения, то в ходе своего движения к равновесному уровню они, скорее всего, будут расти. Увеличение ставок по депозитам по идее должно стимулировать образование дополнительных сбережений, что расширит финансовую базу инвестиционного процесса. Ограничения на кредитное финансирование для предприятий ослабнут. А рост ставок по кредитам ограничит избыточный инвестиционный спрос предприятий, распределение капитала в экономике станет более рациональным [2, с. 82].

Для эмпирической проверки этих предположений операционное управление НБК провело во втором квартале 2014 г. обследование предприятий, расположенных в Пекине. Опросные листы посылались 116 респондентам, ответы были получены от 108. Среди них были самые разные по размерам – от микропредприятий до крупных, а спектр отраслей включал в себя 10 позиций, в том числе сельское хозяйство, промышленные отрасли, традиционные отрасли сферы услуг (оптовая и розничная торговля, транспорт, складское хозяйство, почтовые услуги, гостиничное дело, общепит) и высокотехнологичные сервисные отрасли (электронная торговля, лизинг, информационные услуги) [2, с. 91, 114].

Более половины (58,5%) респондентов подтвердили, что ставки по кредитам после их либерализации в 2013 г. выросли. Причем опрошенные ожидали, что либерализация ставок по depo-

зита́м приведет к еще большему удорожанию кредитов, так как издержки фондирования у банков вырастут.

Повышение ставок по кредитам в большей степени ощутили крупные предприятия: рост цены кредита отметили 70,3% из них, а также 55,6% средних и 48,7% малых и микропредприятий. Но в целом ставки по кредитам для крупных предприятий (а это преимущественно ГП) хотя и повысились, но все еще оставались на более низких уровнях, чем для других категорий заемщиков. 75,7% крупных предприятий получали в 2014 г. кредиты по ставкам ниже или таким же, как установленные НБК индикативные ставки. В группе средних предприятий подобными условиями могли воспользоваться только 55,6%, а среди малых и микропредприятий – лишь 5,1%.

Выяснилось, что ужесточение условий кредитования в большей мере почувствовали традиционные отрасли, а не высокотехнологичные отрасли промышленности и сферы услуг. Но поскольку предприятия традиционных отраслей – это преимущественно крупные ГП, то процентные ставки для них и в 2014 г. все еще были ниже, чем для малого бизнеса в более технологически продвинутых отраслях. И все же 9,1% средних предприятий и 11,1% малых и микропредприятий отметили, что условия кредитования улучшились. Среди крупных предприятий респондентов с таким мнением не нашлось ни одного [2, с. 91–98].

Ван Юй и Ли Хунцинъ и сами обсчитали данные этого исследования с помощью эконометрической модели, дабы выяснить, как повлияла либерализация процентных ставок на ограничения по кредитному финансированию, с которыми сталкиваются предприятия. В модели динамика капиталовложений в основные фонды на предприятии поставлена в зависимость от величины продаж продукции, чистого притока ликвидности и дамми-переменной, которая характеризует ход либерализации процентных ставок (в 2011 и 2012 гг. ее величина принимается за 0, а в 2013 г., когда были либерализованы ставки по кредитам, – за 1). В выборку было включено 71 предприятие; они были сгруппированы по формам собственности, размерам и отраслевой принадлежности [2, с. 114–115].

Расчеты по выборке в целом показали, что либерализация действительно привела к смягчению кредитных ограничений для

предприятий. Очевидно, повышение ставок привело к расширению круга источников финансовых ресурсов, поступающих на рынок, и получить внешнее финансирование предприятиям стало легче.

Подтвердилось, что для ГП кредитные ограничения менее жесткие, чем для предприятий негосударственных форм собственности. Но выяснилось, что после либерализации процентных ставок кредитные ограничения для ГП еще несколько смягчились, а вот о последствиях либерализации для негосударственных предприятий сказать что-то определенное вообще сложно.

Очевидно, это связано с сохранением государственной собственности на банки. Те и сейчас предпочитают кредитовать ГП. Получается, что последние как раз и получили основные выгоды от либерализации процентных ставок. А интерес банков к кредитованию негосударственных компаний пока остается умозрительным, в том числе и потому, что банки сталкиваются с жесткими нормативными требованиями ВКБР, которая стремится не допускать резкого роста ПД. Из-за этого банки по-прежнему осторожны в кредитовании частного бизнеса, тем более что либерализация ставок усилила их волатильность. Так что заметного облегчения кредитных ограничений для негосударственных предприятий пока не произошло.

Вполне логично в связи с этим, что для крупных и средних предприятий кредитные ограничения менее жесткие, чем для малых и микропредприятий. После либерализации условия внешнего финансирования для крупных и средних предприятий даже несколько улучшились, а для малых и микропредприятий они изменились мало.

Исследование в отраслевом разрезе выявило, что для предприятий обрабатывающей промышленности, среди которых много ГП, ограничения на внешнее финансирование вообще не слишком актуальны, а либерализация не оказала какого-либо статистически значимого влияния на эту ситуацию. Правда, было установлено, что после либерализации банки стали более осторожными в кредитовании тех отраслей промышленности, где невелика рентабельность и накоплены избыточные производственные мощности. Ставки по кредитам для предприятий таких отраслей несколько увеличились.

Либерализация ослабила кредитные ограничения для компаний в традиционных сервисных отраслях. Но для высокотехнологичных отраслей сферы услуг ситуация после дерегулирования ставок изменилась мало. Объяснить это можно наличием сильной информационной асимметрии: предприятия в таких отраслях существуют относительно недолго, масштабы их невелики, перспективы неопределенные, а потому банки и сейчас проявляют осторожность в их финансировании. Итак, либерализация процентных ставок принесла промежуточные позитивные результаты, но выгоды от нее неравномерно распределены между отдельными группами предприятий реального сектора [2, с. 117–126].

Ван Юй и Ли Хунцзинь проанализировали и макроэкономические последствия либерализации. Для этого ими была задействована методология построения модели динамико-стохастического общего равновесия (DSGE). Она позволяет преодолеть недостатки традиционных эконометрических моделей, которые основываются на предпосылке о неизменности структурных характеристик объекта исследования, а ведь либерализация процентных ставок – это и есть, по сути, структурные изменения.

В сконструированной авторами модели DSGE представлены четыре группы хозяйствующих субъектов (домохозяйства, предприятия, коммерческие банки и ЦБ), которые взаимодействуют на четырех рынках (товаров, рабочей силы, капитала и финансовых ресурсов). Принимаются во внимание стохастические шоки трех видов: связанные с ДП, технологическими изменениями на предприятиях и технологическими изменениями в банках. Выясняется, как динамика процентных ставок по депозитам после их либерализации отразится на приросте ВВП и отдельных его составных частей (потребительских и инвестиционных расходов), на отраслевой структуре экономики, а также на темпах инфляции. В расчетах были использованы данные Госстатуправления КНР за период с первого квартала 2000 по четвертый квартал 2015 г. [2, с. 61, 68].

Модель предсказала, что повышение процентных ставок по депозитам после их дерегулирования приведет к уменьшению нормы накопления (доли инвестиций в ВВП) и соответствующему увеличению нормы потребления. Сократится доля совокупного запаса капитала, приходящаяся на реальный сектор, и увеличится доля, приходящаяся на банки.

Пропорции использования факторов производства (труда и капитала) и в реальном, и в банковском секторах изменятся в пользу труда, а значит, экономический рост будет генерировать больше, чем раньше, рабочих мест. При этом спрос предприятий на рабочую силу сократится, а банки, напротив, будут нанимать дополнительный персонал. Иными словами, произойдет сдвиг в структуре занятости в пользу сферы услуг.

Позитивные технологические шоки на предприятиях (т.е. научно-технические инновации) приведут к росту объемов и потребления, и инвестиций, и ВВП в целом, а номинальные процентные ставки по депозитам при этом снизятся. Но если затем рост ставок возобновится, то позитивное влияние технологических шоков на инвестиции и потребление сначала усилится, а с течением времени начнет слабеть.

Позитивные технологические шоки в банковском секторе снизят операционные издержки банков, это позволит им уменьшить процентные ставки по кредитам. Домохозяйства смогут заимствовать в больших объемах средства на потребительские цели, абсолютные размеры потребительского спроса увеличатся. Но это может сопровождаться снижением нормы накопления, что логично, так как предприятия совсем не обязательно выиграют от снижения ставок по кредитам: у них может обесцениться часть активов.

Благодаря либерализации ставок по депозитам усилится восприимчивость ВВП, потребления и инвестиций к шокам, порождаемым изменениями ДП, т.е. возрастет эффективность последней. Причем эти эффекты будут усиливаться со временем. А то, что либерализация и последующий рост процентных ставок по депозитам приведут к увеличению нормы потребления, будет способствовать сглаживанию колебаний экономического роста. Менее волатильной станет и инфляция. Иначе говоря, либерализация процентных ставок поможет нормализовать динамику макроэкономических колебаний в Китае [2, с. 75–78]. Здесь выводы Ван Юя и Ли Хунцзиня разошлись с предсказаниями Сюй Линчао.

Экономика, в которой административно занижаются процентные ставки, тоже может быть достаточно стабильной и даже расти высокими темпами, отметили Ван Юй и Ли Хунцзинь. Но наличие вносимых государственной политикой искажений в действие рыночных механизмов по определению означает, что в такой

экономике существует многообразие путей к равновесию, а стало быть, весьма вероятно появление доминирующих «игроков», перераспределяющих ресурсы в свою пользу, осуществляющих извлечение рентных доходов и вообще склонных к оппортунистическому поведению (в данном случае – к использованию административных полномочий для собственного обогащения). Поэтому в такой экономике сложно согласовать интересы труда и капитала, она склонна к образованию глубокой пропасти между бедностью и богатством.

Действительно, в Китае в течение нескольких реформенных десятилетий административное занижение процентных ставок сочеталось с углублением неравенства в распределении доходов. Либерализация процентных ставок важна в том числе и как средство сгладить неравенство в потреблении, а это должно помочь осуществить сдвиг в пользу преимущественной опоры экономического роста не на экспортный, а на внутренний спрос. Но после дерегулирования процентных ставок может снизиться уровень потребления у собственников капитала, соответственно, их противодействие замедляет движение в сторону либерализации [2, с. 52].

Истолковать это можно так, что выгоды от реформы перевешивают связанные с ней риски, а значит, просто нужна политическая воля для ее последовательного проведения.

Список литературы

1. Сюй Линчао. Исследование кредитных циклов в Китае = Чжунго синьдай чжоуци бодун яньцзю. – Бэйцзин : Чжунго цзиньжун чубаньшэ, 2012. – 308 с. – Кит. яз.
2. Ван Юй, Ли Хунцинь. Либерализация процентных ставок в условиях переходной экономики = Цзинци чжуаньсин чжун дэ лилюй шичанхуа гайгэ. – Бэйцзин : Шаньу иньшугуань, 2019. – 338 с. – Кит. яз.

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал

Серия 9

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА
2022 № 3

Художник обложки и художественный редактор М.Б. Шнайдерман
Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор Я.А. Кузьменко

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 14.08.1999 г.

Подписано к печати 14.06.2022

Формат 60×84/16	Бум. офсетная № 1
Печать офсетная	Цена свободная
Усл. печ. л. 9,75	Уч.-изд. л. 8,2
Тираж 300 экз.	Заказ № 37
(1–100 экз. – 1-й завод)	

Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН),
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: (925) 517-36-91, (499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов
ул. Чернышевского, д. 88, литера У

